

Наследница Византии

Наследница Византии

Часть первая

I.

Просторная комната была обставлена комфортабельно, но без роскоши. Пол был покрыт довольно скромным ковром, у стены стояла большая кушетка, обитая темно-коричневой кожей, у другой шкафы с книгами и делами в зеленой обложке. Черный стол занимал значительную часть комнаты. Прямо перед столом, в простенке, висел великолепный портрет масляными красками, изображавший короля Прусского, Фридриха II Великого, во весь рост, с треуголкой на голове и неизменной тростью в руке. В углу пылал камин.

Тяжелые портьеры на окнах были спущены. За столом, освещенным шестью свечами в бронзовом шандале, сидел пожилой человек, в распахнутом теплом камзоле и сосредоточенно писал. Изредка он клал длинное гусиное перо, откидываясь на спинку кресла и, закрыв глаза, оставался несколько мгновений погруженным в задумчивость. Потом снова брал перо и продолжал писать.

Этот человек с полным одутловатым лицом, бойкими живыми глазами, был полномочный министр прусского короля и посланник при Российском Императорском Дворе, граф Герц.

«...Обстоятельства резко изменились, — продолжал он писать. — Императрица Екатерина относится ко мне с заметным охлаждением. Я вторую неделю уже не могу добиться аудиенции. Князь Потемкин имеет, кажется, такую силу, какой никогда не имел раньше. Ко мне он относится с оскорбительным высокомерием. Третьего дня он принял меня в халате, непричесанный, без парика, в туфлях на голых ногах. Пока я излагал ему доводы Вашего Величества и Ваши взгляды, он непрерывно зевал и, наконец, сказал мне: — «Обратитесь к императрице. Вы знаете, что я только министр». Но всем нам хорошо известно, что Потемкин находится на такой высоте, что императрица не подпишет ни одной существенной бумаги без его одобрения. С недавней опалой графа Панина, заведовавшего иностранными делами и истинного друга Вашего Величества, князь Потемкин стал полновластным решителем судеб Российской империи. Он хочет играть кабинетами великих держав, как в шахматы. Английский посланник, сэр Гаррис, жаловался мне, что князь Потемкин третирует его и лишил своего прежнего внимания. Французский посол, маркиз де-Веррак, встретил самый нелюбезный прием, когда явился к императрице с жалобой на каких-то мужиков, избивших его сына. Мы все в недоумении. Единственно, кто пользуется благоволением Двора и вниманием всемогущего князя Потемкина — это австрийский посол, граф Кобенцель. Ему оказывают преимущественное внимание, и он часто проводит дни у князя Потемкина. Я лично думаю, что вопрос идет относительно Турции, врагом которой, — по повелению Божьему, как говорит сама императрица, — является она. Предполагаемый Вашим Величеством союз с Турцией против немецкого императора, Иосифа II, по-видимому не имел успеха, хотя я еще не получил официального ответа. Великий князь Павел Петрович всецело на стороне Вашего Величества, но он имеет очень мало влияния на дела... Здешняя жизнь чрезмерно дорога и требует больших расходов. Посланники английский, французский и австрийский сыплют золото направо и налево, а я не могу с ними соперничать, потому что, как известно Вашему Величеству»...

Стук в дверь прервал занятия графа. Он сердито бросил перо и крикнул:

— Кто там? Войдите...

Дверь открылась и показался секретарь графа, молодой Шварц.

— А это вы, — произнес граф, — я очень занят. Что вам?

— Прошу извинить, граф, — ответил Шварц, пришел тот человек...

При этих словах граф сделал порывистое движение.

— Он? Зовите же его, — нервно, с оживлением произнес он.

Шварц вышел и через минуту вернулся в сопровождении человека, закутанного до бровей плащом, с низко надвинутой на глаза шляпой, которую он не снял, даже перестудивши порог кабинета послан ника. Он молча остановился у порога. Шварц с любопытством смотрел на него. Этот таинственный человек посещал графа Герца, всегда окруженный глубокой тайной, пользуясь для входа к посланнику известным паролем.

Никто из прислуги и членов посольства, не исключая секретаря Шварца, никогда не видели его лица.

— Оставьте нас, Шварц, — произнес граф. Шварц удалился с недовольным видом.

Граф встал и на ключ запер за ним дверь.

Таинственный посетитель скинул шляпу и плащ и бросил их на кушетку, но лицо его оказалось покрытым легкой бархатной полумаской.

Это был высокий человек, в коротко остриженном парике.

Судя по стройной, гибкой фигуре и ярким черным глазам — это был молодой человек. Во всей его осанке, в манере, с какой он поклонился графу, был виден человек, привыкший к обществу.

— Ну-с, таинственный незнакомец, — начал граф, — какие новости вы принесли мне?

— Я думаю, вы останетесь сегодня довольны, граф, — звучным и уверенным голосом ответил незнакомец. — Я не знаю, продолжал он, что собственно заставило меня принести этот документ вам, а не сэру Гаррису.

Не обнаруживая снедавшего его любопытства, граф Герц холодно ответил:

— Еще время не ушло, дорогой друг. Да и вообще я не совсем понимаю, во имя чего вы действуете и почему вы предложили свои услуги именно мне, а не представителю какой-либо другой державы?

— Вам этого и понимать не надо, — с судорожным смехом ответил незнакомец, — я ведь, проданся вам; почему именно вам, это, быть-может, дело случая. Представьте себе, что нужда в деньгах совпала с тем моментом, когда в моих руках был документ, именно нужный министру прусского короля, наиболее враждебного австрийскому императору... Удовлетворитесь этим объяснением и не спрашивайте другого, если вам угодно пользоваться моими услугами. Впрочем, я не навязываюсь...

С этими словами он сделал движение взять свой плащ.

— Пойдите, — остановил его Герц! — до сих пор я не имел причины жаловаться на вас. Вы были добросовестны, с легкой иронией произнес он, — мне, в конце концов, нет дела до ваших тайн, лишь бы материал был доброкачественный.

— О, на этот счет вы можете быть спокойны, — возразил незнакомец, — вы знаете мою работу.

Он вынул из кармана камзола пакет и сказал:

— Вот документ, раскрывающий игру петербургского кабинета. Угодно вам заплатить за него пятьсот русских золотых?

Граф Герц даже привскочил на месте.

— Но, вы сошли с ума! — воскликнул он. — Пятьсот золотых! Нет, вы положительно не в своем уме, прекрасный незнакомец.

— Очень жаль, — холодно возразил незнакомец, — вы могли убедиться до сих пор, что я не преувеличиваю цену своих сообщений.

Несколько минут граф сидел молча. Незнакомец, с конвертом в руках, не прерывал его молчания.

Наконец граф, поднял голову.

— Но, дорогой друг, — сказал он, — таких денег нет у меня в распоряжении. Я не так богат, как маркиз де-Веррак или сэр Гарриис.

— Возможно, — насмешливо произнес незнакомец, — но они у вас будут. Ваш король слишком умен, чтобы не понять, как нужны деньги его представителю в этой стране. Но я поверю вам. Дайте сейчас сто золотых, а на остальные напишите расписку на предъявителя, на полгода, банкиру Сутерленду.

Граф колебался.

— Однако, вы задерживаете меня, — сказал незнакомец, — да или нет? Еще раз говорю вам, что этот документ стоит этих денег.

Этот таинственный незнакомец появился у графа Герца больше года тому назад, в самый разгар борьбы при дворе партий прусского короля и австрийского императора, начавшейся со времени спора, возникшего между ними по поводу баварского наследства, на которое после смерти баварского курфюрста Максимилиана-Иосифа, Австрия предъявила права, чего не хотел допустить Фридрих, боясь насилия Австрии.

За все это время таинственный незнакомец поставлял прусскому министру чрезвычайно ценные сведения о действиях австрийской дипломатии при русском дворе, что не раз давало возможность Фридриху II искусно расстраивать планы враждебного двора, особенно при содействии графа Панина, его сильного приверженца.

Герц очень ценил услуги незнакомца, но, несмотря на все принятые меры, он до сих пор не мог узнать, кто этот человек.

Для удобства сообщений, незнакомец каждый раз назначал пароль. Этот пароль граф сообщал охране и секретарю, и незнакомца пропускали без лишних расспросов.

На этот раз паролем было: «тот человек».

Когда наследник с супругою уезжали за границу, незнакомец достал сведения об инструкции, данной императрицей наследнику, касающейся этого путешествия. Императрица предписывала великому князю особенно быть любезным в Вене и избежать Берлина, то есть совершенно наоборот желанью великого князя и особенно его жены, Марии Феодоровны, урожденной принцессы Виртембергской, племянницы Фридриха II, у которой была масса родственников в Берлине.

Во время пребывания австрийского императора в России и в бытность его в Царском Селе, инкогнито, под именем графа Фалькенштейна, таинственный незнакомец тоже доставлял точные Тайный сведения о переговорах императора с императрицей, о роли Потемкина и графа Панина.

За это время Герц привык ценить таинственного сотрудника и не переставал удивляться его необъяснимой осведомленности. Но в тайну его проникнуть он не мог. Незнакомец одинаково свободно говорил и по-французски и по-немецки, без малейшего акцента, и никогда ничем не выдавал себя.

До сих пор он вполне оправдывал свою цену, и теперь, после некоторого колебания, граф, наконец, решился:

— Хорошо, — сказал он, — я согласен.

Он подошел к небольшому шкафчику, вделанному в стену, открыл его и вынул из него мешочек с золотом.

— Тут пятьдесят золотых, — произнес он, — больше у меня сейчас нет; на остальную сумму я напишу расписку Сутерлэнду. Даст ли он вам под нее денег — я не знаю: это уже ваше дело.

Незнакомец молча кивнул головой.

Граф написал расписку и подал ему вместе с мешочком.

Незнакомец спрятал деньги, не считая, бегло взглянул на расписку и протянул графу конверт:

— Это копия письма императрицы к Иосифу II. Вы сами оцените значение этого документа, — сказал он, — а теперь до свидания. На всякий случай пароль: «неожиданный гость».

Он накинул плащ, нахлобучил на глаза шляпу, слегка поклонился, подошел к двери, отпер ее и исчез за нею.

Каждый раз, когда он уходил, граф оставался в неизвестности, увидит ли он его снова? Незнакомец никогда ничего положительно не обещал.

II.

По уходе незнакомца граф запер за ним дверь, сел к столу, с жадным любопытством вскрыл конверт и вынул из него бумаги.

С первых же строк он сразу понял, что перед ним документ первостепенной важности. Он даже изменился в лице, по несколько раз широко открытыми глазами перечитывая строки. Казалось, он был ошеломлен, ослеплен, испуган... Он должен был сделать над собой усилие,

чтобы охватить разом развернувшуюся перед ним ослепительно грандиозную картину...

— Но это форменный раздел Турции! Это гибель Европы! — громко воскликнул он, вскакивая с места и сильно ударя ладонью по листу бумаги. — Этот гениальный безумец, этот неумытый вельможа!.. Но почему нет?.. Самые безумные предприятия удаются ей, вопреки всем возможностям...

Граф был сильно взволнован. Наконец, немного успокоившись, он снова сел к столу и снова принялся перечитывать письмо императрицы.

«Я твердо убеждена, писала русская императрица к австрийскому императору, — имея безграничное доверие к вашему императорскому величеству, что если бы наши удачи в этой войне дали нам возможность освободить Европу от врагов рода христианского, изгнав их из Константинополя, ваше императорское величество не отказали бы мне в содействии для восстановления древней греческой монархии на развалинах варварского правительства, с неперменным условием с моей стороны сохранить этой обновленной монархии полную независимость от моей и возвести на ее престол моего младшего внука Константина»...

При последней фразе Герц улыбнулся.

«Ея внук! Независимость от Российской империи! — подумал он... — Россия желает, читал он далее: — 1) город Очаков с областью между Бугом и Днестром и 2) один или два острова в Архипелаге для безопасности и удобства торговли... Надо образовать еще независимое государство из провинций Молдавии, Валахии и Бессарабии»...

Строчки начали прыгать в глазах Герца.

Его ослепленному воображению представилась Россия, раскинувшаяся от Балтийского до Черного моря, владычица Архипелага и Дарданелл, с тремя столицами: Петербургом, Москвой и Константинополем, уже захватившая треть Польши, теснящая маленькую Пруссию, с могучим флотом в западных и южных морях!.. «О! Они так же поделят и Пруссию, как Польшу и Турцию, а там Россия проглотит и свою союзницу! Безумен Иосиф, что не видит этого! И что обещано ему? Может-быть, Берлин?» с горечью подумал Герц...

Мечты Екатерины о восстановлении греческой монархии были известны при европейских дворах, но их и считали мечтами... Никто не придавал им серьезного значения...

Но вот, теперь, когда Герц видел, что эти мечты уже воплощаются в действительность, что уже готов союз с могучей Австрией, легко и свободно, не ослабляя себя, могущей выставить двухсоттысячную армию, — его охватил почти ужас.

Он лихорадочно вынул из стола карту Европы и развернул ее.

— До Днестра! шептал он, водя дрожащим пальцем по карте. — Потемкин грезит Крымом. Очаков... тут Белоруссия, Курляндия...

Какой жалкой, какой ничтожной показалась ему его родная Пруссия.

— О, мой великий король! — произнес он, взглянув на портрет Фридриха II. — Какой удар! Ты вновь один!..

Он с досадой швырнул на пол со стола карту и лихорадочно принялся продолжать прерванное донесение королю...

Догорали свечи... Сквозь тяжелые портьеры пробивался утренний свет...

III.

У корнета лейб-гвардии Конного полка, князя Можайского, в его просторном доме на Васильевском острове собралась компания офицеров.

Было шумно и весело. Набралось масса народу, — преображенцев, семеновцев, товарищей хозяина по полку, кавалергардов и других молодых представителей высшего общества столицы.

Гости чувствовали себя, как дома. В одной из зал был открытый буфет, в столовой готовили столы для ужина.

Но гости главным образом теснились в большой зале, где были расставлены столы для игры в карты и кости.

Сам хозяин в красном камзоле Конного полка, распахнутом на груди, сидел за одним из столов и метал банк.

Князь Можайский был еще совсем молодой человек, лет двадцати двух, необыкновенно красивый, с несколько сухим лицом, большими темными глазами, решительными и смелыми, с орлиным носом и темно-русыми, коротко подстриженными кудрями.

Рядом с ним, не принимая участия в игре, сидел вахмистр Конного полка, замечательно хорошенький мальчик, лет шестнадцати, с огромными темными глазами, с нежным румянцем на щеках. Он жадно следил за игрой, и было заметно, как страстно хотелось ему самому принять в этой игре участие, но, очевидно, ему не позволяли этого средства.

— Что, Платоша, не играешь? — хлопнув его по плечу, произнес рослый красавец-кавалергард Толбузин.

Вообще все кавалергарды, счетом шестьдесят человек, были рослые люди и отличались красотой.

На них была возложена обязанность держать внутренние караулы во дворце и во время выездов императрицы конвоировать ее экипаж.

Платоша, сын небогатого генерала Зубова, не располагал никакими средствами. Единственным богатством его — была его несомненная, выдающаяся красота.

Он поднял свои прекрасные глаза на Толбузина и тихо ответил:

— Сыграл бы, да денег нет.

И он улыбнулся милой, застенчивой улыбкой.

— Играй за меня, — ответил Толбузин, — тащи!.. И он подал Зубову горсть золотых.

Платоша несколько мгновений колебался, но потом с жадностью взял золотые и ответил:

— Спасибо, Вася, я тебе наиграю.

— Ну ладно, — ответил Толбузин, — сочтемся.

Князь Можайский кинул на него беглый взгляд и, обратясь к Зубову, сказал.

— Да бери и у меня, Платоша.

Но не успел еще Зубов поставить на карту полученные деньги, как Можайский снова обратился к нему.

— Ты, Платоша, распорядился бы там. Видишь — стаканы пусты. Заснули, что ли, эти дьяволы!

Платоша моментально сорвался с места и вышел из залы.

Князь Можайский был сыном генерал-аншефа, Ивана Никитича, в свое время возводившего на престол еще Елизавету Петровну, а потом принимавшего деятельное участие в перевороте, доставившем трон царствующей императрице Екатерине Алексеевне. Богатый по рождению, он еще истинно по-царски был награжден двумя императрицами; после первого раздела Польши, в 1772 году, он получил еще три тысячи душ в Белоруссии. Умирая, он оставил своему юному сыну колоссальные богатства.

В двадцать один год князь Никита остался одиноким в мире, можно сказать, обремененным богатством. Довольно строго воспитанный отцом, он сразу почувствовал себя на свободе и широко развернул свою жизнь. Он роскошно убрал свой особняк на Васильевском острове, завел лошадей и распахнул двери своего , дома не только для приятелей, которыми были у него, кажется, все офицеры гвардии, но и для незваных гостей. Он часто не знал даже, не только, как зовут его гостя, но даже, кто он такой!

Во время своих приемов, на которых всегда велась крупная игра, он зорко следил за играющими и никогда никто не уходил от него в отчаянии от проигрыша, если князь знал, что человек зарвался. С удивительным тактом он умел всегда вернуть проигрыш. Но в последнее время князь Никита Иванович был мрачен. Словно тяжелая дума обуяла его. Он вел безумную игру, устраивал неистовые дебоши, словно искал забвения от какой-то грызущей его душу тоски.

Вести об его шумной жизни дошли до самой императрицы, и хотя она всегда относилась очень снисходительно к «шалостям», как она выражалась, молодежи, но все-таки в конце концов заметила как-то Потемкину, подполковнику лейб-гвардии Конного полка (сама она было полковником этого полка), что надо как-нибудь остановить князя Можайского.

Потемкин, хорошо знавший покойного старого князя, вызвал к себе Никиту Ивановича, пожурил его и сказал:

— Кой бес вселился в тебя, Никитушка? Будь ты победнее, я бы сказал тебе: коли разоришься, получишь абшид, а на меня не надейся. Помирай, где хочешь. Но тебе не разориться. Тут-то вся и беда. Но все же скажу тебе, коли что услышу еще — отправлю тебя куда подальше. Тогда не прогневайся. Не вреден ли тебе воздух столичный? Помни это, приятель, и ступай с Богом, а мне заниматься с тобою недосуг. Вот я говорю с тобой, пропащей головой, а в приемной ждет английский министр. Ступай себе с Богом.

Но видно эти слова не подействовали на князя, он не изменил своего образа жизни.

Платоша робко и скромно ставил золотой за золотым, но ему не везло. Незаметно он проиграл все и опять уныло опустил свою красивую голову.

— Не тужи, — заметил князь Можайский, — еще отыграешься... Бери!

И он придвинул к нему кучку золотых.

Зубов с благодарной улыбкой взял золотые и снова поставил. Ему на этот раз счастье улыбнулось. Он бил карту за картой, и скоро около него уже образовалась значительная кучка золотых и ассигнаций. Он удваивал, утраивал ставки и все выигрывал и выигрывал. На него наконец обратили внимание. Остальные игроки стали сдержаннее.

— Молодец, Платоша, ты сделаешь себе фортуна! — весело воскликнул Толбузин, ударяя его по плечу. — Жарь дальше!

С разгоревшимися щеками, сверкающими, как драгоценные камни, глазами Платоша уже ставил, не считая, подвигая деньги на кон открытой ладонью.

Один за другим игроки оставляли игру.

Можайский, метавший банк, устал.

— Баста! — сказал он, кладя карты. — Подзакусим, а там начнем снова.

Платоша встал, радостно смущенный.

— Вот, Вася, получи, — сказал он, обращаясь к Толбузину и протягивая ему горсть золотых.

— Ладно, твое счастье, — улыбаясь ответил Толбузин, — у нас, знаешь, в роду: что берут — назад не отдают, а что дают — назад не берут.

Зубов обратился к Можайскому, но тот только нетерпеливо махнул рукой и коротко сказал:

— Не лезь...

Зубов не настаивал.

Он чувствовал себя бесконечно счастливым, в уме подсчитывая, сколько ему придется уплатить неотложных долгов и сколько у него останется. Результат таких вычислений был более чем утешителен для него.

Гости перешли в столовую; на хорах расположился духовой оркестр князя, уступавший разве только знаменитому оркестру графа Шереметьева.

В самый разгар ужина появилось в столовой новое лицо. Это был молодой человек, в черной курточке австрийских гусар, с золотыми шнурами на груди, в темно-малиновых брюках, в ботфортах с золочеными шпорами.

— А, граф Армфельд! Сюда, граф! Что так поздно? К нам! — слышались со всех сторон голоса.

— Очень рад, граф, что вы удостоили меня чести, — довольно сухо произнес по-французски князь Можайский, поднимаясь навстречу гостю.

Граф как будто не заметил сухости его тона.

— Поверьте, князь, я всегда чувствую себя, счастливым, отдыхая от своих скучных обязанностей в вашем обществе, — любезно ответил он.

Князю внушал чуть не отвращение этот изысканный молодой человек, секретарь австрийского посольства. Что-то жестокое, хищное и лукавое виделось в его красивом лице. А между тем граф Армфельд имел успех в обществе. Он был прекрасный танцор, занимательный собеседник, вел широкую жизнь, сорил деньгами. Был крупный игрок, но играл с величайшей осторожностью, и на его лице никогда нельзя было заметить, выиграл или проиграл он...

Граф сел за стол.

— Я признаться почти ничего не ел с утра, — весело сказал он; — ох уж эта проклятая политика!

— Не предстоит ли нам война? — спросил сидевший с ним рядом юный сержант измайловского полка, Бронин.

— О, кто осмелится напасть на вашу великую империю? — ответил граф Армфельд, — а ваша императрица, кажется, уже устала от своих побед, закончил он.

Но юный сержант не унимался.

— Однако, Суворов здесь, — сказал он. — Его вызвала сама императрица.

— Пусть императрица и решит этот вопрос, — сухо произнес князь Можайский, — мы здесь собрались не для политики. Господин граф был прав. От нее тошнит....

Сержант замолк, а граф Армфельд весело подхватил:

— Что бы там ни было, а Австрия и Россия союзники, За славу великой императрицы! Он встал и поднял бокал.

Все встали. Тост был принят восторженно.

— За славу австрийского императора! произнес Можайский, подымая в свою очередь бокал.

Граф Армфельд поклонился.

IV.

За ужином говорили очень свободно. Главной темой служили дворцовые сплетни и слухи о предстоящей войне с Турцией.

Маленький Платоша Зубов с особенным интересом расспрашивал о любимце государыни, графе Александре Дмитриевиче Ланском.

— Да, брат, — говорил Толбузин, — как же, Саша Ланской! Наш же кавалергард. Приятели были. А только скажу, — парень-душа! И богат, и знатен теперь, и взыскан милостью императрицы, и друг светлейшего, а все же от своих рыла не воротит. Чуть что — прямо к нему. Не выдаст!

Кто-то рассказал, что князь Потемкин уже неделю никого не принимает, даже в Эрмитаж не поехал на приглашение императрицы.

— Беда попасть ему теперь под сердитую руку, — сказал Бронин. — Как это накатит на него — держись только! Хорошо еще, что в такие дни сидит у себя, как медведь в берлоге.

Граф Армфельд очень внимательно прислушивался ко всем этим разговорам.

Когда же заговорили о возможной войне, он как бы мимоходом, вскользь, обратился к своему соседу, изысканно одетому в атласный голубой камзол молодому человеку, одному из самых приближенных секретарей канцлера Безбородко, Льву Александровичу Измайлову.

— А ваше мнение? — спросил он. — Насколько мне известно, ни прусский король, ни сен-жемский кабинет не хотели бы, чтобы Россия начала войну в настоящее время. У тех и других связаны руки, и они ничем не могли бы помешать теперь успехам русского оружия, не говоря уже о Франции, где начинается расстройство внутренних дел.

— Я вижу, вы хорошо осведомлены, — граф, с любезной улыбкой, но сухо ответил Измайлов, — мне же ничего неизвестно. И он обратился к своему соседу с каким-то незначительным вопросом.

Граф Армфельд закусил губы.

После ужина игра возобновилась.

В игре принял участие и граф Армфельд. Он вынул из кармана мешочек с червонцами и, не считая, поставил горсточку золотых. Против него играл князь Можайский. Графу сразу повезло. Скоро у князя не осталось ни одного золотого.

— Платоша, — обратился он к Зубову, — принеси-ка из спальни... там у зеркала кубышка у меня, улыбаясь добавил он, — захвати из нее горсточку, другую...

Платоша сейчас же сорвался с места.

Через несколько минут он вернулся и высыпал из кармана целую кучу золотых. Князь поблагодарил его кивком головы.

— Сосчитай-ка, Платоша, — сказал Можайский.

— Девяносто восемь золотых, — ответил Платоша, быстро, с удовольствием сосчитав деньги.

— Ладно, — сказал князь. — На две ставки, граф, угодно? спросил он.

Армфельд слегка побледнел.

— Я согласен, — с любезной улыбкой ответил он.

Одна за другой карты были биты. Князь проиграл.

Только легкое дрожание рук обнаруживало радостное волнение Армфельда, когда он собирал выигрыш.

— Я в отчаянии, дорогой князь, — сказал он, — за ваше гостеприимство я разорил вас.

— Это довольно трудно, — небрежно ответил князь. — С меня довольно на сегодня, продолжал он, — игра да игра — это однообразно и скучно.

Какая-то тень легла на его лицо.

Он встал из-за стола. Перестал играть и Армфельд, вероятно удовлетворенный своим крупным

выигрышем. Их места сейчас же заняли другие, и игра продолжалась с прежним оживлением.

Гости были так заняты игрой, беседой, вином, что никто не заметил, как сам хозяин удалился от шумного общества.

Угрюмый и задумчивый князь прошел в зимний сад.

Опустившись на скамью у большой магнолии — он погрузился в невеселые думы. «На что богатство? На что молодость, силы, здоровье? Эх, погибай жизнь, думал он, — зачем она, коли нет счастья?»

— Вот где ты, брат, — раздался над ним веселый голос, — ишь куда спрятался!..

Князь вздрогнул и поднял голову. Перед ним стоял его лучший друг, Вася Толбузин.

— А это ты, Вася, — произнес князь, отрываясь от своих мыслей,

— Послушай, Никита, — сказал Толбузин, — да что с тобой? Ты сам на себя не похож в последнее время, буйная твоя головушка. То весел не в меру, по всему городу шумишь, то чуть не плачешь... Понять трудно. Кажется, все есть у тебя, и при дворе мог бы быть — только пожелай — а ты, на те, скулишь, да безобразничаешь. Только и дела у тебя... Плюнь, брат, на все...

Князь взглянул на него мрачными глазами.

— Вася, — тихо начал он, — не могу забыть, ничего поделаться с собой не могу... Призрак передо мною...

Вася отшатнулся.

— Да в своем ли ты уме, Никита Иваныч! — воскликнул он, — Какой призрак?

Князь невольно улыбнулся. Но улыбка сейчас же исчезла с его лица.

— Помнишь, — тихо начал он, опустив глаза, — как мы тогда на шлиссельбургском тракту шумели?

— Еще бы, — усмехнулся Вася, — ты тогда будочника к лошади привязал да погнал ее... А она понеслась по Невской перспективе... Еще бы не помнить!

Князь нетерпеливо махнул рукой.

— Так вот тогда, как все мы осатанели, — продолжал он, — стало мне чего-то вдруг тоскливо. Я и отшился от вас...

— Хоть убей, не помню, что было! — отозвался Вася. — Помню, кто-то кричал, что ты пропал, и тебя, кажется, искали в канаве...

— И ушел от вас, — продолжал тихо князь; — звонили к утрени в Александро-Невском монастыре, и стало мне почему-то грустно, что и сказать не могу... Чуть не плачу... Заря горит, колокола гудят и сам не знаю я, почему вспомнил вдруг матушку, детство раннее... Захолонуло сердце... Дай, думаю, зайду в собор. Да и зашел. Тихонько стал в углу. Хотел свечу поставить, да стыдно стало. Думаю: с пьяных глаз забрел!

Князь говорил, и странно было видеть Толбузину на энергичном, почти дерзком лице князя умиленное выражение и теплый свет в его холодных, всегда жестких глазах.

— Так не знаю, сколько я стоял, — продолжал князь, — вдруг в собор вошла женщина... И чудно одетая как! На голове малая шапочка, шитая жемчугом, из-под нее словно шарф вьется, легкий такой, дымчатый, узорчатый. Платье вроде, как балахон, рукава широкие, золотом шитые, а за ней старик в кафтане, шпага на боку. Видно, благородного рода и слуги с позуменгами на кафтанах. Взглянул я на нее и обомлел. Нет, с загоревшимися глазами продолжал князь, — нет, не было и не будет такой красоты... Глаза... Э! да что описывать, все равно не опишешь!

Вася внимательно и сосредоточенно слушал.

— Подошел я ближе. Слышу говорит на непонятном языке что-то старику. Тот пошел в алтарь. Вышел священник. Поклонился ей, стал служить молебен за здоровье Григория, а потом панихиду — за упокой Константина. И Вася, друг, дрогнувшим голосом говорил князь, — ежели бы ты видел ее!.. В глазах слезы... сама, как ангел... Не знаю, что было со мной, но все сердце потянулось к ней. Вышла она из церкви, тут слуга ее один замешался, я к нему. «Кто-де такая?» Моргает глазами. Вижу, не понимает по-русски. Я ему по-немецки. Смотрит, ухмыляется и молчит. Я ему по-французски. Не знаю, что он понял... закивал головой и говорит: «Грек, грек, принцесс...» Я ему золотой в руку. Вышел. Смотрю карета цугом. Что за дьявол! Села и уехала. Я за ней — тут мне линейка попалась... Долго ехали. На Фонтанке остановилась: дом так себе, деревянный. Я к дворнику. Говорит, на днях приехала, как бы православная, а говорить по-русскому не умеет. Вот с тех пор и началась моя тоска, прибавил князь. — Стал я чуть ли не дневать и ночевать у ее дома. Всех закупил, кого мог. Она — княжна София Маруцци. Зачем приехала, никто не знает, а с ее слугами не сговоришься. Истуканы. Ладно! Стал я сторожить ее. Она к Спасителю, и я туда же. Она в Лавру и я за ней. Не могу — навождение! С ума сошел. Закрутил. К светлейшему вызывали. Сам знаешь...

Вася кивнул головой.

— Заметила, видно, и она меня, — продолжал князь. — А тут случай подвернулся. Ехала она по Невской перспективе. Я по обычаю за ней, да был верхом. Лошади ее чего-то испугались и понесли. Тут я прищипорил своего Соколика, перегнал карету и удержал лошадей. Дышло разбито. Ехать нельзя. Подошел к дверце кареты. Спрашиваю: «Не пострадали ли?» по-французски. «Благодарю вас, ответила тоже по-французски, — вы кажется удержали моих лошадей». А голос, голос! воскликнул князь, — Поклонился я на ее слова. Воспользовавшись случаем, заговорил... Да ничего не узнал. Заикнулся было, спросил позволения явиться к ней. Назвался — все, как следует. «Извините, говорит, — я никого не принимаю пока...» И вот, мрачно закончил свой рассказ Можайский, — словно околдовала она меня. Нет мне покоя. Сторожу и слежу за ней. Как угорелый мечусь из церкви в церковь. Поставил людей следить за ней, и они доносят мне, куда она едет, а я скачу туда, как безумный... Вася, я сошел с ума! с истинным отчаяньем закончил князь.

Вася покачал головой. Как, при таком богатстве, при титуле не достигнуть успеха!

— Ты просто мокрая курица, — сказал он; — действуй смелей. Иди к ней познакомиться. Не разбойник ты, не с дурными намерениями идешь. Ты русский дворянин, ты князь, ты богат, красив. Как не принять тебя!

Князь мрачно покачал головой.

— Ну, к черту! — крикнул он, — невместно мне бабиться. Жизнь надоела! Кто она? Что она? Нет мне счастья. Пропадай все пропадом!

Он вскочил с места.

— Никита ты не в себе; опять, что затеял, опомнись! Ведь таскали тебя уже к светлейшему, — испуганно говорил Толбузин, — чего хочешь?

— Не приставай, — коротко ответил князь и торопливо вышел из зимнего сада. Толбузин покачал головой и направился вслед за ним.

— Гости дорогие, — воскликнул князь, входя в комнату, где вокруг игорных столов толпились гости, — едем на потеху!

Молодые люди, в достаточной степени уже подвыпившие, предчувствуя какую-нибудь необыкновенную «шалость» князя, откликнулись веселыми голосами:

— Едем, едем!

Князь быстро распорядился. Из конюшен выводили лошадей, запрягали тройки, позвали музыкантов.

На первую тройку посадили музыкантов. В остальных разместились гости, а одну тройку, по приказанию князя, взяли пустую.

Граф Армфельд поспешил уехать.

Звуки рогов, флейт, труб огласили воздух. С гиком, свистом и пеньем понеслись тройки по пустынным улицам столицы. Будочники испуганно выскакивали навстречу веселому поезду и окликали проезжавших. По приказу князя их хватали, связывали руки и ноги и клали в пустую тройку, как дрова. Таким образом веселая компания снимала встречных будочников.

Князь распорядился ехать в хорошо знакомое всей богатой молодежи место. Это была большая ресторация, которую содержал польский еврей, Соломон, или, как его называли среди посетителей-офицеров, Шлемка. Он говорил, что его фамилия Розен, и что он не еврей, а курляндец, но и акцент и наружность с очевидностью доказывали его происхождение. Впрочем, никто из его посетителей этим не интересовался: Соломон считался лютеранином, но кажется, наподобие испанских евреев, известных под названием марронов, втайне придерживался веры своих отцов.

Его ресторация слыла под названием «Содома». Там действительно был постоянный содом. Уединенная, пустынная местность, дружба Шлемки с полицией, давали возможность молодым офицерам шумно и весело проводить у него целые ночи.

У Шлемки были бильярды, хорошее вино, можно было сыграть в карты и кости, привезти своих музыкантов и делать, вообще, что угодно, только хорошо платить. Кроме того, Шлемка оказывал тысячи услуг своим клиентам. Он ссужал деньгами молодых сержантов, поистратившихся в ожидании получек из родных вотчин, доставал в долг бриллианты и разные драгоценности, собирал всякия справки, и, вообще, не было поручения, за какое он не брался бы. Всегда он был услужлив, любезен, терпеливо он ждал уплаты долгов. Была у него жена, старая, красноглазая еврейка, Амалия, как он называл ее, и дочь Луиза.

Но дочь свою старый Шлемка берег пуще глаза. Редко кому удавалось случайно, мельком,

видеть ее, но кто видел — с восторгом отзывался об ее удивительной красоте.

Но когда шутя спрашивали о ней старого Шлемку, он махал руками и говорил:

— Дочь? какая дочь? Все больна!.. На ногу хромает!.. Беда одна...

И после таких расспросов еще ревнивее охранял от нескромных взоров свою Луизу.

К этому-то гостеприимному Шлемке и неслись теперь веселые тройки князя Никиты.

V.

Ресторация представляла из себя просторный двухэтажный дом, расположенный в глубине сада, раскинувшегося на самом берегу Невы. От ворот к самому зданию шла широкая дорога.

Окна ресторации были ярко освещены. У ворот уже стояли тройки и линейки.

— Эге, да здесь уже гуляют! — произнес Толбузин.

Князь велел подъехать к самому подъезду.

С музыкой подкатили к крыльцу тройки.

Сам Шлемка, в высоких сапогах, в длинном теплом кафтане выскочил на крыльцо.

— Принимай гостей! — крикнул князь Можайский, выскакивая из тройки.

Шлемка засуетился, крикнул слуг, двери широко распахнулись.

— Я тебе и кладь привез, — смеясь сказал князь. — Выгребай из последней тройки.

Шлемка даже присел, как узнал, какую кладь привез ему князь. Это были четыре будочника. Князь велел хорошенько накормить, напоить их, дать по золотому и отпустить восвояси.

Пока Шлемка отдавал нужные приказания, и его люди развязывали перевязанных будочников, князь с товарищами прошел в ярко освещенную общую залу. Там уже было большое общество, преимущественно офицерское, было и несколько «птиметров», как тогда называли штатских щеголей, нигде не служивших, по силе указа Петра III о вольности дворянства, избавлявшего дворян от обязательной службы.

Князя с его компанией встретили, как дорогого гостя. Офицеры дружески здоровались друг с другом, знакомились с незнакомыми.

Князь сейчас же потребовал вина, велел позвать свой оркестр, и заварилась обычная попойка.

Многие стали петь.

В самый разгар веселья, крика, гама, песен и музыки, на пороге появился молодой офицер в расстегнутом камзоле, с колодой карт в руке.

— Нельзя ли потише! крикнул он дерзким голосом. — Вы не одни здесь! Играть мешаете...

Это был известный буйан, озорник и кутила, Алеша Батурин, офицер Семеновского полка. Он отличался необыкновенной силой, которой очень часто злоупотреблял. Зная его силу и его

буйный нрав, ему уступали, и он привык к этому.

При этом дерзком окрике князь вскочил с места, с горящими глазами и раздувающимися ноздрями.

— Вы пьяны! — крикнул он.

— Что ты, Алеша, с ума сошел!.. Ты не в себе...

— Князь, успокойся!.. — раздались голоса.

Несколько человек бросились к Батурину, но он уже пришел в раж. Одним движением руки он отбросил старавшихся удержать его офицеров и шагнул к князю.

Князь уже овладел собою. Только ноздри его дрожали и глаза зловещим, холодным взглядом впились в возбужденное лицо Батурина.

Батурин бросил на пол карты и с искаженным лицом направился к нему. Всем был известен его бешеный нрав. Уже его глаза налились кровью.

Растерянные музыканты прекратили игру.

Князь жестом удержал приятелей, хотевших заслонить его.

— Прошу не вмешиваться! — спокойно и решительно произнес он.

— И прекрасно, господин корнет! — отозвался Батурин. — Не изволите ли, сударь, повторить свои слова?

— С удовольствием, — медленно ответил князь, — я сказал, что вы пьяны, а теперь, когда вы подошли ближе, я еще охотнее подтверждаю это.

— А-а, — прохрипел Батурин, — так я выкину тебя в окно! И сжав кулаки, он бросился на князя.

Князь сделал шаг назад и быстрым, привычным движением обнажил шпагу.

— Я не конюх, сударь, — холодно произнес он, — и на кулачках с вами драться не буду. Я очень жалею, что у вас нет шпаги, но предупреждаю вас, что если моя шпага достанет вас, я вас убью, как убил бы зазнавшегося, пьяного лакея, позволившего бы себе напасть на меня.

Батурин на одно мгновение опешил.

— А! — крикнул он, — шпага! Она сейчас будет.

Он бросился в игорную комнату и через минуту вернулся со шпагой в руке,

— Ну, я готов! — сказал он.

Трудно описать ужас, овладевший Шлемкой, поспешившим на скандал, когда он услышал, что речь идет о смертоубийстве.

— Ай, ой! — кричал он, хватаясь за голову, — сиятельнейший князь, ваше превосходительство, не пускайте по миру бедного старика... Не губите... И вам, ведь, известно, как сама

императрица карает за это, а светлейший...

Шлемка метался, как угорелый, но его оттащили за полы и вытолкали в шею. Долго за дверью слышались его причитанья...

Видя, что дело принимает решительный оборот, Толбузин и Бронин при содействии других выводили испуганных музыкантов и очистили место посреди залы.

— Однако, секундентов достаточно, — усмехнулся князь, окинув взором жавшихся по стенкам офицеров.

Он скинул камзол. Тоже сделал и Батурин. Противники встали в позу.

По команде Толбузина они сошлись, перекрестивши шпагами воздух.

Батурин бешено нападал. Князь спокойно и уверенно отражал удары. Оба они были хорошие бойцы, и многочисленные свидетели, забыв, что дело идет о человеческой жизни, с жадным любопытством следили за боем.

Батурин видимо раздражался все более. Раза два ему удалось оцарапать руку князя и вид крови, выступившей на его белой рубашке, казалось, еще больше приводил Батурина в бешенство. В нем еще говорило самолюбие. Получить оскорбление — и не отомстить за него! Не унизить, не победить этого надменного мальчишку, ему, Батурина, умевшему до сих пор внушать всем ужас... Это было бы для него полным паденьем... И он все бешенее и бешенее нападал на князя.

Князь не подался назад ни пяди. Он уверенно парировал удары и вдруг, вытянув вперед руку, ударом, прямым, как стрела, поразил Батурина в грудь.

Батурин тяжело упал вперед. На его губах показалась кровавая пена.

Все бросились к нему... Князь опустил шпагу и мрачным тяжелым взглядом смотрел на лежащего противника. Все происшедшее казалось ему пьяным, безобразным сном.

Он с отвращением кинул на пол окровавленную шпагу, нетвердой поступью подошел к столу, налил и залпом выпил стакан вина.

— Что, жив? — хрипло спросил он подошедшего к нему Толбузина.

— Пока, да, — ответил Толбузин.

Князь направился к Батурина, которого осторожно перенесли в соседнюю комнату и уложили на диван.

В это время слышались сильные удары в запертую дверь залы.

Все прислушивались с недоумением. Кто смел ломиться в дверь? Уж конечно не Шлемка. Может быть новая закутившая компания?

Несколько человек бросились к дверям, раскрыли их и очутились лицом к лицу с двумя молодыми офицерами. Сзади виднелось испуганное лицо Шлемки, не смеявшего идти за ними в залу.

— Я полковник Елагин, — быстро проговорил один из них, — дежурный по гарнизону. Согласно

инструкции светлейшего князя Потемкина проверяю с патрулем порядки.

Все притихли. В последнее время богатая петербургская молодежь сильно распустилась. Каждую ночь, то тут, то там происходили всякие дебоши, скандалы, свалки, драки и дуэли. Тогда с разрешения императрицы Потемкин приказал делать по ночам обходы. Каждую ночь для этой цели назначалось несколько офицеров, которые в сопровождении патрулей и совершали такие обходы.

Елагин и другой офицер вошли в залу.

— Я встретил несколько будочников без оружия, — начал полковник, — на мой вопрос, они сказали, что были сняты с постов господами офицерами, перевязаны, привезены в ресторан, напоены и после выпущены. Я прошу господ офицеров сказать мне, кто это сделал?

Он обвел всех вопросительным взглядом.

— Это сделал я, — ответил, выступая вперед, Можайский; — я князь Можайский, корнет лейб-гвардии Конного полка.

— Как, один? — спросил Елагин.

Толбузин сделал движение, но князь кинул на него повелительный, гневный взгляд, и Толбузин остался на месте.

— С помощью кучеров и своих музыкантов, — ответил князь. — Это задумал и сделал я один, закончил он.

— Прекрасно, корнет, — произнес полковник, — вы арестованы!

Князь слегка поклонился,

В эту минуту из соседней комнаты слышался тяжелый, протяжный, хриплый стон.

— Это что? — насторожившись, спросил Елагин. Он бросил вокруг себя взгляд и вдруг увидел валяющуюся на полу окровавленную шпагу.

— А-а, — произнес он, нахмутив брови, — это важнее будочников! И быстрыми шагами он прошел в соседнюю комнату.

Батурин лежал на диване; распахнутая на груди рубашка была окровавлена. Он тяжело дышал.

— Алексей Батурин! — воскликнул Елагин, и покачивая головой добавил, — доигрался-таки...

Он знал Батурина, как, впрочем, знали его и все в Петербурге.

— Ну, что, как? — с живым сочувствием спросил он.

Ему ответил пожилой капитан, боевой офицер, участник турецких походов, выдавший на своем веку всякие раны.

— Сквозная рана в грудь. Сердце не тронут. Он может выжить, если внутренность его не залилась кровью. Но судя по тому, что крови вышло много, я думаю, этого, не случилось.

Елагин покачал головой.

— Кто же? — спросил он.

— Я, — ответил князь Можайский, следовавший за ним.

— Опять вы! Очень хорошо. Вы поедете со мной, — произнес полковник.

— Я Готов, — отозвался князь, — но одно слово товарищу.

— Пожалуйста.

Князь отвел в сторону Толбузина и быстро проговорил:

— Я не хочу, чтобы он умер. Не жалею ничего. Позови Вейкарда. Если надо, перевези его ко мне... И потом... потом... узнай, что София?.. Спроси Анкудина (это был его камердинер и доверенное лицо), он все скажет... Прощай. Навести.

— Все будет сделано, — ответил Толбузин.

Князь торопливо пожал ему руку, кивнул остальным и последовал за полковником.

— Я пришлю лекаря, — уходя сказал Елагин; — очевидно, если Батурин и не умрет, дня два-три его нельзя будет трогать отсюда.

В соседней комнате к полковнику бросился Шлемка.

— Ваше сиятельство, — кричал он, — я не виноват, ей-же-ей не виноват, спросите господ офицеров! И что могу сделать я, слабый старик, когда молодежь шумит?!. Не губите, ваше сиятельство! Он в отчаянии упал на колени.

— Ладно, ладно, — ответил полковник, — узнаешь, где раки зимуют. До тебя, приятель, давненько добираются. И не слушая больше отчаянных возгласов Шлемки, он прошел дальше.

У крыльца офицеров ожидала линейка. Большинство офицеров, назначаемых в ночные дозоры, обыкновенно отправлялись или верхом или на линейке. Они ехали шагом впереди патруля.

Князь Можайский предложил было свою тройку, но полковник счел неудобным везти арестованного в крепость на тройке с бубенцами.

Он уселся с князем на линейку и поручил юному офицеру продолжать обход.

Дорогой офицеры дружески беседовали. Елагин рассказал, что Потемкин очень недоволен постоянными историями в столице, что великий князь не раз уже докладывал императрице о необходимости обратить серьезное внимание на дисциплину, а у себя завел такие порядки, что, кажется на крепостных работах легче.

— Императрица очень милостива, — закончил Елагин; — знаете, что сказала она великому князю. Она сказала: «Моя армия, мои буйные, как вы говорите, офицеры навели ужас на Порту, заставили заискивать нашей дружбы и Фридриха II, и гордую Англию, и монархию Габсбургов. Их «шалости» — это избыток сил. Забыть все ради одной дисциплины — это значит вынуть из армии душу. Смотрите, чтобы пудренные парики армии вашего друга, Фридриха, не навлекли гибели на его страну...»

Елагин рассмеялся.

— Там, — сказал он, разумея Пруссию, — все выдумывают, как бы помудренее одеть да нарядить солдата, а князь Потемкин да Суворов только и думают, как облегчить его амуницию. Кому же легче воевать-то?..

Затем Елагин, приняв серьезный тон, заметил князю, что ему предстоит большая ответственность — вплоть до ссылки куда-нибудь в гарнизон.

Князь Можайский только рукой махнул.

VI.

Едва замер последний, шестой удар дворцового колокола, возвестивший шесть часов утра, как старшая камер-юнгфера императрицы, Марья Савишна Перекусихина, не соблюдая никакой осторожности, довольно шумно вошла в спальню государыни, расположенную в нижнем этаже Зимнего Дворца.

Две собачки-левретки, спавшие в большой корзине на розовых атласных одеялах у постели императрицы, лениво подняли свои тонкие мордочки, зевнули и спокойно улеглись опять.

— Уже ты, Марья Савишна? — раздался из-за полога постели звучный, еще молодой голос государыни.

— А то, как же? — ответила Марья Савишна, — уже шесть часов.

— Ты настоящий турок, — произнесла императрица, — от тебя никогда нет покоя. Хоть бы раз дала поспать.

— Сами же велели, — ответила Перекусихина, — я бы тоже поспала еще...

— Ну ладно, ладно, не ворчи, — проговорила императрица.

При звуке ее голоса левретки выпрыгнули из корзины и бросились на кровать.

— Сэр Андерсон, герцогиня Андерсон, не стыдно ли так вести себя! — слышался голос Екатерины. — Вы должны быть холодны и сдержанны, как ваши соотечественники.

Не прошло и минуты, как из-за полога появилась Екатерина.

Императрице было уже пятьдесят два года, но никто при взгляде на ее свежее лицо, яркие глаза, обилие темно-русых волос, чуть тронутых сединой, не дал бы ей этих лет.

Веселая улыбка открывала ряд ослепительно белых зубов. Императрица сама накинула на себя белый гродетуровый капот с широкими, свободными складками.

В сопровождении Марии Савишны она прошла в смежную со спальней уборную.

— Ну, я так и знала! — воскликнула она, переступив порог уборной: — Катерины Ивановны еще нет.

Катерина Ивановна была ее младшей камер-юнгферой, на обязанности которой лежало подавать императрице воду для полоскания рта и лед для обтирания лица.

Но едва успела императрица произнести эти слова, как совсем запыхавшись, явилась Катерина Ивановна, неся все нужное. Ея узенькие глазки (она была калмычкой) беспокойно сверкали,

миловидное лицо, с выдающимися скулами было красно.

— Ох, Катерина Ивановна, — с легкой досадой сказала императрица, — балуешься ты очень! Теперь-то тебе хорошо, а вот погоди, выйдешь замуж. Ты думаешь, твой муж на меня будет похож? Берегись! Он покажет тебе, что значит опаздывать. Ты бы подумала об этом.

Катерина Ивановна смущенно молчала.

Такие и подобные разговоры происходили каждый день, так как Катерина Ивановна была неисправима. Но государыня, вообще очень привязчивая к людям, ни за что не хотела сменить ее.

Быстро обтерев лицо льдом, императрица взяла из рук Марьи Савишны толстое шершавое полотенце и долго терла им лицо. Потом взяла поданный тюлевый чепчик, надела его, не смотрясь в зеркало, на свои пышные волосы и прошла в не большой кабинет, где уже был приготовлен стол для работы и стояли кофе и печенье.

Сэр и леди Андерсон прыгали вокруг стола.

Императрица наскоро выпила две маленькие чашечки кофе, покидала печенье левреткам и приказала все убрать.

Оставшись одна, она взяла небольшой портфель с бумагами, надела очки и погрузилась в работу.

Она быстро проглядывала бумаги, делала отметки, ставила резолюции, то и дело нюхая табак из стоящей на столе табакерки с портретом Петра Великого. Работала она быстро и уверенно. Иногда легкая улыбка показывалась на ее полных губах, иногда сурово сжимались брови. Наступали тяжелые дни. Атмосфера в Европе сгущалась.

— Пора, пора кончить! — вдруг гневно произнесла вслух Екатерина, отталкивая от себя только что прочитанный меморандум графа Герца... Она встала из-за стола и сделала несколько шагов по кабинету. Сэр Андерсон вскочил с места и, повиляв хвостом, стал скрести у двери, Екатерина открыла дверь, собака выбежала. — Иди, иди, сказала она с улыбкой. В соседней комнате вскочили лакеи, но Екатерина снова закрыла дверь. «Нет, думала она, — не будет мира и покоя, пока изуверы находятся в Европе! Им не место здесь!»

Императрица подошла к стене, на которой висела большая карта России. Несколько мгновений она смотрела на карту, и горделивая улыбка появилась на ее губах.

Послышался скрип двери. Екатерина быстро обернулась.

— Сиятельнейший граф-канцлер! — доложил вытянувшийся камер-лакей в обшитом галунами камзоле, белых чулках и красных башмаках.

— А-а, — произнесла императрица, — пригласите.

Екатерина почти ко всей прислуге, за исключением самых близких и доверенных, всегда обращалась на вы.

Тяжелой поступью, в зашитом золотом камзоле, с красной лентой и звездой ордена Александра Невского на груди вошел в комнату грузный граф-канцлер, Александр Андреевич Безбородко, человек лет тридцати восьми, как бы с сонным лицом, с низким лбом. Но

маленькие серые глазки быстро посматривали вокруг. Он низко поклонился императрице и остановился у порога.

— Идите, идите, Александр Андреич! — оживленно произнесла Екатерина, протягивая ему руку.

Безбородко торопливо, насколько позволяла ему его грузная фигура, сделал несколько шагов вперед и, низко склонившись, поцеловал протянутую руку.

— Садитесь, граф, — сказала императрица. — Бедняжка, — добавила она, — вам и выспаться не пришлось сегодня?

Безбородко с удивлением поднял на нее маленькие, заплывшие глазки.

— Но, ваше величество, — начал он...

— Да вы, кажется, еще не ложились, когда я уже вставала, — с улыбкой сказала Екатерина, — вот видите, я все знаю...

Лицо Безбородко расплылось в широкую улыбку.

— Точно, ваше величество, — ответил он, — обер-полицеймейстер хорошо исполняет свои обязанности. Его рапорт правилен. Кажется, во всем Петербурге только его дом избавлен от надзора... Да и то не знаю. А я, ваше величество, ежели и не сплю ночей — то только для блага своей государыни.

Легкая улыбка скользнула по губам императрицы. Всем было известно, как любил жизнь и пользовался ею Безбородко.

— О, я знаю это, — произнесла императрица, — садитесь же, граф. Нам о многом надо поговорить.

Граф тяжело опустился на маленький стул против императрицы, держа на коленях объемистый портфель.

— Вот, — с оживлением заговорила императрица, — граф Герц представил меморандум. Сэр Гаррис тоже. Они почти грозят мне! с негодованием закончила она, вставая.

Граф Безбородко хотел тоже подняться, но Екатерина остановила движением руки.

— Сидите, граф.

Она в волнении заходила по комнате.

— Чего хотят они? Король прусский думает, что все мои заботы только о нем! Он забывает, как мне оскорбителен союз с Турцией, державой, неприязненной христианству. И он снова, как три года назад, предлагает мне заключить союз с ним и Портой против Австрии. Не выживает ли он из ума, этот бывший великий король? Положительно для своей славы он опоздал умереть!.. А безумие английской политики, поддерживающей дикие требования Дивана... Или они думают запугать меня! — говорила императрица, быстро ходя по комнате.

Нервным движением она засучивала рукава своего капота, что всегда служило у нее признаком раздражения.

Канцлер слушал ее с видимым равнодушием, полузакрыв глаза, как будто в полудремоте. На его мясистом лице не отразилось ни малейшего волнения.

— Что же вы скажете? — резко спросила императрица, останавливаясь перед ним.

Безбородко открыл глаза и лениво ответил.

— Но вы уже все сказали, ваше величество, — произнес он.

Екатерина нетерпеливо передернула плечами.

— Это не ответ, — сказала она.

— Это ответ, ваше величество, — сверкнув глазами, произнес канцлер. — Это ответ! повторил он. — Разве ваше возмущение, ваш гнев не говорят того, что единственно правильно и чего надо держаться? Нет, они не запугают ни вас, ни России, продолжал граф, и выражение лени и апатии слетело с его лица. Он встал во весь рост. — Вы возмущены, вы не боитесь гнусных угроз? Да будет так! Что они могут сделать? Разве Англия не связана войной с американскими колониями? Разве король прусский не боится Австрии? Не отрекайтесь теперь от союза с Иосифом II. Это редкое исключение на троне Габсбургов. Надо дорожить им. Умрет он — и Австрия будет вашим злейшим врагом. Помните, ваше величество, пророчески добавил он, — настанет некогда день, и или Австрия поглотит Пруссию или Пруссия поглотит Австрию, и настанет великий час борьбы славян с германцами за гегемонию в Европе и может быть в мире! Пользуйтесь же Иосифом II — он отдает тевтонов во власть славян.

Граф, тяжело дыша, опустился на стул.

Пораженная его словами Екатерина несколько мгновений молчала.

— Но, — сказала она, — достаточно ли мы сильны?

— Надо выждать благоприятный момент, — ответил канцлер. — Князь Потемкин обратил внимание на Крымский полуостров.

— Да, да, — оживленно прервала его Екатерина, — по Канарджийскому миру Крым объявлен независимым. Но он должен быть наш!

Безбородко покачал головой.

— Не надо обострять отношений, — сказал он, — с этим следует повременить; решительные меры могут погубить сейчас все дело вашего царствования.

Императрица задумалась. Безбородко снова погрузился в сонливое состояние.

— Но ведь вы сами, — сказала она, — считаете необходимым приобретение Крыма, и император Иосиф обещал не препятствовать нам в этом?

— Да, я и теперь говорю это, — ответил Безбородко, — но минута еще не настала.

— Ждать и ждать, — нетерпеливо произнесла императрица, — ожидание в политике — смерть. Каждый день изменяет положение. Мы не можем следовать за событиями, а вы, господа дипломаты, всегда опаздываете... Кстати, граф, я просила вас набросать ответ императору на его последнее письмо. Готов ли он у вас?

Безбородко изменился в лице и торопливо раскрыл портфель.

Несколько мгновений он колебался.

— Написали ли вы так, как я говорила? — продолжала императрица. — Ведь надо быть любезнее. Он лучший из императоров. Это настоящий орел. И коснулись ли вы Крыма, о чем именно надо особенно написать?

— Я написал, согласно указаниям вашего величества, — несколько неуверенно ответил Безбородко.

— Ну, так прочтите, — приказала императрица, садясь к столу против канцлера.

Безбородко долго рылся в своем портфеле и наконец вынул бумагу. Он медленно развернул ее и не торопясь просматривал.

— Ну же, читайте, — с некоторым нетерпением произнесла императрица; — читайте только самое существенное...

— Я готов, ваше величество, — ответил Безбородко и, усевшись поудобнее, начал медленно и внятно читать:

«Моя радость равна моей признательности при чтении письма, которое вашему величеству угодно было написать мне, читал он. — Ваше величество привыкли счастливить людей; вы спешите содействовать и счастью вашей союзницы».

— Очень хорошо, — сказала императрица, — это именно то, что я хотела!

Безбородко продолжал:

«Обещание вашего императорского величества войти со мною в соглашение относительно всех событий, могущих произойти от крымских смут, — это обещание служит для меня драгоценным залогом вашей дружбы...»

Безбородко продолжал читать ровным голосом, не останавливаясь, а императрица одобрительно кивала головой.

Безбородко кончил.

— Прекрасно! — сказала Екатерина, — дайте мне это письмо.

— Я велю переписать, ваше величество, — ответил смущенно Безбородко, складывая лист.

— Не будем терять времени, — сказала императрица, — я должна собственноручно написать это письмо! Она протянула руку к бумаге.

— Но, ваше величество, — начал Безбородко, вытирая со лба пот.

— Дайте же! — повелительно прервала его Екатерина.

Безбородко вдруг побледнел, встал и дрожащей рукой передал императрице сложенный лист. Екатерина поправила на носу очки и развернула лист. Безбородко, тяжело дыша, стоял неподвижно.

Несколько мгновений Екатерина молча смотрела на развернутый лист. Потом брови ее гневно нахмурились, но почти тотчас же веселая улыбка появилась на ее лице, и она ласковыми веселыми глазами взглянула на бледного, дрожащего канцлера.

Лист, поданный ей канцлером, был совершенно чист.

Канцлер стоял, не смея поднять глаз. Из столбняка его вывел чистосердечный, веселый смех императрицы.

— Bravo, дорогой граф! — сквозь смех говорила она. — Заставили меня понапрасну одевать очки! Ну и голова, продолжала она, — за это-то я и ценю вас, граф, что голова у вас всегда на месте.

— Ваше величество, — простите, взволнованно прошептал Безбородко.

— Простить? За что? — спросила Екатерина, — вы выполнили мою волю, вы доказали, что всегда в готовности служить мне, вы показали свой ум. Полноте, граф, серьезно добавила она, — я была бы недостойна быть русской императрицей, если бы не ценила таких людей, как вы...

Она милостиво протянула канцлеру руку.

Он с волнением поцеловал ее.

— Ну, а теперь, милый ленивец, — сказала императрица, — садитесь да запишите поскорее вашу импровизацию, пока не забыли.

Безбородко сел, и перо его бойко заскрипело по бумаге...

VII.

Непрерывной вереницей тянулись со всех сторон экипажи по Невской перспективе к Аничковому дворцу, где жил теперь всемогущий баловень судьбы, светлейший князь Григорий Александрович Потемкин.

Этот дворец, выстроенный под наблюдением Растрелли, был подарен в свое время императрицей Елизаветой графу Разумовскому. Брат и наследник Разумовского продал его в казну, а через несколько лет Екатерина подарила его Потемкину. Потемкин не любил этого дворца и продал его купцу Шемякину. Но императрица вновь купила его и снова подарила Потемкину.

Чтобы оправдать милость царицы, Потемкин на недолгое время поселился во дворце.

Трехэтажный дворец имел строгий и простой фасад. На улицу выходил на сводах висячий сад, тянувшийся во всю ширину дворца. Кроме большого подъезда, через главные ворота, с Невской перспективы, был еще подъезд со стороны Фонтанки, с широкими ступенями, спускавшимися к воде, что давало возможность подъезжать прямо ко дворцу на лодке. Дворцовые службы и огромный тенистый сад занимали все пространство от Фонтанки до теперешней Садовой и от Невской перспективы до Чернышова моста.

На том месте, где теперь стоит Александринский театр, высился причудливый просторный павильон, где граф Разумовский, а потом князь Потемкин, во время своих ослепительных праздников устраивали танцы и концерты...

Ехали экипажи, цугом с вершниками и цугом без вершников, четвернею, парюю, ехали одноколки в одну лошадь — в зависимости от рангов владельцев.

Екатерина, желая ограничить чрезмерную роскошь среди дворян, нередко разорявшихся из тщеславия, издала указ, в котором, между прочим, говорилось: «украшения дворянства не суть и никогда быть не могут наружные украшения, как-то: богатство, несходственные с достоинством экипажи...» Соответственно этому определялось, в каких чинах, во сколько лошадей и с какой прислугой выезжать. Конечно, этот указ выполнялся не совсем точно, но зато давал возможность небогатым дворянам, не роняя своего достоинства, ограничиваться скромными выездами.

У раскрытых ворот стояли часовые. Кто был познатнее, въезжали во двор в экипажах, лица поменьше оставляли экипажи на улице и входили пешечком.

Огромный вестибюль дворца князя и прилегающие, к нему просторные залы, убранные с царским великолепием, наполнялись людьми. На лестнице, в вестибюле и в залах стояли статуи и в изящных, причудливых кадках пальмы, магнолии, целые кусты роз. Полы были покрыты толстыми драгоценными коврами, а стены увешаны дорогими картинами. Бронза, фарфор, мозаичные столы, резная мебель наполняли комнаты.

Такого великолетия не было и в Зимнем дворце. В дни приемов князя, которые он назначал без всякой определенности и часто забывал или отменял, всем был открыт свободный доступ во дворец. Несколько секретарей опрашивали посетителей и записывали их фамилии. Разнообразие просьб было бесконечно. Это объяснялось тем, что в руках князя сосредоточились все отрасли государственной жизни. По званию президента военной коллегии, генерал-фельдмаршала и генерал-инспектора армии он стоял во главе (после императрицы) всех военных сил России. После падения графа Панина, в его руках сосредоточилось все направление внешней политики, для дел внутреннего устройства он имел открытые листы, подписанные императрицей. Доверие императрицы к нему было безгранично. Он в полном смысле слова был ее наместником во всех делах государственного правления. Он до такой степени проникся всеми идеалами императрицы и она, со своей стороны, его грандиозными проектами, что никогда их взгляды не расходились. Каждая новая мысль императрицы находила в нем гениального исполнителя, и каждый его проект встречал с ее стороны царственную поддержку.

Со всех сторон князя осаждали просьбами. Тут были и тяжёбые дела и жалобы на суды и даже сенат и ходатайства о местах и просто, о пособии. Ни один иностранный дипломат помимо его не решался обратиться к императрице. Даже собственноручные письма венценосных глав государств императрица тотчас по прочтении направляла к нему или экстренно вызывала его к себе, и если в это время князь был не в духе, в припадке ипохондрии, нередко овладевавшей им, — то она, не дождавшись его посещения, отправляла ему документы, при чем никогда не выказывала недовольства. Она знала, что после этого кажущегося упадка духа, князь с необычайной энергией снова примется за дела. Она по опыту знала, что в часы своей тоскливой бессонницы князь обдумывал великие планы, семена которых частое закидывала в его душу она сама.

Уже целую неделю Потемкин был в состоянии меланхолии. Он не ездил во дворец, никого не принимал, даже иностранных послов, и целые дни, лежа на широком диване в халате, с босыми ногами, читал библию или просто, подложив под голову руки, думал, смотря в потолок. Каждый день приходили и приезжали просители или лица, просто желавшие попасть на глаза князя, и всем был ответ: князь не принимает. Но третьего дня к вечеру князь позвал правителя дел, Василия Степановича Попова, генерал-майора, ближайшего исполнителя своих

приказаний, и неожиданно назначил на сегодня прием. Затем он приказал приготовить себе ванну, позвать парикмахера и подать все скопившиеся бумаги.

На другой день с утра князь со своими секретарями уже сидел за работой, быстро просматривая одну за другой бумаги, и почти одновременно диктуя трем секретарям. Одному он диктовал об изменении формы в украинских войсках, другому меморандум о положении Крыма и необходимости принять решительные меры к подавлению там междоусобной войны между сторонниками русского ставленника, Шагин-Гирея, и приверженцами Турции, и третьему — проект письма от имени императрицы грузинскому царю, Ираклию II, просившему покровительства русской царицы. Весь день князь провел за работой, лег поздней ночью и рано утром уже вновь просматривал бумаги и подписывал указы.

Потемкин заканчивал свой туалет при помощи парикмахера и двух камердинеров, когда вошел Попов.

— Много? — коротко спросил князь.

— Как всегда, ваша светлость, — ответил Попов, — до Зеленого моста^[1] не перевешаешь.

Генерал-майор Попов, человек лет 45, был уроженец Казани. Первоначально он служил у графа Панина в первую турецкую войну (в нижних чинах), затем у Долгорукова-Крымского, овладевшего в эту войну Крымом, и был у него правителем дел, когда Долгоруков был назначен в Москву главнокомандующим. По смерти Долгорукова, в 1779 году, Потемкин обратил внимание на Попова, деятельного, исполнительного, и взял его к себе правителем своей канцелярии. Попов не имел особых дарований, но отличался необыкновенной аккуратностью. Можно сказать, что он не имел даже своей квартиры, дня и ночи в канцелярии, помещавшейся всегда в квартире князя. Когда бы князь ни позвал его к себе, днем ли, ночью ли в часы бессонницы, Попов тотчас же являлся на зов в полной парадной форме, всегда готовый приступить к исполнению приказаний своего господина.

С течением времени он приобрел неограниченную доверенность князя. Потемкин хорошо знал, что Попов не чист на руку, но за его преданность и исполнительность смотрел на это сквозь пальцы. Во всей приземистой, толстой фигуре Попова, с маленькими глазками и ярко выраженным татарским типом, виднелось лукавство и подлобострастие,

Князь сидел за туалетным столом против большого венецианского зеркала в оправе из старинного, почерневшего серебра. Парикмахер уже выбрил его и расчесал волосы.

Голубая шелковая рубашка князя была расстегнута и открывала белую крепкую шею и могучую грудь. Темно-русые волосы прихотливыми кудрями обрамляли его высокий, чистый лоб, с сильно развитыми надглазными выпуклостями. Лафатер^[2] определил бы по ним чрезмерно развитое воображение. Классический изгиб рта, с плотно сжатыми, несколько полными губами говорил о решительности и вместе с тем о жажде жизни. Тонкие ноздри орлиного носа вздрагивали при малейшем волнении. Но особенное впечатление, по их странному несоответствию, производили огромные серо-голубые глаза.

В то время, как один глаз постоянно менял свое выражение: то темнел, то светлел, то сверкал, под влиянием тайных мыслей, другой, с остановившимся зрачком, оставался всегда с неподвижным тяжелым взглядом. Особенно резко это было заметно в минуты волнения. Это объяснялось тем, что Потемкин был крив. Один глаз его атрофировался. Цесаревич, не любивший князя, иначе не называл его, как «кривым».

Потемкину в эту эпоху шел сорок третий год. Он был в расцвете своей мужественной красоты. Но в дни своей меланхолии, небритый, нечесанный, обрюзгший он казался гораздо старше.

Но сегодня он чувствовал себя прекрасно. На его белом лице играл нервный румянец, здоровый глаз горел молодым огнем.

Попов положил перед ним на стол список наиболее выдающихся посетителей.

Князь бегло взглянул на него.

— А еще, ваша светлость, — произнес Попов, — из крепости привезли корнета, князя Можайского. Согласно указу вашей светлости, он, как виновный в смертоубийстве, подлежит вашему непосредственному приговору.

— А, Никита Можайский! — произнес князь, слегка нахмурясь. — Надо проучить молодца. Это уже второй раз. Смертоубийство, ты говоришь? Что же случилось?

— Дуэль в кабаке, ваша светлость, — ответил Попов, — с семеновцем Батуриным.

— Да? — произнес Потемкин, — ну, этому давно пора свернуть шею. Кажется, дня не проходит, чтобы в рапорте обер-полицмейстера не упоминался сей офицер. Что же, на смерть?

— Еще жив, ваша светлость, — ответил Попов.

— Наверно, он и виноват, — сказал князь.

— Я так полагаю, ваша светлость, — торопливо подхватил Попов.

Он имел непреодолимую слабость ко всем богатым людям, а князь Можайский был известен своим богатством.

Потемкин взглянул на Попова и усмехнулся,

— Ну, мы разберем. Кто там еще? — сказал он.

— Граф Герц прислал своего секретаря, Шварца, узнать изволите ли ваша светлость принять его сегодня? Я сказал, что ваша светлость примете.

Князь кивнул головой, и встал, застегивая на груди рубашку. Князь был очень высокого роста, но строен и сложен пропорционально. Оба камердинера бросились подавать ему тяжелый, сплошь зашитый золотом мундир. Князь надел его. Камердинеры прилаживали цепь ордена Андрея Первозванного и ленту Владимира первой степени. Весь правый борт камзола князя был украшен звездами с брильянтами: Александра Невского, Польского Белого Орла, Владимира, Георгия II-го класса, Прусского Орла, Австрийской Короны.

— Ух, тяжело! — произнес князь, когда застегивали.

Потом он снова сел к туалетному столу и велел прочесть сегодняшние бумаги. Попов вышел в соседнюю комнату и сейчас же вернулся с объемистым портфелем. Пока он читал, князь высыпал из золотой шкатулки, стоявшей на туалетном столике, целую грудку драгоценных камней, взял из другой хрустальной шкатулки тонкие напильники и вделанные в золотые оправы алмазы и принялся оттачивать и шлифовать драгоценные камни. Это было его любимым занятием, когда он о чем-нибудь думал. Не мало камней перепортил он во время этого занятия.

Наконец он нетерпеливо отодвинул в сторону камни и произнес:

— Будет, надоело, ничего важного, разбери и представь меморандум!

Попов поклонился и убрал в портфель бумаги. Действительно, эти бумаги заключали в себе обычные рапорты о текущем состоянии войсковых частей и ходатайства об улучшении помещений, довольствия и проч.

— Пора идти, — сказал князь.

Пройдя еще две комнаты, князь в сопровождении Попова вышел в большой приемный зал, где его ждали уже лица его свиты и адъютанты, начиная с молодых офицеров и кончая пожилыми генералами.

Потемкин ласково кивнул всем головой и, оставив при себе своего любимого адъютанта, полковника Гарновского, и Попова, попросил остальных удалиться.

VIII.

В первой большой приемной, в ожидании светлейшего, собрались наиболее знатные лица, чины двора и те, кто был вызван к князю.

Можайский, в сопровождении полковника Елагина; поневоле попал в эту привилегированную приемную.

Он стоял у окна, со своим обычным мрачным видом, скрестивши на груди руки, и изподлобья темными глазами рассматривая присутствовавших.

Генерал-аншефы с лентами через плечо, генерал-поручики — командиры отдельных частей, теснились поближе к дверям, из которых ожидался выход Потемкина.

Во всей зале царило напряженное ожидание. Все говорили шепотом.

Никита Иваныч угрюмо глядел по сторонам. Он подготовился уже к своему приговору. Он знал, что его ожидает перевод в какой-нибудь далекий гарнизон.

В толпе произошло движение. С гордо поднятой головой в залу вошел граф Герц.

— Доложите его светлости, — громко произнес он, обращаясь к дежурному адъютанту, — что прибыл посланник его величества короля прусского.

Молоденький дежурный поручик учтиво, но твердо ответил:

— Я не имею права, господин посланник, докладывать его светлости. Я должен ожидать приказаний.

Граф Герц кинул на него презрительный взгляд и, пожав плечами, отошел в сторону. Можайский с любопытством смотрел на его напыщенную фигуру.

Не прошло несколько минут, как в залу вошел граф Армфельд, самоуверенный и холодный, как всегда.

Окинув прищуренными глазами собрание, он узнал князя Можайского и, весело улыбнувшись, направился прямо к нему.

— Дорогой князь, — начал он, пожимая Никите Иванычу руку, — вы здесь, какими судьбами?

— Злыми, — ответил, усмехаясь, Можайский, — я арестован и представляюсь светлейшему для окончательного решения.

И он в коротких словах передал графу Армфельду происшедшее. Граф внимательно выслушал его.

— Да, это печальный случай, — сказал он, — не позволите ли, дорогой князь, сказать несколько слов светлейшему?..

Князь сверкнул глазами, и холодно ответил:

— Благодарю, граф, мне не надо заступничества.

Они не заметили, что с прибытием графа, прусский посланник странно насторожился. Он внимательно, упорно глядел на графа Армфельда, а когда тот заговорил, незаметно сделал к нему несколько шагов. За время своего пребывания в Петербурге Герцу случалось, конечно, встречаться с графом Армфельдом, но он так много видел всяких членов посольств, что не обращал внимания на каких-то секретарей. Но теперь что-то, видимо, поразило его в осанке и голосе Армфельда, и он старался приблизиться к говорившим.

Граф Армфельд заметил, наконец, Герца и учтиво поклонился ему. Герц ответил на его поклон и подошел.

— Извините, — начал он, — мне удивительно знакомо ваше лицо.

— Это возможно, граф, — ответил Армфельд, я секретарь австрийского посольства, граф Армфельд.

— А-а! — протянул Герц, — конечно, мы в таком случае должны были нередко встречаться хоть издали на приемах и в обществе.

Но его маленькие глазки, с упорным, насмешливым выражением впились в лицо Армфельда. Как будто на одно мгновение легкое смущение показалось на лице Армфельда, но он выдержал взгляд графа. Он повернулся к Можайскому и вдруг воскликнул:

— Князь, князь, взгляните, что это такое?

Граф стоял лицом к входу. Но уже многие повернули голову и с любопытством смотрели на дверь. Князь быстро обернулся и замер. В дверях появилась княжна Маруцци. На ее голове была маленькая шитая золотом шапочка, из-под которой спускалась на спину легкая, затканная серебром, прозрачная, дымчатая фата. Белое серебристое платье, перехваченное выше талии широким золотым поясом, облегалo ее фигуру. Жемчужное ожерелье в несколько ниток обвивало ее шею. На ногах были золотые туфельки. Руки, обнаженные до локтей, были украшены сверкающими браслетами. Несколько человек, сопровождавших ее, тоже приковывали к себе всеобщее внимание. Они были одеты в яркие длинные доломаны, с откидными рукавами. На поясах висели ятаганы, украшенные драгоценными камнями. Рядом с княжной шел высокий старик с длинными седыми усами. За ней следовали другие, с суровыми важными лицами тоже уже пожилые люди.

Сердце князя сильно забилося, он побледнел. Дежурный адъютант бросился навстречу прибывшим.

Княжна сказала ему несколько слов, и адъютант, почтительно склонив голову, поклонился и исчез за дверью в покои светлейшего.

— Однако, — пробормотал Герц, — кто же это такая?

Величественно, как царица, княжна прошла вперед. Ея черные глаза горделиво смотрели перед собою, словно никого не видя.

Можайский низко поклонился ей, когда она проходила мимо него.

На мгновение ее взор остановился на нем; легкая краска покрыла ее бледные щеки, она кивнул головой и прошла дальше.

Ради Бога, кто это такая? шепотом спросил Армфельд, хватая за руку князя. Он был поражен красотой девушки,

— Не знаю, — коротко ответил князь, освобождая свою руку, Ему всегда был неприятен этот человек, с красивым, хищным лицом и наглыми глазами.

— Но, ведь, вы?.. — начал Армфельд.

— Корнет, князь Можайский! — громко крикнул, появляясь на пороге, адъютант.

— Здесь! — ответил князь, выступая вперед.

— К его светлости! — коротко произнес адъютант.

Среди собравшихся зашептались. Никто не знал, зачем прибыл князь Можайский, и многие были обижены, что светлейший заставляет их ждать из-за какого-то мальчишки.

— Это уж чересчур! — громко произнес Герц. — Мне остается только уехать!

Но, однако, он остался.

Сопровождаемый завистливыми взглядами, князь переступил заветный порог, и дверь за ним закрылась.

Сделав два шага, он отдал установленный поклон и остановился.

Князь сидел в большом кресле с высокой спинкой; на столе перед ним была разложена большая карта и грудой были навалены бумаги.

— Опять? — коротко произнес светлейший, устремив на Можайского сердитый взор.

— Опять, ваша светлость, — спокойно и угрюмо ответил князь.

— Ты, кажется, думаешь, — ровным голосом начал Потемкин, — что я вечно буду нянчиться с тобою? что гвардия создана только для того, чтобы щеголять на парадах тонкими мундирами или шататься по кабакам, и позорить свою шпагу в пьяном виде?

— Я ваша светлость, своей шпаги не позорил! — С дрожью в голосе ответил Можайский, смотря мрачными глазами прямо в лицо всемогущему фельдмаршалу. — Я защищал свою честь. Это мое право и долг дворянина. Я дрался в честном бою и если убит не я — на то воля Божия.

— Воистину, — насмешливо отозвался Потемкин, — ежели все гвардейские офицеры перережут друг друга — от того великая прибыль отечеству будет...

— Так дайте, ваша светлость, иное дело моей шпаге, — воскликнул Можайский, — и вы увидите, что она сделает это дело...

Князь пристально взглянул на него.

— Хорошо, — сказал он, — ты хочешь этого?.. Какие дьяволы вселились в тебя? продолжал он, — ведь не проходило дня, чтобы на тебя не подавали рапорта!..

Попов и Гарновский, слушая Потемкина, только удивлялись. Им был хорошо известен его необузданный, властный характер, за который его прозвали иностранцы и враги русские «восточным сатрапом». И вдруг такой разговор.

— Да, виноват, ваша светлость, — тихо ответил Можайский.

На него неотразимое впечатление производил этот сидящий перед ним человек сказочной судьбы; с таким благородным, прекрасным лицом, словно выточенным из слоновой кости. Как будто тайная сила исходила от него и покоряла всякого, кто только приближался к нему. И несмотря на всю гордость, даже дерзость, Можайский робел перед этим человеком, и, кажется, если бы не было здесь Гарновского и Попова, он ни минуты не задумался бы излить перед ним всю свою душу. Но присутствие посторонних его стесняло, и он только тихо повторял:

— Я виноват, ваша светлость.

— Скажи, как было дело? — произнес Потемкин, рассматривая бумагу, поданную ему Поповым.

Можайский начал рассказывать.

— Скверно, брат! — вдруг произнес Потемкин, обращаясь к Попову. — На таком языке только французские собаки лают.

Попов густо покраснел.

— Продолжай, продолжай, — обратился Потемкин к Можайскому, — я слушаю.

И в это время он черкал и исправлял бумагу.

Попов знал французский язык, писал и объяснялся на нем, но не владел им в таком совершенстве, чтобы удовлетворить требовательному вкусу Потемкина или императрицы.

— Да, Батурин озорник, это так, — рассеянно сказал светлейший, — но все же это не резон... Знаешь французский язык? вдруг спросил он.

— Знаю, — изумленный неожиданным вопросом ответил Можайский.

— Ну-ка, — сказал Потемкин, — живо составь вот эту бумажку! Садись там.

Он указал рукой на маленький столик у окна.

Князь взял бумажку и сел за столик.

Сперва он никак не мог разобрать небрежно и неровно набросанных Потемкиным фраз, но присмотревшись разобрал и увидел, что это маленький меморандум императрице о положении дел в Польше и интригах берлинского двора в Стамбуле. Судя по отрывочности фраз — это было только незначительной частью какого-то большого доклада.

Пока князь писал, Потемкин внимательно рассматривал карту и делал какие-то отметки на листе бумаги.

— Как, уже? — сказал он, когда князь подал ему исписанный лист бумаги.

Он внимательно прочел его, потом взглянул на князя и произнес:

— Да ты не только хороший боец на шпагах!.. Очень хорошо. Василий Степаных, приобщи к мемории. Молодец, добавил он, обращаясь к князю. — Однако, не думай, что я забыл твою вину. Расчет впереди. А теперь вот возьми и это, да сделай из этого экстракт. Ты, пожалуй, и немецкий язык знаешь? спросил он.

— Знаю, — ваша светлость, ответил Можайский.

— И хорошо?

— Как французский...

— Вот как! — Потемкин помолчал несколько мгновений и потом сказал:

— Ну, так вот, садись в тот угол за ширмы. Сейчас у меня будет немец, министр Герц. Слушай и записывай его слова. Главное — его. О моих не думай. Мне не надо говорить тебе, что это дело тайное и чтобы ты не болтал.

— Ваша светлость! — весь вспыхнув произнес Можайский.

— Ладно, ладно, иди же. И обратясь к Гарновскому, Потемкин сказал: — Пригласите его сиятельство, министра прусского короля, графа Герца.

Гарновский поспешно вышел из комнаты.

— Ты теперь пока не нужен мне, — сказал Потемкин Попову, — можешь идти.

Попов с поклоном удалился.

IX.

Граф Герц уверенно и с достоинством, сохраняя на лице несколько обиженное выражение, вошел в комнату.

Потемкин, не торопясь, поднялся из-за стола и сделал навстречу ему шаг.

— Счастлив видеть вас, граф, сказал он, протягивая руку.

— Я долго ждал этого счастья, ваша светлость, — с подчеркнутым выражением ответил посол.

— Это было обоюдно, дорогой граф, — с тонкой усмешкой произнес князь.

Он указал гостю кресло у стола и опустился на свое место.

— Мой всемилостивейший государь, — начал посол, — обратился к ее величеству с собственноручным письмом...

— Ах, да, — прервал Потемкин, — оно здесь.

И он положил свою тяжелую ладонь на развернутое письмо.

Графа Герца передернуло.

— Тем лучше, ваша светлость, что оно уже у вас, продолжал он, — мне нечего значит повторять его содержание...

— Да, это было бы излишне, — ответил князь, — я должен заметить вам, что императрица удивлена письмом его величества. Союз с Турцией противоречит всем традициям русской политики...

— Но, — оживленно перебил граф Герц, — этот союз направлен против чрезмерного увеличения могущества Австрии, оно равно грозит и прусской монархии и российской империи...

— О, — насмешливо возразил Потемкин, — поменьше забот о благе российской империи; мы достаточно опытни и сильны, господин граф, чтобы самим позаботиться о своей безопасности! Австрия, по крайней мере теперь, не может быть нашим врагом... Потом, конечно... задумчиво добавил он, — но, впрочем, это дело уже иных поколений.

— Но ее притязания в Польше! — воскликнул Герц, — разве они не грозят России?

— России? — Едва ли, возразил Потемкин, — Пруссии — да! Но это ваш семейный спор. Наше дело славянское, и в тевтонские распри нам лучше не мешаться.

— Восстановление греческой монархии дело не славянское, — дрожащим голосом, покраснев, произнес Герц.

Потемкин кинул на него острый взгляд и сухо сказал:

— Вы хорошо осведомлены, господин посол. Что же? Восстановление греческой монархии повлечет за собою объединение славянства и его освобождение от мусульманского ига.

— Но мы не можем этого допустить! — воскликнул Герц, — мы связаны трактатами с Диваном, а ее величество обязана по отношению к королю Пруссии.

— Вы не можете допустить этого? — медленно повторил Потемкин. — Вы не можете допустить?

Он встал во весь рост, Глаз его зловеще потемнел, тонкие ноздри дрогнули.

— Так не допустите же этого! — сказал он. — Дипломатическая тайна — это тайна шута на балаганах. Я не буду играть с вами в жмурки, господин посол. Да, мы восстановим греческую монархию, да мы вознесем вместо полумесяца крест на святую Софию! Мы освободим наших братьев-славян! Даже по Канарджийскому договору мы являемся покровителями угнетенных христиан. Кто помешает нам?

— Вы забываете, ваша светлость, — тоже вставая, ответил Герц, — что есть еще кроме Пруссии, Англия и Франция! Они могут положить границу высоким мечтам ее величества.

— Никто не остановит железного хода истории! — со сдержанной страстью продолжал Потемкин; — императрица Екатерина призвана свыше, совершить то, о чем мечтал Великий Петр. Вы говорите об Англии? Но через две недели я могу отправить двадцать тысяч войска, не ослабляя себя, через океан на помощь восставшим американским колониям. Я помогу испанцам, я закрою порты Испании и России для английских судов и наложу на них эмбарго. Франция на краю гибели! Она разрушается и гибнет, и я доживу еще до ее развалин. Может-быть в этой прекрасной и сильной стране явится новый вождь, но теперь она не страшна нам... Вы?.. Швеция? Но я всколыхну всю громаду русских сил от пустынной Ингрии (смотрите на эту карту, господин посол;) до Волыни, от Киева до священной Москвы, и от Москвы до погибающей Варшавы! Ничто не остановит меня, пока на русском престоле сидит императрица Екатерина, чью волю и чьи желания, согласные с волей народа, я призван исполнить!..

Князь Можайский в узкую щель ширм видел прекрасное лицо князя, всю его величественную фигуру, рядом с которой жалкое впечатление производит Герц.

Он чуть не забыл писать, как приказал ему Потемкин.

Герц несколько мгновений молчал.

— Я должен донести о ваших словах моему государю, — сказал он, наконец, — ваши слова совершенно противоречат создавшимся доньше отношениям дружеских кабинетов. Конечно, на все сказанное вы уполномочены императрицей?

— Да, я уполномочен императрицей, — высокомерно ответил Потемкин. — Так не забудьте же еще донести вашему августейшему повелителю, что Крым присоединяется к России, неожиданно добавил он.

— Как? Крым к России?.. Но ведь он независим?.. Он... — начал ошеломленный Герц.

— Он делается русской губернией, — прервал его Потемкин.

— Я должен ожидать новых инструкций, — сказал граф.

— Наше положение неизменно, ответил Потемкин, — а кстати, граф, каким путем вам стала известна переписка о греческом проекте? — вдруг с улыбкой добавил он.

— Это дипломатическая тайна, — ответил Герц.

— Если бы вы пришли ко мне раньше, произнес Потемкин, — ручаюсь, вам это стоило бы дешевле, и одним предателем было бы меньше...

«Что за удивительный человек, — думал граф, уходя от светлейшего. — И в чем секрет искусства дипломатии? В тайне или дерзости откровений? Нет, только в силе, с печальной улыбкой закончил он свои размышления. — Надо или быть сильным, или уметь казаться таковым...»

Х.

Потемкин взволнованно ходил по комнате. Он высказал прусскому послу все, что лежало на его душе, что было предметом его страстных грез в долгие, бессонные ночи, то, чем он хотел обессмертить царствование своей императрицы, обессмертить самого себя и насытить свою ненасытную честолюбивую душу.

— Это бессмертие, — шептал он про себя.

Он нисколько не задумывался над тем, что скажет императрица, когда узнает про его разговор с послом Фридриха, с которым все же она находилась в дружеских отношениях, что скажет она на его объявление о присоединении Крыма, на что она все еще, под влиянием Безбородко, не могла решиться.

Потемкин хорошо знал свою императрицу. Он знал, что она всецело разделяет его планы, и только некоторая робость мешала ей поступать энергичнее. Теперь вопрос решен, отступить нельзя. И она будет довольна. Колебания были не свойственны ей и мучили ее. Потемкин сразу решил вопрос. Он знал, какую бурю в Европе поднимет это решение восточного вопроса, которое он объявил Герцу именем императрицы.

Он забыл, что он не один в комнате. Легкий кашель, шум передвинутого кресла вывели его из задумчивости. Он увидел Можайского и несколько мгновений словно с удивлением смотрел на него. Потом вдруг улыбнулся.

— Я было и забыл о тебе, — сказал он, — ну, что, записал?

— Записал, ваша светлость, — ответил Можайский, подавая князю исписанные листы.

— Только ваша светлость, я записал и ваши слова. Он куда говорил меньше.

— Спасибо, спасибо, голубчик, — произнес князь, проглядывая листки, — очень хорошо, перепиши ка аккуратнее, я покажу это императрице. А ты не думай, нахмурясь закончил он, — что с тобой покончено. Ты еще будешь наказан. Ну, иди опять туда же... Меня ждут...

Можайский уныло побрел опять за ширмы.

Потемкин подошел к столу, бросил взгляд на лист с фамилиями ожидавших приема и позвонил.

Явившемуся Гарновскому он приказал пригласить депутацию.

«Депутацию? какую?» с любопытством прислушивался Можайский, подглядывая в щель ширмы.

Но его сердце замерло, когда в широко раскрытые двери, с видом королевы, вошла княжна София Маруцци со своей свитой.

Должно быть от волнения она была страшно бледна; на этом бледном лице чудесно горели огромные, черные глаза, представлявшие удивительный контраст с ее пышными золотистыми волосами.

По-видимому, сам Потемкин был поражен ее ослепительной красотой. На ее глубокий придворный поклон он сделал несколько шагов ей навстречу и, протягивая руку, с изысканной любезностью произнес по-французски.

— Я очень рад, княжна, что имею счастливый случай видеть вас. Фамилия Маруцци не чужая для России.

Он любезно кивнул головой сопровождавшим княжну лицам и, предложив ей кресло, продолжал.

— Скажите, ведь маркиз Маруцци, приезжавший с греческой депутацией в 1770 году к Орлову в Ливорно, а потом и в Петербург к императрице, искать защиты от османского ига, ваш родственник?

— Это мой дядя со стороны отца по младшей линии, — ответила княжна. — Он уроженец Корфу.

— Он истинный патриот! — продолжал светлейший. — Он поднял Левант, пожертвовал на войну огромные суммы... Русские войска многим обязаны его патриотизму. Он остался русским министром в Венеции, закончил Потемкин, — императрица отличила его. А вы откуда княжна?

— Из Янины, — глухим голосом ответила княжна. — Я из Янины, продолжала она, вставая и сверкая глазами, — из той самой Янины, ваша светлость, где в прошлом году янычары, по приказанию пошутившего султана, в одну ночь вырезали десять тысяч мужчин, женщин и детей-христиан! Тех христиан, которых великая Россия по Канарджийскому договору взяла под свое покровительство. Я из той Янины, где погребла свое счастье — отца, мать, братьев, и сестер!.. Я спаслась чудом из рук янинского паши... Я одна теперь на свете, ваша светлость, одна, если не считать неугасимой мести и ненависти в моей душе! О, воскликнула София поднимая белую руку, — я, одинокая, пришла к великой России, мстительнице за поруганную веру, за слезы и кровь единоверных греков и братьев славян, и там, вся трепеща продолжала она, — на краю Европы, в стране, где восходит солнце, погибают ваши братья, и в последний час, с последнею молитвой протягивают к вам руки!..

Голос Софии прервался.

Лицо Потемкина окаменело и стало страшно в своей неподвижности.

— Вы правы, — хрипло сказал он, — великая императрица, весь народ необъятной России никогда не совершат преступления против своих братьев!

— Ваша светлость! — произнесла Маруцци, — если бы я была мужчиной, я бы предложила свою жизнь, чтобы погибнуть в рядах ваших победоносных войск на ряду с лучшими воинами. Но я только женщина. Примите, ваша светлость, то, что я могу дать.

По ее знаку, один из сопровождавших ее выступил вперед и вынул из-за кушака небольшой ящичек и подал его князю.

— Что это? — с удивлением спросил Потемкин. — Что это? Не талисман ли?

— Талисман, ваша светлость. Это расписка банкиру Сутерленду на ваше имя, на миллион золотых рублей. Это мой дар на погибель туркам.

Потемкин был поражен.

— Но, княжна, — сказал он, наконец, ставя на стол ящичек, — Россия богата и не нуждается в субсидии.

— Россия не может отвергнуть дара своей дочери, — ответила княжна.

— Хорошо, — после некоторого раздумья сказал князь, — императрица оценит ваш патриотизм. Я доложу ее величеству...

— О, да будет благословенна Россия! — воскликнула Маруцци, — Да воссияет крест на святой

Софии! Ваша светлость! продолжала она, — взгляните на этого старика (она указала на высокого стройного человека в ярком доломане): это орел Черной Горы, он из Скарды (Скутари). Спросите его, что вытерпели они? Спросите вот этого жителя Одрин[3], как льется кровь христиан, как издеваются турки! Глядите, ваша светлость, от Черных Гор, от Сербии, от Болгарии, от всего утопающего в крови христианского Востока мы пришли, потеряв все на печальной родине, просить помощи погибающим братьям у великого министра великой императрицы!

— Помощи! защиты! свободы! — воскликнули в один голос мужчины, и суровые, торжественные, они опустили на колени, протягивая князю свои сильные, загорелые руки.

— Пощады! — произнесла София, опускаясь на колени и склоняя свою прекрасную голову почти к ногам светлейшего. Это была величественная, торжественная картина, потрясающая и скорбная.

Потемкин был потрясен.

— Встаньте, княжна, встаньте, братья! — дрогнувшим голосом произнес он, помогая княжне встать.

— А я, — продолжал он, — видит Бог, не раз плакал кровавыми слезами, думая о далеких братьях! Мужайтесь! Ваша скорбь — это скорбь России, это горе ее лучших сынов, это вечная печаль императрицы! Верьте в русского орла. Императрица Божьим громом поразит врагов Христовой церкви. Мужайтесь и знайте, что Русь за вас... И вам, о Боже, услышь меня! воскликнул Потемкин, поднимая руки, — вам уже недолго быть рабами!.. Встаньте же, встаньте!..

Суровые славяне украдкой вытирали глаза широкими рукавами своих доломанов.

Потемкин в волнении ходил по комнате. Потом, усилием воли поборов свое волнение, он уже спокойным голосом обратился к депутатам с расспросами о положении христиан на востоке, о настроении славянских народов, об укрепленных пунктах и военных силах Турции. Потемкин обладал необыкновенной памятью, и ему не надо было записывать, чтобы запомнить все сообщенное

Аудиенция продолжалась слишком долго. Наконец, Потемкин вспомнил об ожидавших его и приказал Гарновскому объявить, что приема сегодня больше не будет.

С чувством обиды и раздражения расходились ожидавшие приема.

Граф Армфельд был прямо взбешен. Он прибыл по поручению графа Кобенцеля и не был даже принят!

Потемкин продолжал любезно беседовать с депутацией. Когда Потемкин был в духе — трудно было встретить более обаятельного собеседника. Под влиянием его слов светлели лица и глаза загорались надеждой. Княжна не сводила с него восторженного взгляда, и он казался ей полубогом.

— Ваша светлость, — восторженно вырвалось у нее, — вы Ахиллес и Агамемнон вместе.

Князь наклонил голову.

— Но, княжна, — сказал он вдруг озабоченно, — вы так молоды и одиноки в этой чужой стране,

хотя и окружены мужественной свитой. Отныне Россия принимает вас под свое покровительство. Я не могу оставить вас без официального покровительства. Не беспокоя вас, я прикажу, чтобы вы были постоянно под охраной моих доверенных лиц во избежание неприятностей, к сожалению могущих случиться с вами в нашей, еще немного дикой столице. Почетный караул не стеснит вас, княжна?

— Ваша светлость, — ответила Маруцци, — какая опасность может угрожать мне?

— Вы очень красивы, княжна, — ответил Потемкин, — вы не знаете нашего языка, вы молоды и доверчивы. Как ни грустно, но должен сознаться, что эти преимущества не раз накликали несчастья...

Княжна густо покраснела и опустила глаза.

Потемкин задумался.

— Вот и прекрасно, — сказал он, поднимая голову, — мы сейчас устроим это. Можайский! крикнул он.

Можайский с такой поспешностью выскочил из своего угла, что чуть не опрокинул ширмы.

Княжна подняла на него глаза, и сейчас же опустила их.

Князь глубоко поклонился ей.

— Пока не разрешится твое дело, — сказал Потемкин, — я поручаю тебе охрану княжны и ее дома. Возьми в свое распоряжение, сколько надо рядовых. Ежели княжна захочет, что осмотреть в Петербурге или Царском Селе, сопровождай и показывай без надоедливости. Василий Степанович передаст тебе ордер.

Князь вспыхнул и поклонился.

Потемкин говорил по-русски суровым голосом.

— Я избрал тебя потому, — продолжал князь, — что ты знаешь языки, что хотя ты и озорной, но я верю в твою честь и скромность.

— Я оправдаю доверие вашей светлости, — ответил князь.

— Княжна, — обратился Потемкин по-французски к Маруцци, — представляю вам вашего телохранителя, самого буйного офицера моего Конного полка, князя Можайского.

— О, я знакома уже с князем, ваша светлость, я, кажется, обязана ему жизнью, — ответила княжна с улыбкой.

— Да? — с удивлением спросил Потемкин, — я не знал об этом.

Маруцци поспешила рассказать, как молодой князь остановил взбесившихся лошадей.

— Однако же и шельма ты, Никита, — проговорил Потемкин, исподлобья взглянув на Можайского.

Аудиенция кончилась.

Войдя во дворец Потемкина, князь Можайский считал себя несчастнейшим в мире человеком, а выходя оттуда думал, что счастливее его нет на свете человека.

Его не страшило будущее. Он не думал о тяготевшем на нем обвинении и грядущем наказании.

Главное, что он теперь свободен и не вернется сейчас в свою тюрьму. Окрыленный мечтами и надеждами князь поспешил домой.

Оставшись один, Потемкин потребовал подать дислокацию войск, долго сидел над картой и что-то записывал, забыв о времени и обеде. Никто не смел напомнить ему о нем.

XI.

Толбузин сдержал слово, данное Можайскому. С Батуриным была горячка, всегда сопровождающая раны, нанесенные холодным оружием.

Пользуясь полусознательным состоянием Батурина, Толбузин перевез его в дом князя и вызвал к больному Вейкарда и Роджерсона, медиков императрицы. Насколько Роджерсон был светским человеком, с мягкими манерами, всегда старающийся до последней минуты поддержать бодрость в окружающих, настолько Вейкард был груб, прямолинеен и резок. Он считал своим долгом говорить всегда правду, веря в непогрешимость своих мнений и определений. Большой и неуклюжий, с толстыми, красными руками, он, вместе с тем, с удивительной ловкостью, словно женщина, нежно и осторожно умел делать перевязки или зондировать рану. Императрица очень ценила его и в некоторых случаях предпочитала его Роджерсону.

Осмотрев больного, Вейкард сказал:

— Есть родственники? Тогда предупредите их, что Вейкард не ручается за его жизнь.

Тоже самое он сказал бы и жене и матери больного.

Но Батурин не только не имел отца и матери и не помнил их, но даже не имел ни одного родственника.

Роджерсон напротив сказал, что имеется полная надежда на выздоровление раненого.

Батурин не был богат и жил в казенной квартире в казармах Семеновского полка. Очнувшись к вечеру следующего дня, он с удивлением оглянулся кругом. Непривычная роскошь обстановки поразила его.

«Что за черт, думал он, — куда я попал и что со мной?»

Он стал напрягать свою память и, мало-по-малу сквозь туман его сознания возникали прошедшие события. Он вспомнил ресторацию, ссору с Можайским и последнее впечатление — острой, сладко ноющей боли в плече, после чего он потерял сознание.

В эту минуту вошел Толбузин.

— А, я узнал вас! — произнес раненый. — Объясните, ради Бога, где я и что со мной?

— Вы ранены, — ответил Толбузин,

— Это я знаю и без вас, — ответил Батурин, — но скажите, где я?

— Вы у князя Можайского, — произнес Толбузин, — но не волнуйтесь. Вам вредно волнение.

— Я не хочу быть у него! — гневно крикнул Батурин. — Вы воспользовались моей слабостью... Где же он, мой благодетель? с насмешкой закончил он.

— Князь Можайский арестован, — ответил Толбузин, — его карьера кончена. Он сгниет в каком-нибудь оренбургском или саратовском гарнизоне...

Батурин нахмурил брови.

— Но этого нельзя допустить! Он не убийца. Это был честный бой. Во всем виноват я. Нет, — продолжал он, — я не допущу этого...

И он сделал движение встать.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Толбузин, — будет еще время.

Батурин опять впал в беспамятство. Он метался, кричал, грозил, просил прощения.

Приглашенный Вейкард пустил ему кровь.

Могучий организм Батурина поборол болезнь. Раненый поправлялся. Несколько раз он порывался уехать домой, но Толбузин не пускал его.

При первой возможности Батурин поспешил написать по начальству рапорт, в котором всю вину принимал на себя и просил довести об этом до сведения светлейшего.

После этого рапорта к нему заезжал его приятель, полковой адъютант, капитан Ордынский, по приказанию командира полка, снова переспросил его, прибавил, что Бог милостив, посидел и уехал.

Изредка его навещали товарищи. Толбузин, на правах хозяина, всех очень радушно принимал.

Но по мере выздоровления, Батурин становился все мрачнее и задумчивее. Он твердо решил, лишь только будет в состоянии стоять на ногах, добиться аудиенции у светлейшего и, взяв всю вину на себя, просить прощения Можайскому. Во время его выздоровления Толбузин мало-помалу сближался с ним. И чем больше он узнавал Батурина, тем больше ценил его.

Он понял, что все дикое буйство Батурина происходили не от недостатка ума и сердца, а были вызваны избытком молодых сил, некоторой озлобленностью и чрезмерным самолюбием. В том кругу богатой гвардейской молодежи, к которому принадлежал Батурин, чтобы удержать за собой известное положение, (а Батурин везде хотел быть первым), надо было чем-нибудь особенно отличаться. Не имея ни больших средств, ни громкого имени, Батурин пустил в ход единственное, имеющееся у него богатство, — свою физическую силу, бывшую тогда в большой цене, и необузданную дерзость. Но по натуре он был добрым человеком и самоотверженным товарищем.

Узнав об его намерении идти к светлейшему, Толбузин не противоречил, но уговаривал его не торопиться с этим.

— Ты теперь (они были уже на ты только повредишь своему здоровью, говорил он, — а Можайскому все равно уже. Я хотел навестить его, да меня не пустили. Очень строго держат его.

— Да, — угрюмо ответил Батури́н, — пробовал сегодня натянуть мундир. Не лезет, проклятый. Кровь показалась. Вот ты говоришь, что его в строгости держат. А я в его доме живу, как бы он сам жил, если бы не я... Тяжко мне так жить...

— Молчи, — прервал его Толбу́зин, — князь съест меня, коли я выпущу тебя отсюда. Ему тоже не сладко, что продырявил товарища. Век себе не простит, коли что будет. Какой за тобой уход был бы в твоей казарме? Стыдно с товарищем считаться. Подумал бы и о нем.

Батури́н слушал его и невольное чувство говорило ему, что он сам в подобном случае поступил бы, как Можайский.

Больше он не возбуждал разговора об отъезде.

Верный своему слову, Толбу́зин, при помощи Анкудина и доверенных слуг, не выпускал из виду княжну Мару́цци. Но она жила очень замкнуто и, кроме сведений об ее прогулках и посещениях церквей, Толбу́зин не имел других.

Но больше всего приятелей тяготила неизвестность о судьбе князя. Толбу́зина к нему в крепость не допускали, говорили только, что есть приказ — офицеров, виновных в смертоубийствах, представлять самому светлейшему. А когда представят Можайского — не было никому известно. Рапорт в канцелярию светлейшего был послан, а ответа с назначением времени, когда явиться — не было.

Новые приятели сидели за столом и кончали обед.

— Пора, — говорил Батури́н, — завтра же иду к светлейшему. Я здоров.

— Не говори глупостей, — ответил Толбу́зин, — посмотри на себя, да ты ста шагов не сделаешь!

— Увидим, а только больше ждать не могу, — возражал Батури́н.

— Еще к счастью, — сказал Толбу́зин, — не убил он тебя.

— Вот, — ответил Батури́н, — думал я, что мало кто потягается со мной. Бог и наказал гордость мою. Поверишь ли, с загоревшимися глазами воскликнул он, — когда это он защищался, я ненавидел его. Не один удар мой не пришелся, а потом, как это он вдруг выпал да руку вытянул от плеча прямо и ткнул меня, — вся ненависть пропала. Боли я не почувствовал сперва, а подумал, какой дьявол научил его так биться? И, знаешь, продолжал Батури́н, — в бреду только и думал, и думал, как бы узнать да выучиться его приемам. Верь не верь, а так, закончил он.

В Батури́не сказывался дух профессионального бойца.

— Да, — ответил Толбу́зин, — я недурно дерусь, а против него не могу. Выпьем за его здоровье.

Он налил вина.

— Да будет ему удача! — Воскликнул Батури́н, поднимая бокал.

— А вот и я! — Раздался неожиданно голос, и на пороге столовой появился сияющий и веселый князь Можайский.

Батури́н и Толбу́зин вскочили с места.

— Князь!

— Никитушка!

Раздались возгласы.

Князь расцеловался с Толбузиным и протянул руку Батурину.

— Как счастлив я, — с чувством произнес он, — что вижу вас здесь и: что вы видимо поправились. Простили ли вы меня?

Батурин крепко пожал протянутую руку.

— Клянусь, — с волнением произнес он, — я никогда так не мучился, как при мысли об участи, грозящей вам! Не мне прощать вас. Во всем был виноват я, один я. Свидетель — Толбузин, что я решил идти к светлейшему, чтобы просить покарать меня, а не вас. Вы убили во мне врага и приобрели друга. Я низко пал, я погибал, князь, с глубоким волнением продолжал Батурин, — и ваш заслуженный удар был волей Божией. Вы можете презирать меня, но знайте, что нет у вас друга преданнее.

— Презирать? вас? — воскликнул князь, — да я бесконечно счастлив, что не сделался братоубийцей. Позвольте обнять вас.

Они крепко, дружески обнялись.

Через несколько минут они сидели за столом и делились своими впечатлениями. Князь рассказал про необычайный оборот, какой приняло его дело. Он был упоен счастьем, хотя все еще не был уверен в дальнейшей судьбе.

Он не решился рассказать про разговор Потемкина с Герцем, помня наказ Потемкина соблюдать эту тайну, обладателем которой он сделался случайно, но зато с увлечением передавал подробности приема депутации. Он весь загорелся.

— Вот, на что надо отдать свои силы, — говорил он. — Если гвардия не пойдет в поход — я сам буду проситься.

— И я! И я! — С жаром отзывались Толбузин и Батурин.

Можайский не мог, да и не хотел скрыть своего восторга, говоря о княжне Маруцци.

Он рассказал о поручении, данном ему Потемкиным — охранять княжну. Не скрыл и того, что княжна очень внимательно отнеслась к нему и пригласила его завтра навестить ее.

— Князь, — сказал Батурин, — клянусь вам, что я собственноручно убью каждого, кто посмеет чем-нибудь обидеть княжну Маруцци.

— Благодарю, — с улыбкой ответил Можайский, — но я думаю, что в этом не будет надобности. Она находится под -покровительством светлейшего и... моим! с гордостью добавил он.

Батурин встал и, подняв бокал, взволнованно произнес:

— Да здравствует славянское царство! Да сгинут варвары, да воцарится великая императрица на троне византийских императоров! Россия — наследница их. Да здравствует Россия!

Толбузин и Можайский восторженно приняли этот тост.

Можайский под влиянием только что пережитого и этих разговоров чувствовал себя бесконечно счастливым.

Оживленный разговор не прерывался.

Но Батурин видимо был озабочен какой-то мыслью и, наконец, обратившись к князю, сказал, что пора ему оставить его гостеприимный кров и возвратиться домой.

Можайский восстал против этого.

— Нет, нет, — говорил он, — вы не обидите меня. До полного выздоровления вы останетесь у меня. Мой дом достаточно велик. Если пожелаете — вы можете совсем не видеть меня...

Батурин улыбнулся.

— Если я останусь, то только для того, чтобы почаще видеть вас, князь, — сказал он.

Князь крепко пожал ему руку.

XII.

Для князя Можайского наступили блаженные дни.

Княжна Маруцци очень ласково встретила его, когда он явился к ней после ее аудиенции у светлейшего. Он повторил свое посещение и на второй и на третий день, познакомился со всей ее свитой.

Княжна почувствовала к нему сразу доверие и рассказала ему свою печальную историю, обычную среди христиан Балканского полуострова. Все семейство Маруцци жило в Янине. Благодаря своему богатству старый князь умел ладить с янинским пашой, Мустафой, но он был истинный патриот. После победоносной войны России, закончившейся Канарджийским миром и сопровождавшейся восстанием славян и греков, — он всей душой отдался делу освобождения. Не без его помощи была организована в Петербург первая депутация угнетенных христиан, и его двоюродный брат, маркиз Маруцци, предложил свои средства русскому правительству и поднял восстание в Леванте. Но скрытый, хитрый и упорный, он вел дело в глубочайшей тайне и внешне казался самым верным подданным султана. Но когда года два назад шпионы усиленно стали следить за ним, и он подпал под подозрение, он успел перевести свои огромные капиталы в австрийские банки, сам собирался бежать в Австрию или Россию, но судьба судила иначе. Почти накануне отъезда, в городе неожиданно вспыхнула резня. Княжна была права, когда сказала, что это было по воле пошутившего султана. Султан Абдул Гамид как-то сказал шутя своему капитану-паше, жестокому Гассану:

— Христиане плодятся, как кролики... От них плохо пахнет, когда подует ветер с запада. Их что-то уж много...

Через несколько же дней в Янине, Салониках, Одрине и многих других городах вспыхнула резня.

Во время этой резни погибли отец, мать и старший брат княжны Маруцци; младший брат и две старших сестры были угнаны куда-то янычарами, а сама София чудом спаслась при помощи старого домоправителя их, Александра Варваца, переодетая мальчиком. Александр успел

захватить денежные документы и часть драгоценностей. С большими опасностями им посчастливилось пробраться в Вену, где Александр пригласил опытного адвоката и добился, за огромную цену, признания Софии наследницей состояния покойного князя. Почти полгода София была тяжело больна. Опасались за ее жизнь или рассудок, но молодость победила. Первой мыслью ее было отыскать брата и сестер. Она не жалела никаких средств на это, но до сих пор все розыски были бесплодны. Там же, в Вене, она познакомилась со славянами, приехавшими к императору Иосифу за помощью, и уговорила их отправиться вместе лучше к русской императрице, единой и постоянной защитнице славян.

С этих пор, она поклялась посвятить и жизнь, и состояние угнетенному народу.

С глубоким волнением, почти с благоговением, слушал ее князь и давал в душе клятвы никогда не оставлять ее. Только одна мысль угнетала его, — ожидание опалы и ссылки. Но он отгонял эту мысль и жил настоящим.

Ближайшим человеком к княжне оставался Александр, в котором княжна уже давно перестала видеть наемного человека-домоправителя, а считала его близким родным.

Суровый на вид, но добрый и нежный по душе Александр был бесконечно предан своей молодой госпоже.

За нее, он позволил бы изрезать себя в куски. Он ухаживал за нею и оберегал ее, с трогательной, чисто женской заботливостью.

Князь познакомился и с жившими в том же доме княжны, на другой половине, представителями Сербии, Болгарии и Черногории, — Дмитриевым, Поповичем и Негошем. Все они с большой симпатией отнеслись к юному князю.

Не прошло и нескольких дней, как князь стал своим в маленьком особняке на Фонтанке.

Был великолепный осенний день, когда княжна, давно мечтавшая осмотреть Царское Село, выехала из Петербурга с князем и неизменным Александром.

Они осматривали большой дворец, дивились его роскоши, произведениям искусства, собранным в нем, а потом прошли в парк. Старый Александр устал, осматривая дворец, и сел на террасе со смотрителем дворца, а молодые люди отправились одни.

Они шли по аллеям среди одетых «в золото и багрянец» дубов и лип. Княжна с глубоким любопытством осматривала причудливые киоски, разбросанные там и сям среди деревьев. На озере, среди которого высилась роstralная колонна в честь победителя при Чесме — Орлова плавали черные лебеди.

Солнце освещало своими косыми лучами эти киоски, блестело на их золоченых крышах и последней лаской грело умирающую природу.

Можайский с княжной сели на скамейку на берегу озера.

В парке было тихо и пустынно.

Так была прекрасна увядающая природа, полная таинственной, меланхолической прелести, так прекрасна казалась Можайскому сидящая рядом с ним девушка.

— Княжна, — тихо заговорил он, — вы удостоили меня своим доверием. Я счастлив

обязанностями, которые возложил на меня князь Потемкин.

— Да, я тоже рада этому, — прервала его княжна, — хотя я и нахожу излишним заботливость светлейшего о моей безопасности.

— Но, — возразил Можайский, — вы еще не знаете, что я преступник, что мое поручение временно и что я сам не знаю, что будет со мною?

— Вы, преступник? — спросила с удивлением княжна, широко открывая свои прекрасные глаза.

В ее голосе послышалась тревога.

— Да, — опустив голову, ответил Можайский, — я преступник. Я нарушил указ императрицы, я дрался на дуэли и едва не убил своего противника... Это строго карается в нашей стране.

— Что ж? — произнесла Маруцци, сильно побледнев, — кто знает про это? Вы, может быть, защищали честь вашей невесты или матери?

Она с тревогой смотрела на Можайского.

— Это уже всем известно, — ответил он; — я сидел в крепости. Светлейший знает об этом и уже сказал, что я понесу за это кару. Но, закончил Можайский, — это был пьяный угар. Это была ссора в кабаке...

Лицо Софии просветлело.

— О, такие ссоры так обычны! — сказала она.

— Я нарушил указ императрицы, — повторил Можайский... — Но я не боюсь наказания. Самое тяжелое для меня то, что я не буду видеть вас, дрогнувшим голосом закончил он.

Он тихо взял руку княжны. Она не отняла руки.

— Вы не знаете, княжна, как тяжела мне мысль разлуки с вами, — продолжал Можайский. — Я знаю, ради какого благородного дела вы приехали в Россию. Клянусь! с одушевлением воскликнул он, — я бы жизнь отдал за это дело! Я не знаю, что ждет меня, какое наказание? Но я буду просить, как милости, чтобы меня отправили на войну! А война неизбежна. Вы слышали, что говорил Потемкин? А что он говорит — всегда подтвердит императрица.

Рука Маруцци дрожала в его руке.

— Не я, мой благородный друг, — тихо начала она, — стала бы отговаривать вас идти на подвиг освобождения христиан, хотя... Она вдруг вспыхнула и замолчала... — Но, торопливо добавила она, — мои благословения будут с вами!

Князь низко наклонил голову и прижал к губам ее дрожащую руку.

— Если я уеду, вы не забудете меня? — тихо спросил Можайский.

Она взглянула на него сияющими глазами и с улыбкой ответила:

— Никогда! Но довольно, довольно, князь, — сказала она, — больше ни слова...

Она поспешно встала со скамейки.

— А вон и Александр, — добавила она.

По аллее вдоль озера медленно, опираясь на палку, двигался к ним Александр.

Можайский вернулся домой радостный и счастливый. Он сейчас же прошел к Толбузину, который по его просьбе продолжал жить у него, и рассказал ему, как провел день, о своем разговоре с княжной и о своих надеждах...

— Ну что ж, — произнес Толбузин, выслушав его восторженный рассказ, — дело ясное. Честным пирком да свадьбу!

Но веселое настроение князя уже прошло. Он грустно покачал головой.

— Ты забыл, — сказал он, — что я под опалой, что меня могут угнать куда-нибудь... Да и самое главное, согласится ли она? Она так молода. Ты знаешь, ей всего шестнадцать лет. Ну, да ладно, проживем-увидим. А что Батурин? закончил он.

— Завтра хочет сам идти в крепость, дабы арестовали его и представили светлейшему, — ответил Толбузин.

— А ведь он добрый товарищ! — воскликнул князь, — пойдем к нему.

XIII.

Залы Эрмитажа были залиты светом многочисленных люстр. Золотые мундиры придворных, цветные камзолы военных, сверкающие бриллиантами наряды дам — представляли оживленную, живописную картину.

В Эрмитаже был большой прием. Присутствовала высшая знать столицы, — сановники, дипломатический корпус. Такие большие приемы повторялись не часто. Чаше бывали так называемые «средние», а очень часто «малые», уже совершенно интимные, в небольшом кружке ближайших к императрице лиц.

Сегодняшний большой прием был назначен императрицей не без задней мысли.

Она чувствовала, что стоит на пороге великих событий. Как и надо было ожидать, она вполне одобрила заявление Потемкина от ее имени о присоединении Крыма, и знала, что это решение возбудит бурю негодования в Европе! Она уже получила соответственные представления от послов — французского, прусского и английского. Турция также не примет с покорностью этого удара. А за ней стоят Пруссия, Франция, Англия, быть-может, Швеция и Польша. Но в душе Екатерины, как и Потемкина, опасности и препятствия только развивали необычайную силу сопротивления.

Но это было еще не все.

Потемкин готовил другой удар. Он уже вел переговоры с грузинским царем, Ираклием II, о присоединении Грузии к России. Это было вопросом нескольких месяцев.

С гениальным размахом Потемкин создал план опрокинуть империю оттоманов, окружив ее железным кольцом. Поднять на западе восстание греков и славян, на севере, захватив Крым, грозить с берегов Черного моря Стамбулу, на востоке — вооружить Грузию, и на юге —

поддержать мятежные племена против султана Абдул-Гамида.

Этим пышным балом Екатерина хотела подчеркнуть, как мало беспокоят ее угрозы и возможные осложнения.

В этот вечер на лице императрицы виднелось выражение особого величия, решимости и словно вдохновения.

Она сидела в кресле, с легкой улыбкой слушая молодого; изящного, всегда остроумного австрийского посла, графа Кобенцеля.

Тут же стоял со своим сонным видом граф Безбородко и, казалось, ничего не слышал. За креслом императрицы стоял молодой, стройный генерал, в ордене Андрея Первозванного, с усыпанным бриллиантами портретом императрицы на груди. Его темные, большие глаза устало и равнодушно глядели вокруг. Это был любимец государыни, граф Александр Дмитриевич Ланской.

Несколько в стороне Потемкин беседовал с английским послом.

Князь весь сверкал драгоценными камнями, заменявшими пуговицы на его золотом камзоле. Лицо Потемкина было холодно и надменно. Он на целую голову был выше своего собеседника и рассеянno слушал его, изредка опуская на него взгляд.

В толпе молодежи был и граф Армфельд.

Всеобщее внимание привлекала к себе княжна Маруцци, которую Потемкин в этот день представил императрице. Императрица обласкала ее, поблагодарила и пожаловала в фрейлины.

За нею стоял князь Можайский, сопровождавший ее во дворец, по приказанию князя.

София была ослеплена всем виденным.

— Мне, кажется, я сплю, — говорила она князю,

Заметя благоволение императрицы, к Софии то и дело подходили придворные дамы, поздравляли ее, расспрашивали, наперерыв приглашали к себе. Она едва успевала отвечать.

Императрица встала и прошла в большой зал, среди почтительно склонившихся придворных.

Екатерина распорядилась начать танцы и, когда оркестр заиграл полонез, она открыла бал с графом Кобенцелем. Пройдя круг, она удалилась в соседнюю залу, где и села играть в ломбер с Ланским, Кобенцелем, сэром Гаррисом и Безбородко.

Можайский был бы совсем счастлив, если бы его даму так часто не отрывали от разговора. Ему бы хотелось, чтобы она танцевала только с ним, но это было невозможно. Когда начался бесконечный менуэт и ей пришлось танцевать не с ним, он грустно покинул залу и прошел в соседние комнаты.

В одной из комнат он увидел полковника Гарновского.

— А князь! — воскликнул полковник, — вас то мне и надо.

Сердце у князя сжалось от неясного предчувствия.

— В чем дело, полковник? — спросил он, здороваясь с ним.

Гарновский оглянулся вокруг. В комнате никого не было, но все же он заговорил пониженным голосом:

— Светлейший через неделю едет в Крым. Кажется, война неизбежна. А мне приказано выехать через два дня, дабы приготовить путь, и велено взять с собою вас. Вот и все наказание вам, — весело закончил полковник.

Он думал обрадовать князя этим известием. Такое назначение любой офицер считал бы величайшим счастьем. Приблизиться к светлейшему — было мечтой всех молодых, честолюбивых офицеров.

— Ехать? Через два дня? — упавшим голосом спросил князь.

— Что? Не верите? Да, я не шучу... Вам на редкость повезло! — говорил полковник, по своему, понимая волнение князя. — Вместо гарнизона — в адъютанты к самому. Ну, пока будьте здоровы. Сегодня всю ночь придется строчить указы. А вы завтра утром явитесь к светлейшему, добавил он, и, пожав руку ошеломленному князю, торопливо ушел.

«Вот оно — мое наказание, с отчаянием подумал князь. — Уехать теперь, надолго, быть может, навсегда!..»

Сильная тоска сжала его сердце. Еще так недавно он сам обещал княжне проситься на войну, на защиту святого дела, но теперь испытывал только ужас при мысли о разлуке. Он долго, как потерянный, ходил по залам, стараясь овладеть собою.

Наконец он несколько пришел в себя.

— Война, быть-может, не затянется, — успокаивал он себя. — А может ее и вовсе не будет. Нас то, теперь все боятся. Будь, что будет. Только пора ей все сказать.

Танцы кончились. Гостей пригласили ужинать.

Императрица ужинала за отдельным столом в кругу ближайших лиц.

Князь был так мрачен, что княжна обратила на это внимание.

— Что с вами, князь? — спросила она.

— Потом, потом, — ответил Можайский.

После ужина протанцевали последний полонез.

Императрица проговорила еще несколько минут с окружающими и, отдав общий поклон, удалилась через галерею, соединяющую Зимний дворец с Эрмитажем.

XIV.

После ухода императрицы начался разъезд.

Большая площадь Зимнего дворца была запружена всевозможными экипажами: каретами, колясками, линейками.

На многих экипажах горели фонари. Фонари были также в руках форрейторов и вершников. На крыльце стояли лакеи и громко выкрикивали экипажи сановников и послов.

Князь проводил Маруцци до кареты, где ее ждал уже Александр.

Он вернулся домой разбитый. Толбузин только что вернулся с дежурства и сидел за ужином.

Князь залпом выпил стакан вина и поведал другу о своем горе.

— Ничего не поделаешь. Одно осталось, в раздумье сказал Толбузин, — посвататься теперь, а коли в скорости войны не будет, отпросись в отпуск, да и женись. Там осмотришься, может, и жене можно жить там будет.

Эти слова несколько ободрили князя.

— И в самом деле, произнес он, — месяца через три, коли войны не будет, я отпрошусь. А, может, и за курьера приеду.

— Все возможно, сказал Толбузин, — а теперь выпьем за твою невесту.

— Вася! воскликнул князь, обнимая его, — как был бы я счастлив. Надо позвать Батурина, закончил он.

— Ау, брат, отозвался Толбузин, — как пошел утром в крепость, так и не возвращался.

— Как бы не засиделся там! озабоченно произнес князь; — светлейшему теперь не до него. Надо будет поговорить с Гарновским.

На другой день рано утром князь был уже в Аничковском дворце.

Попов и Гарновский не спали всю ночь, изготавливая разные указы и премерии.

Не спал, кажется, и светлейший, или часто вставал. То и дело он шаркал туфлями.

Гарновский дал князю инструкцию и назначил явиться через день к семи часам утра.

Князь заговорил о Батурине.

— Ишь, какое дело, — произнес задумчиво Попов. — Вы говорите, славный малый?

— Лучше не надо, — ответил князь.

— Конечно, жаль человека, — продолжал Попов, — чуть на тот свет не отправили, да еще наказать хотят, а? обратился он к Гарновскому.

— Чего тут раздумывать по пустякам, — решительно проговорил полковник, — пиши коменданту: по приказу-де светлейшего освободить такого-то, и дело с концом...

Попов почесал за ухом.

— И будьте уверены в моей вечной благодарности, — произнес князь.

— Ну, да что уж, ладно, — весело проговорил Попов, — не беспокойтесь, князь, все будет сделано.

«Однако, ловко они плетут дела именем светлейшего», думал, уходя князь.

Он спешил теперь к Маруцци.

Она встретила его бледная, встревоженная.

— Что случилось? — начала она, мне всю ночь снились ужасные сны.

— Я уезжаю, княжна, — ответил Можайский.

— Уже? — воскликнула София, — так скоро! Куда?

— Кажется предстоит война, — ответил князь. — Потемкин едет в Крым и берет с собою меня...

— Война! — воскликнула Маруцци, и ее глаза засверкали. — Бог услышал мои молитвы! Война! повторила она, — и победа!

Но вдруг она словно опомнилась. Лицо ее сильно побледнело, и она произнесла упавшим голосом.

— А вы?..

— Я пришел проститься с вами, — начал князь. — Быть-может, мы никогда не увидимся больше!..

— Нет, нет, — воскликнула княжна, порывисто схватив его руки, — нет! Этого не может быть! Не говорите так!

Ее глаза наполнились слезами. Она опустилась на кресло и закрыла лицо руками.

— Но я не могу больше молчать, — воскликнул князь, — я не могу уехать от вас!..

София открыла лицо и, взглянув на стоявшего перед ней князя, воскликнула:

— Я бы пошла за вами, если бы могла!

Она протянула ему руки.

— Так я вернусь, я вернусь за вами... да? можно? — восторженно спрашивал князь, целуя ее руки.

— Я буду ждать вас... Разве не видите вы, что без вас нет и для меня жизни!.. Но, — вставая, произнесла она, — я дала клятву не быть ничьей женой, пока Россия не поднимется сокрушить империю оттоманов. В день объявления войны я готова стать вашей женой!..

Этот счастливейший день в жизни Можайского пролетел, как один миг. Александр и все спутники княжны от души поздравляли жениха и невесту. При мысли о приближающейся войне, все сердца горели надеждой. Никто не сомневался в победе России.

«Поскорей бы война», думал, возвращаясь, домой князь. Он так твердо верил в свое близкое счастье и в то, что война будет кончена одним двумя грозными ударами.

Дома он уже застал Батурина.

Узнав о помолвке, Толбузин и Батурин от души поздравляли князя.

Князь просил и Батурина, с которым успел сразу сдружиться, и Толбузина оберегать его невесту.

Оба торжественно поклялись в этом.

Настал день разлуки!

София нашла в себе силы казаться спокойной. С глубоким чувством надела она на него свой крест...

Александр украдкой утирал слезы.

Князь крепко обнял невесту и всех остальных и выбежал из комнаты...

Но тут силы изменили Софии. Она пошатнулась и бледная, как статуя, упала на руки Александра...

Часть вторая

I.

На скале, возвышающейся над лазурным морем, виднелась группа людей.

Впереди, в сером, простом камзоле, единственным украшением которого был осыпанный брильянтами портрет императрицы, стоял высокий человек; в нескольких шагах за ним толпились другие в блестящих мундирах, представлявших резкий контраст с скромной одеждой стоявшего впереди.

Небо было ясно, море спокойно. Воздух был так тих и прозрачен, что терялось представление о расстоянии. Вдали мелькали белые паруса рыбацких лодок. Стоявший впереди с непокрытой головой человек (он держал треугольную шляпу в руке) задумчивым, напряженным взглядом смотрел в лазурную даль. Этот человек был князь Потемкин.

Его блестящая свита не смела нарушить его раздумья.

Лицо Потемкина было прекрасно своим вдохновенно-сосредоточенным выражением.

Внизу расстилалась бухта, и на ней, тихо колеблясь на якорях, стояли три фрегата. Их белые опущенные на стройных мачтах паруса казались сложенными крыльями. Одно мгновение, и эти крылья широко распахнутся.

Потемкину казалось, что осуществляется сказочная греза историй, что еще усилие, — и то, что было мечтой всего христианского мира со времен крестовых походов — победа креста над кровавой луной — станет действительностью! И весь мир будет обязан этим ему. Эта бухта Ахтиар[4] была точкой опоры для флота, готового броситься на Стамбул.

Присоединение Крыма к России нанесло тяжелый удар Турции и встревожило всю Европу. Напрасно под влиянием Турции протестовали против этого шага Англия, Франция и Пруссия. Императрица отвергла их посредничество и заявила, что Крым стал русской губернией. Она бросила вызов всей Европе, опираясь на народное чувство и руководясь советами Потемкина.

В ответ на протесты держав Потемкин, как и говорил Герцу, всколыхнул громаду русских сил.

Никогда надвигающаяся война с врагами славянства и христианства не ответила в такой степени настроению народа и армии. Все жертвы приносились безропотно.

Славные ветераны побед Румянцева рвались в бой. Все общество, все классы населения ждали и требовали этой войны. Великая идея Потемкина — объединение славян было близко и дорого всей России.

В виду угроз держав и ожидаемой войны, Потемкин принял свои меры.

По его приказанию граф Иван Петрович Салтыков, с 26 полками и артиллерией, должен был занять весь берег Днестра от Немирова; князь Репнин с 16 полками — перейти Днепр и вступить в Полтавскую Украину, занять главную квартиру в Умани и поддерживать связь между армией графа Салтыкова и генерала Текелли, который с такой же армией составит левое крыло от Орла до Миргорода.

Во главе одной из армий предполагалось поставить знаменитого фельдмаршала, победителя при Кагуле, графа Румянцева-Задунайского.

Этот отважный план, грозивший гибелью Оттоманской империи, привел Екатерину в восторг. И оба гениальные мечтатели — она и Потемкин — уже видели сверкающий золотой крест на Айя-Софии.

Тревога в Турции росла. Напрасно ее агенты при всех дворах сыпали золотом... Напрасно Блистательная Порта указывала на грозное положение, занятое Россией, молила о помощи. Никто не смел возвысить голоса.

Напряженное внимание всей Европы было обращено на новый приобретенный Россией край, откуда она грозила могуществу оттоманов, и на Потемкина. — этого смелого и гениального мечтателя, ставшего как будто царем юга.

Образовались словно два двора. Один в Петербурге, другой там, где был князь Потемкин, в Севастополе, Херсоне, где спешно строились верфи и сооружались корабли... Европейские государства считали долгом иметь своих представителей и там и здесь, и если в Петербурге эти представители имели звание послов, то при «дворе» Потемкина они оставались просто иностранцами, прикомандированными к грозной русской армии.

Никогда могущество Потемкина не достигало такой полноты. К его услугам были все силы Российской империи, все ее средства. Золото текло рекой, и как по мановению волшебной палочки, в пустынных степях возникали города, села, деревни с церквями, проводились дороги, на верфях строились корабли. Волна переселенцев хлынула в эти девственные степи, где еще так недавно рыскали шайки татарских наездников.

Пустынный край оживлялся. Князь Можайский был захвачен этой деятельностью. Он видел, что на его глазах осуществляется что-то великое, что Россия стоит на пороге решения векового вопроса, что еще удар, и будет сломлена власть ислама, что угнетенные славяне сбросят свое иго и объединятся в одну великую Восточную державу под покровительством России.

Напряжение с обеих сторон было страшное. Каждый день можно было ожидать взрыва. И Можайский с нетерпением ждал войны.

Ведь княжна Маруцци обещала ему стать его женой, лишь только начнется война.

Эта мысль и эта деятельность позволяли ему легче переносить разлуку с невестой. Притом он имел постоянное общение с нею. Два раза в неделю светлейший отправлял срочных курьеров в Петербург и, конечно, Можайский всякий раз пользовался этим случаем.

Куда бы ни приезжал Потемкин, хоть на день, на два, к его приезду каким-то чудом неутомимый Гарновский успевал устраивать подобие дворца, окруженного душистыми цветниками.

Это стоило бешеных денег, но Потемкин, не проверяя, подписывал все счета, представляемые ему Гарновским и Поповым.

Так и тут, в Севастополе, куда он приехал не на долго, уже возвышался на берегу моря небольшой одноэтажный дворец, положим, не выстроенный вновь, а приспособленный из одного из ханских дворцов.

Князь долго неподвижно смотрел вдаль. Потом медленно повернулся и, окинув рассеянным взглядом свиту, медленно, тяжелой поступью начал спускаться в долину. Свита следовала за ним в почтительном отдалении. Лицо Потемкина погасло, брови нахмурились.

Очевидно, новые и уже мрачные мысли овладели его всегда беспокойной, непостоянной душой.

Во дворец он явился уже совершенно мрачный. С грозно нахмуренными бровями он прошел мимо выстроившегося караула.

У порога его встретил только что прискакавший из Петербурга гонец, весь в пыли, загорелый и обтрепанный.

Сердце князя Никиты радостно забилося, когда он узнал в гонце своего друга, Толбузина. Только присутствие князя помешало друзьям броситься в объятия друг другу.

Потемкин хмуро взглянул на посланца, молча взял из его рук пакет и прямо прошел к себе.

Многочисленные гости и свита долго стояли перед роскошно сервированными столами, тревожно перешептываясь и не зная, остаться или уйти.

Их вывел из затруднения полковник Гарновский. Он хорошо знал привычки князя и уверил присутствовавших что князь будет разгневан, если его гости уйдут без обеда.

Тем временем Толбузин уже радостно беседовал с Можайским.. Он засыпал его вопросами, на которые Толбузин не успевал отвечать.

— Постой, постой, беспокойный ты человек, дай хоть вздохнуть. Ведь тебе письмо от княжны, — сказал он.

— Давай же скорее! — воскликнул князь. И тут же с радостью стал читать письмо. Но по мере того, как он читал, его лицо омрачалось все больше и больше...

Он сложил письмо, сунул его в карман и сказал Толбузину:

— Нам о многом надо поговорить. В письмах всего не скажешь. Ведь полтора года мы не виделись. Сердце изболело. Пойдем к столу. Потом поговорим.

— Да ты не тревожься, — Никита, с улыбкой сказал Толбузин, — все, слава Богу, хорошо.

Но во все время обеда князь был мрачен, а усталый и голодный Толбузин, наоборот, чувствовал себя, как нельзя лучше.

Не стесняемые присутствием светлейшего гости чувствовали себя совершенно свободно: ели, пили, громко шутили и смеялись. Гарновский поощрял их к этому. Он знал, что часто в часы своих больных дум Потемкин любил слышать издали чужое веселье. Это действовало на него успокоительно.

Так и теперь Гарновский ожидал приступа ипохондрии у князя и думал, что шум развлечет его. Он еще не знал содержания письма императрицы, и это его несколько беспокоило.

Едва кончился обед, как Можайский увлек Толбузина в свое помещение, на другом конце двора, куда приказал принести вина.

— Теперь поговорим, начал он, — Ты знаешь, что пишет мне княжна? Толбузин кивнул головой.

— Она собирается есть, сказал он.

— Да! — воскликнул, вскакивая князь, — она сошла с ума. Она собирается ехать на Балканы!

Толбузин молчал. Все это он хорошо знал.

— Она пишет, в волнении продолжал Можайский, — что нашлись следы ее сестер и брата, что кроме того, в виду обострившихся отношений между Россией и Портой, она может быть полезна на родине. Она, безумная, весь дрожа от волнения, продолжал Можайский, — хочет проникнуть в Салоники и на Черную Гору. О, Боже, — бегая по комнате, продолжал князь. — Ехать теперь, когда Архипелаг кишит турецкими фелюгами, когда пираты беспрепятственно опустошают Эгейские и Ионические острова, когда прекратилась почта, даже купеческое движение! Она упряма, я знаю... Но отчего нет меня с нею? Я не пустил бы ее! Нет, я не могу, не могу так... Если князь не отпустит меня, я сбегу, ей-ей сбегу!..

Толбузин сочувственно слушал его и видимо что-то хотел сказать, но стеснялся. Наконец, он осторожно проговорил:

— Княжне с твоего отъезда не весело живется.

Князь насторожился.

— В чем дело? — спросил он останавливаясь.

— Да видишь ли, — осторожно и уклончиво начал Толбузин, — Маруцци красавица, богата, взыскана милостью императрицы, ну, и конечно... того... Охотников находится много...

Можайский побледнел.

— Кто же? — сдавленным голосом спросил он.

— Да есть! — ответил нехотя Толбузин. — Нарышкин-сын и другие...

— Вася! — в волнении произнес Можайский, — не скрывай! Скажи все! Право легче будет...

— Да чего ты всполошился? — возразил Толбузин; — дай Бог всякому такую верную невесту. И скрывать мне нечего. Больше всех охотится за нею граф Армфельд. Сам знаешь, — мы друзья теперь с австрийцами. Ну, конечно, его поддерживает граф Кобенцель, австрийский посол. — И, продолжал Толбузин уже забывая всякую осторожность, — говорят, что он уже сообщил об этом императрице, и будто сам император по просьбе Кобенцеля будет сватом его перед императрицей. Еще бы! Маруцци одна из первых фамилий Греции, богата, как Крез, австриякам это на руку!

— Граф Армфельд? — переспросил Можайский...

— Он!.. Ты знаешь, — продолжал Толбузин, — говорят, что граф Армфельд совершенно разорен... Не хочу передавать всего того, что про него говорят, закончил Толбузин, — только не нравится он мне...

— Я всегда презирал его, — резко сказал Можайский, — а теперь еще ненавижу. Что бы то ни было, я завтра же буду просить у светлейшего отпуска. Не даст — подам, по вольности дворянства, полный абшид. Не отпустит — убегу.

Долго еще беседовали друзья. Настало время ужина. Светлейший не выходил из своих апартаментов. Можайский приказал подать ужин к себе. Наступала ночь, темная благоуханная, южная ночь. Долго сидели друзья, попивая вино и беседуя о прошлом, тревожном настоящем и будущем.

II.

Яркие светлые звезды, каких не увидишь на севере, горели на темном бархатном небе. Тополы и кипарисы стояли неподвижно в тихом воздухе. На море вспыхивали то там, то здесь гребни волн. Доносился тихий грустный, мерный прибой, как однообразная жалоба. На балконе, увитом виноградом, стоял Потемкин.

Он был без камзола, в туфлях на босу ногу, с расстегнутым воротником красной шелковой рубахи.

Целый день он никого не принимал, не ел и не пил. На него нашли его мучительные минуты. Эти минуты обращались в часы, часы в дни и ночи. Тогда он едва прикасался к пище, никого не принимал и или лежал на диване с Библией в руках или, как голодный зверь, бегал по своему кабинету, изредка что-то бормоча. Это не было капризом или дурью, как объясняли его враги. Это была тайна и мука его глубокой и темной души.

Любимые слова его в эти минуты были:

— Суета сует и всяческая суета! Но за этими словами крылись иные мысли: пламенное, ненасытное, неудовлетворенное честолюбие.

Чего, казалось, было желать этому человеку, из бедного незначительного дворянина Смоленской губернии обратившегося почти в императора?

Но это «почти» и было мукой его честолюбивой души.

Он стоял на балконе, вперив мрачный, задумчивый взор на темное море.

И жалка и ничтожна, казалась ему его судьба перед великими возможностями будущего.

Только слава Александра или Цезаря могла бы насытить его душу.

Разве Екатерина не предлагала ему герцогской короны Курляндии? Разве не от него зависело в свое время взять польский королевский венец?

Он с презрением отказался от этого! Быть вассалом? Никогда. Лучше быть первым подданным великой императрицы. Нет. Его грезы неслись выше. Туда, за это негостеприимное, как его звали древние греки, море, туда, в святой город христианства, — там его судьба. Император Византии!

Но Екатерина хочет возвести на греческий престол своего малолетнего внука Константина! Что же? Он будет регентом до его совершеннолетия, он объединит под его скипетром западных славян, он уничтожит Австрию, он перекинет свои победные легионы в Азию и поразит в самое сердце Оттоманскую Империю. И все это так близко и доступно! Не даром он в тишине бессонных ночей обдумывал роковой удар. Вопрос кончен. Двухсот тысячная армия Австрии, двести шестьдесят тысяч своих воинов в его распоряжении!

Турция колеблется и ждет. Императрица тоже ждет. А чего ждать? Надо налететь орлами на хищников Европы. Разве не живы — Суворов, Румянцев?

Чего же ждать?..

Грудь Потемкина высоко вздымалась. «В Херсоне, и здесь, думал он, — строятся верфи, сооружаются корабли. Наш флот нанесет последний удар. А пока можно двинуть полки на Очаков и Измаил и прогнать Турок за море».

Что писала ему императрица? О политическом положении, о недовольстве Швеции, Пруссии, Англии, Франции... О, только быть твердым! Ради Турции ни одна из этих держав не решится напасть на Северного колосса.

С моря поднялся легкий ветерок, и Потемкин с наслаждением подставил свою могучую грудь дыханию моря.

Император Византии!

Над морем взошла луна, таинственная и величественная. Резкие тени легли от кипарисов и тополей. Засеребрилось море.

«Что-то там, на далеком севере? думал Потемкин, — быть-может явился новый человек, и князь Потемкин уже не нужен?.. Императрица — женщина, она легко поддается влияниям, а он, Потемкин, так далек от нее»...

И в эти минуты еще тяжелее было ему сознание, что, несмотря на все свое могущество, — он только второстепенное лицо, что достаточно росчерка пера императрицы, чтобы он был лишен власти, сана, имущества и даже жизни...

Конечно, это никогда не могло случиться, и Потемкин знал, — и в этом была его сила, — что без него померкнет блеск царствования Екатерины. Знала это и императрица и дорожила им и возвела его на последнюю ступень, почти до престола. Но самая мысль о том, что это «могло бы быть» уже тяготила душу Потемкина.

Напряженно, пристально смотрел он на темное море.

Была ли это галлюцинация, но ему показалось, что он видит в лунном сиянии стройные минареты, величественный храм святой Софии и ярко горящий над ним огненный крест с надписью: *ou tw vthx* — сим победити!

— Мое, все мое, прошептал он, протягивая руки к темному морю.

Потемкин не спал в эту ночь. Дежурные адъютанты всю ночь слышали его шаркающие шаги и были наготове явиться на первый его зов. Но светлейший никогда не любил никого беспокоить ночью. Если он хотел пить, — он сам ходил за водой, если хотел есть — оставался голодным, только бы не беспокоить окружающих.

Но едва прошла ночь, и море заалело под первыми лучами солнца, князь приказал призвать к себе Толбузина и Можайского. Это приглашение застало друзей врасплох. Они, только что кончив свою дружескую беседу, легли спать, и призыв князя потревожил их первый сладкий сон. Но возражать не приходилось.

Наскоро умывшись и собравшись, они явились к Потемкину.

В атласных штанах, в туфлях на босу ногу, в своей красной шелковой рубаше Потемкин встретил их хмурым, недовольным взглядом.

— Готовы? угрюмо спросил он.

— Мы всегда готовы, ответил Можайский.

— А ты отдохнул? обратился Потемкин к Толбузину.

— Отдохнул, ваша светлость, ответил Толбузин, сам едва держась на ногах от усталости и выпитого вина...

— Вы оба едете в Петербург, — угрюмо сказал Потемкин, — с письмом к императрице. Денег, сколько вам надо, спросите у Гарновского. Письмо получите через час. Позовите ко мне Попова...

Офицеры поклонились.

— Ты ловок и умен, — добавил Потемкин, обращаясь к Можайскому, — скоро я сам буду в Петербурге, а теперь ты хорошенько осмотри там... Понял?

Можайский молча поклонился. Он хорошо понял светлейшего. Он знал, что Потемкин изредка посылал в Петербург доверенных лиц, чтобы лучше убедиться в положении дел при дворе, где у него было так много недоброжелателей.

— Собирайтесь же к отъезду, — продолжал князь, — вы получите письмо к ее величеству. А тебя, неожиданно закончил он, обращаясь к Толбузину, — поздравляю капитаном. Толбузин был ошеломлен, но не успел он сказать слова, как князь кивнул головой и сказал:

— Теперь идите!

С этими словами он встал, снова слегка кивнул головой и вышел.

Несколько мгновений Толбузин смотрел ему вслед с раскрытым ртом. Потом тихо прошептал Можайскому:

— Никитушка, ущипни меня. Я не сплю?..

— Какой тут сон! — весело ответил князь.

Оба друга были в страшном волнении.

Толбузин не мог свыкнуться с мыслью, что он капитан, а Можайский естественно ни о чем не мог думать, как о свидании с невестой.

Только одно беспокоило Толбузина, — а вдруг Потемкин забудет выдать ему патент. Выдало и это. Что тогда?

Друзья торопливо вернулись домой.

Можайский приказал Анкудину все приготовить к отъезду. Прошло два-три часа и их позвали к Василию Степановичу Попову.

Он вручил Можайскому письмо светлейшего к императрице и выдал деньги. Толбузину было выдано двести золотых. «На новый мундир», как сказал Попов, вручая ему вместе с деньгами патент на чин капитана, — князю сто.

Сборы были закончены, и в сумерки молодые люди уже выехали из Севастополя.

III.

Княжна Маруцци переживала тревожные дни. Действительно, Толбузин был прав. Богатство, красота, благоволение императрицы, знатный род, — все делало ее желанной невестой в Петербургском обществе. Но особенной настойчивостью отличался граф Армфельд. Он сумел возбудить сочувствие своего патрона, графа Кобенцеля, пользовавшегося, как в силу своих личных свойств, так и положения посла союзной державы, милостью двора.

В удобную минуту, на малом собрании в Эрмитаже, он весело и слегка рассказал императрице о безумной любви его секретаря к прекрасной гречанке. Императрица всегда с удовольствием слушала такие истории и была очень довольна, когда ей удавалось устроить счастливый брак.

Тут же ее особенно прельщала мысль соединить два аристократические рода: греческий — князей Маруцци, родственных угасшей династии Палеологов, и графов Армфельдов, принадлежавших к высшей аристократии Австрии. Это сближало Австрию с Грецией.

Она с милостивой улыбкой слушала графа Кобенцеля, считая графа Армфельда богатым и находя его красивым и изящным; она думала, что только внешние условия не позволяют им сблизиться. Поэтому, с этого разговора она всячески старалась облегчить для них, как ей казалось, это желанное для обоих сближение. На собраниях в Эрмитаже она устраивала так, что Армфельд всегда был кавалером Маруцци.

После разговора с Кобенцелем она приказала приглашать Армфельда на большие собрания; очень редко, — на средние, но никогда не приглашала на малые. Граф Армфельд ловко воспользовался своим положением. Он проник всюду, где только бывала Маруцци; везде его видели близ нее. И скоро в обществе распространились слухи, что юная фрейлина уже невеста молодого австрияка, что сама императрица принимает участие в их судьбе. Граф всеми силами искусно поддерживал эти слухи. Княжна чувствовала к нему непонятное отвращение. Но она была слишком неопытна в петербургском обществе, чтобы уметь сразу остановить тонкое и изящное ухаживание графа. Он не сказал ей ни одного слова, к которому можно было бы

придаться.

Он не говорил ей даже намеком о своих чувствах, но при каждой встрече в обществе случалось так, что он всегда был близ нее. Она была с ним суха и холодна, но он делал вид, что не замечает этого. И чем она была холоднее с ним, тем более он был внимателен и любезен. Тогда Маруцци стала избегать показываться в обществе.

Она жила уже одна. Славянские депутаты, исполнив свою миссию, уехали на родину.

Когда граф Армфельд попробовал приехать к ней, она не приняла его. Но это не лишило смелости предприимчивого австрийца.

Маруцци тосковала. Часто она упрекала себя, что связала себя клятвой не выходить замуж до объявления войны. Она чувствовала себя одинокой и несчастной, и все больше томилась разлукой с Можайским. Единственной отрадой ее были письма князя...

А война, которая казалась и была неизбежной, все оттягивалась. Турция не смела сделать первого шага, императрица же колебалась и ждала прямого вызова Порты. До Маруцци доходили толки, что при дворе существует партия прусского короля, противника войны, во главе с цесаревичем. Хотя цесаревич и не имел ни малейшего влияния в делах политики, но у него были тайные приверженцы, пользовавшиеся милостью императрицы, и, главным образом, ненавидевшие светлейшего, являвшегося душою восточного проекта.

Большим утешением для Маруцци были посещения Батурина и Толбузина, о которых и говорил и писал ей князь, как о своих близких друзьях. От них она не скрывала своих тревог и опасений.

Но эта бездеятельная, тоскливая жизнь тяготила ее. Тяготила она и преданного ей Александра. Бесплодно шли дни за днями...

Был поздний вечер. Княжна по обыкновению сидела одна. Одиночество рождает печальные мысли. Ей вспоминалось ее счастливое детство, ласковая семья... Потом безумный ужас резни в Салониках, ее скитанья, приезд в Петербург... Вся ее короткая жизнь, в которой она уже успела так много перестрадать, припомнилась ей. И что сулит ей будущее? Война... быть-может, смерть того, кто теперь составляет все ее счастье!..

Чтобы как-нибудь рассеяться от своих мыслей, София села писать письмо Можайскому. Но едва начала она писать, как услышала какие-то голоса на дворе и скрип отворяемой калитки. Послышался чей-то возглас не то радости, не то удивления. Княжна распахнула окно; была темная летняя ночь. Но княжна все же узнала высокую фигуру Александра. Рядом с ним шел привратник и виднелась фигура мальчика-подростка.

Она прислушалась. До нее доносились звуки родной речи, и сердце ее замерло...

Она бросилась вниз, и в передней столкнулась с входившим мальчиком и Александром. При свете горевших в передней ламп Маруцци увидела перед собой подростка лет 16 — черноволосого, бледного, видимо, истощенного и измученного. Но на бледном лице ярко горели большие черные глаза с смелым и решительным выражением. Он был одет бедно, почти нищенски. Через плечо висела убогая холщевая сумка с хлебом и тыквенная бутылка.

— Кто это? — спросила княжна, с любопытством смотря то на мальчика, то на старика.

Александр пожал плечами.

— Он не говорит, княжна, он хочет сказать все только вам, — ответил старик.

— Так проводи же его наверх, в столовую, Александр, — произнесла княжна, — да вели подать что-нибудь поесть бедному мальчику.

При имени Александра мальчик вздрогнул и кинул на старика быстрый взгляд.

Через несколько минут все трое были уже в столовой. Юноша что-то хотел объяснить, но княжна его прервала, ласково сказав:

— Молчи, молчи, милый мальчик, сперва утоли свой голод.

Юноша не заставил повторять приглашения; с аппетитом волчонка он принялся за еду.

Княжна искоса рассматривала его. Лицо юноши было красиво и благородно.

Он кончил есть, встал, перекрестился, потом низко поклонился княжне и Александру.

— Я могу говорить? — спросил он, бросая быстрый взгляд на Александра.

— О, говори смело, — ответила княжна, — он друг мой. От Александра Варваци не может быть тайн у княжны Маруцци!

— Но ведь его и вас я и должен был найти. Слава Христу!.. — Глаза юноши разгорелись. — Варваци, Варваци! взволновано продолжал он, — но, ведь я тоже Варваци!

Старый Александр пошатнулся и побледнел. Одно мгновение всматривался он жадным взглядом в лицо юноши и вдруг стремительно бросился к нему.

— О, я узнаю родные черты! — весь дрожа, заговорил он, — скажи, ты сын Георгия, да? А он? жив ли он?

— Да, — ответил мальчик, — я Георг, сын Георга Варваци, левантинского купца...

Александр уже горячо обнимал его.

Растроганная и изумленная смотрела княжна на эту сцену.

— Что это значит? — спросила она, когда Александр несколько успокоился.

— Простите, княжна, ответил старик, — это сын моего единственного брата.

— Но я никогда не слышала, что у тебя есть брат, — произнесла княжна.

Александр покачал головой.

— О, я считал его погибшим еще до вашего рождения, — взволнованно ответил он. Но где же вы жили? обратился он к Георгу, — отчего я никогда ничего не слышал о брате?

— Мы больше жили в Сирии, в Египте, в Алеппо, отвечал юноша. — Отец переезжал с места на место.

— А теперь? как ты сюда попал? — торопил его Александр.

— Не торопи его, — с улыбкой произнесла София, — так мы ничего толком не узнаем. Пусть

мальчик успокоится и расскажет все по порядку.

Георг действительно был очень взволнован.

Собравшись с мыслями, он начал свой рассказ.

Матери он не помнил. Она умерла, едва он родился. С тех пор он не расставался с отцом; у отца были большие торговые дела. Его богатые караваны ходили по всей Сирии. Его суда имели сношения с Европой.

Они жили очень богато. Отец часто вспоминал своего старшего брата, Александра, даже через свои суда наводил о нем справки, но ничего не мог узнать, и решил, что он должно быть где-нибудь погиб.

Так шли дела. Но года два тому назад они пошатнулись. Несчастье за несчастьем постигало Варваца. Его суда терпели крушения, его караваны попадали в руки алжирских и сирийских разбойников-арабов, его должники разорялись, не заплатив ему денег. Словом, он был близок к полному разорению. Тогда, собрав крохи своего состояния, он решил вернуться на родину, приобрести где-нибудь клочок земли и мирно дожить жизнь.

Но несчастье и тут сторожило его. Корабль, на котором они ехали, потерпел крушение у европейских берегов Турции. Большая часть экипажа погибла. Отец с сыном едва спаслись.

— Долго, — сказал Георг, — передавать подробно все наши мытарства. Мы были и в Одрине, но принуждены были бежать из боязни резни. Были в Салониках, где отец впервые услышал о тебе, дядя, обратился он к Александру, — там отец узнал о знаменитой фамилии Маруцци и там познакомился с главарями тайного общества, гетерии «свобода». С этих пор отец решил посвятить жизнь делу освобождения родины. Почти все уже готово к страшному восстанию. Вот письма, прибавил Георг, — из них ты узнаешь все, что было дальше; тебе — от отца и княжне — от Салоникской гетерии. Вы все узнаете из этих писем.

— Но как же ты добрался сюда? — в изумлении спросила княжна.

— Я потом расскажу, сперва прочтите письма, — ответил Георг.

С этими словами он взял ножик, распорол свою сумку и вытащил зашитые под заплатой письма, дяде и княжне.

С волнением и словно тяжелым предчувствием София дрожащей рукой распечатала письмо от гетерии.

IV.

По мере того, как княжна читала письмо гетерии, ее лицо разгоралось все больше и больше. Глаза ее сверкали. Кончив читать, она порывисто вскочила с места и, вдохновенно протянув вперед руки, воскликнула:

— Они правы! Дочери Маруцци место там, среди ее народа! Пора! они зовут меня! Я иду, иду к вам, братья...

София была в страшном волнении. Юный Варвац с нескрываемым восторгом глядел на ее прекрасное вдохновенное лицо.

Александр тоже кончил чтение письма, и с непередаваемым чувством нежности, тревоги и восторга глядел на княжну.

— Да, я буду там, — говорила княжна. Разве не было во Франции посланной Богом девушки?.. Разве не спасла она родины?.. Почему же в Греции не может появиться своя Иоанна д'Арк?

— Княжна, — начал Александр, — не я буду отговаривать от великого подвига... Знаменитый род Маруцци, продолжал он, невольно обращаясь к ней на ты, как привык звать ее в ее детстве, — род героев. Но не забудь, — со не настал еще час великой борьбы. Еще молчит Россия. Я говорю тебе, — подожди!

Голос Александра зачал торжественно и важно.

— Кроме того, — медленно продолжал он, выслушай спокойно мои слова.

Он помолчал и нежно продолжал:

— Брат пишет, что в Стамбуле, среди невольников на султанской галере, видели твоего брата.

София вскрикнула и прижала руку к сердцу.

— Успокойся же, — продолжал Александр. — Петр уже юноша, ему скоро шестнадцать лет. Патриоты видят в нем наследника Маруцци. Близок час его свободы. Уже все готово к побегу и, может-быть, сейчас он свободен.

— О Боже! — со стоном вырвалось у Софии. — А сестры? — тихо спросила она.

— Известно только, что одна в Очакове, — ответил Александр — а другую ищут.

— Благодарю тебя, Боже! — воскликнула София, складывая молитвенно руки, — они живы, они живы!

Волнение ее было так сильно, что она принуждена была сесть. Александр налил ей вина.

— Ты видишь, — сказал он, — тебе нечего торопиться.

София молча сидела, опустив голову. Александр рассказал ей, что его брат теперь в Цетинье и что там он встретился с вернувшимся из России Негошем, от которого узнал о судьбе Александра и княжны и решил подать о себе весть. Георг рассказал, с какими опасностями ему удалось пробраться в Россию. Сколько раз он почти чудом спасался из рук турок. Он передал о тех страшных картинах, свидетелем которых он был, пробираясь через славянские земли.

По его словам дорогу ему по ночам освещали пылающие христианские деревни.

— О Господи! — воскликнула София, подымая руки, — до каких пор ты будешь терпеть эти поругания!... Ужели, о Боже, не переполнилась чаша гнева Твоего!..

Уже загоралась заря, а Георг все еще рассказывал о своих приключениях, о гонениях христиан, о нечеловеческих муках, которым подвергают их турки.

Бледная и решительная встала София.

— Иди теперь отдыхай, — ласково обратилась она к Георгу, завтра мы решим, что предпринять нам.

Она ушла в свою комнату, но спать не могла. Она села у раскрытого окна и погрузилась в размышления.

Она снова перечитала письмо, подписанное представителями гетерии. В этом письме патриоты просили ее о поддержке и, между прочим, писали, как велико в народе влияние имени Маруцци и как много пользы делу мог бы принести приезд ее в Цетинье, где она была бы в полной безопасности и только воодушевляла бы своим именем и красотой народ.

Комитет гетерии не писал о своей затаенной мысли, а именно, что если Маруцци приедет к ним, то, конечно, все ее несметные богатства будут целиком отданы на дело освобождения.

София совсем не спала, и когда она сошла вниз, в столовую, ее решение было принято.

— Александр, — обратилась она, увидя его в столовой, — готовься. Мы едем. Сперва в Салоники, потом в Цетинье.

Ее тон был суров и решителен.

— Так вы решились, княжна? — тихо спросил Александр.

Он перешел опять на свой обычный тон подчиненного. Только в минуты особого волнения он обращался с ней, как с родной дочерью, и говорил ей «ты». София предпочитала такое обращение и не раз просила старика перестать говорить ей «княжна» и называть ее просто София, но упрямый старик ни за что не соглашался на это и позволял такое обращение лишь в минуты душевного волнения. И теперь он не решался ей возражать, когда она коротко ответила:

— Да, это решено.

Александр замолчал.

Княжна распорядилась купить для Георга сейчас же костюм и обувь. Александр и сам уже думал об этом и, слегка позавтракав, отправился в гостинный двор за покупками.

Княжна прошла к себе и села писать письмо жениху. Она писала долго и с увлечением. Потом стала на колени перед образком, изображавшим святых Веру, Надежду, Любовь и мать их Софию, — благословенье матери, — и горячо помолилась. Успокоение сошло в ее взволнованную душу.

Помолившись, она почувствовала усталость и легла отдохнуть.

Часа через два она встала окрепшая, свежая, бодрая, исполненная решимости, ясно видя свой путь. Ей казалось, что голос Бога призывает ее на подвиг.

Когда она впервые явилась к светлейшему, она сказала ему, что она только слабая женщина, что если бы она была мужчиной — она пошла бы в ряды бойцов за свободу!.. Но с тех пор прошло много времени. Ея душа возмужала и окрепла. Она чувствовала себя теперь достаточно сильной, чтобы принять участие в святой борьбе, и если ее рука слаба, чтобы держать тяжелый меч, зато ее сердце твердо. Она сумеет вдохновить на битву детей своей родины, а если надо будет умереть за великое дело — княжна Маруцци докажет, что в ней течет кровь героев.

Когда она сошла вниз, ее встретил сияющий Александр и с гордостью подвел к ней за руку

своего племянника.

— Георг, да тебя не узнать! — весело воскликнула София.

Действительно, в этом стройном, грациозном юноше, с расчесанными черными кудрями, в голубом доломане с откидными рукавами, перехваченным красным шарфом, за которым торчал ятаган, в желтых сафьяновых Сапогах, трудно было узнать вчерашнего оборванца.

Георг стоял, застенчиво опустив голову.

— О, как он похож на брата! — воскликнул Александр, — ведь правда, княжна, он молодец?

— Он уже показал себя героем, — ответила княжна, протягивая юноше руку.

Георг весь вспыхнул и поцеловал протянутую Руку.

— Георг, — продолжала Маруцци, — ты поедешь со мной теперь на родину. Туда, за веру и свободу!

— О, княжна, — с загоревшимися глазами воскликнул Георг, — я только и живу мыслью о свободе!

— Мы победим, Георг! — уверенно сказала София, — мы победим!

— А меня разве не возьмете с собой? — растроганным голосом произнес Александр. — Хотя я и стар, но я, как и молодой, сумею умереть за родину.

Вместо ответа княжна крепко обняла его.

— Мой верный друг, — сказала она со слезами на глазах, — мы связаны с тобою на жизнь и смерть...

В это время в комнату вошел Толбузин. На правах друга он всегда входил без доклада. Поцеловав руку княжне и дружески пожав руку Александру, он с удивлением взглянул на незнакомого красивого юношу.

Княжна заметила его удивленный взгляд и смеясь произнесла:

— Это наш герой, племянник Александра, он пришел к нам с нашей печальной родины.

Толбузин с чувством пожал руку юноше.

— Пойдемте обедать, — сказала княжна, — и за столом я расскажу вам чудесные новости.

— У меня тоже есть для вас интересные вести, — ответил Толбузин.

За обедом княжна в коротких словах передала ему, с какими вестями пришел Георг.

Толбузин с величайшим вниманием выслушал рассказ княжны. Он обратился с некоторыми вопросами к Георгу, и княжна была переводчицей, так как Георг не знал никакого языка, кроме своего родного. Но, передавая Толбузину о содержании писем, полученных ею и Александром, она пока не посвятила его в свои планы.

Она не хотела затеять такой серьезный разговор за обедом.

В свою очередь Толбузин сообщил, что на него возложено поручение отвезти в Крым светлейшему собственноручное письмо императрицы.

Маруцци оживилась.

— Вы передадите князю мое письмо, — сказала она.

— Я скоро вернусь и привезу вам ответ, — произнес Толбузин.

Лицо княжны затуманилось, но она ничего не сказала.

После обеда все перешли в соседнюю комнату, гостиную.

Княжна распорядилась подать туда кофе и вино.

Александр и Толбузин занялись вином, а княжна кофе.

— Теперь, — начала она, обращаясь к Толбузину, я скажу вам, Василий Васильевич, самое главное.

За время, проведенное в России княжна, как и Александр, почти вполне овладели русским языком. Она уже свободно объяснялась на нем, только остался акцент и некоторая неправильность выражений. Она теперь старалась по возможности больше говорить по-русски, хотя часто, не находя нужных выражений, прибегала к французскому языку.

Сейчас она говорила по-русски.

В ее тоне послышалось что-то значительное и Толбузин насторожился.

— В чем дело княжна? — спросил он.

Княжна помолчала несколько мгновений и потом, подняв на него свои ясные глаза, решительно произнесла:

— Я еду на Балканы, в Салоники и потом в Цетинье...

Толбузин чуть не выронил из рук бокала.

— Княжна! — воскликнул он.

— Нет, нет, — страстно продолжала она, — не отговаривайте меня. Сам Бог призывает меня! Голос крови громко говорит во мне. Мое решение неизменно. Я все написала князю — вы увидите — он согласится со мной. Мы будем служить с ним одному делу, и для нас наступит миг торжества!

— Но как же вы поедете одна? — воскликнул Толбузин.

— Я не одна, ответила княжна. — Со мной едут Александр и этот юный герой.

И она с увлечением продолжала говорить о необходимости поездки. Она ускорит спасение брата, она поможет своими средствами, она выкупит сестер, она поддержит восстание.

— Быть может, — закончила она, — когда на Балканах вспыхнет кровавое восстание, и потекут реки христианской крови, Россия скорее нанесет последний удар нашим палачам...

Никакие возражения Толбузина не помогли. Было очевидно, что она охвачена своей мыслью, что ничто, даже пытка и смерть, не могли бы отклонить ее от принятого решения.

— Разлука! — отвечала она, — но я и теперь живу в разлуке с женихом. Не все ли равно, где я. Да оттуда, ведь, ближе до Крыма, чем отсюда. Но когда встанет Россия, я приеду к нему, где бы он ни был.

— Княжна, — сказал Толбузин, — вы принимаете слишком важное решение. Можайский никогда не простит своим друзьям, что они допустили вас до этого шага без его ведома. Помните, он поручил вас нам, и вы доверились нам. Если ваше решение непреклонно, я не буду спорить, но я прошу вас ничего не предпринимать, не получив от князя ответа... Ведь это будет так скоро. Вы обещаетесь? Да?

Княжна задумалась.

— Мне будет тяжелее уезжать, после его письма, — сказала она наконец. — Не лучше ли не ждать ответа?

— Княжна, я умоляю вас, взволнованно произнес Толбузин. — Я никаких подробностей не буду ему говорить, я не буду влиять на него. Я отдам ему ваше письмо, и пусть его любовь и совесть решат.

— Хорошо, — ответила княжна, протягивая Толбузину руку, — вы верный друг. Хорошо, я буду ждать его письма, но все же мое решение неизменно.

Толбузин поцеловал ей руку и поднялся.

— Завтра рано утром я уезжаю.

— Я сейчас дам вам письмо к князю, — сказала княжна и вышла из комнаты.

Толбузин взглянул на Александра.

— А вы что думаете?

Александр взглянул на него спокойными глазами и ответил:

— Если бы моя дочь хотела так поступить, я бы благословил ее.

Княжна вернулась с письмом.

— Поезжайте с Богом и возвращайтесь скорее, — сказала она. — Дни вашего отсутствия будут для меня вечностью,

V.

Всю дорогу Можайский не давал покою Толбузину, с жадным любопытством расспрашивая о мельчайших подробностях жизни Софии, о всем том, что произошло в последние дни и что было неясно в письме княжны.

Его особенно мучило желание княжны непременно ехать на Балканы. Толбузин успокаивал его, говоря, что конечно Маруцци, увидев его, откажется от своего намерения. На это тоже надеялся и князь.

Курьеры Потемкина всегда ехали почти без остановок, но на этот раз друзья превзошли даже возможную в то время скорость. Они не останавливались даже для обеда. Лошади везде были наготове, и только на их перемену тратилось время. Можайский, кроме того, не жалел денег, и ямщики чуть не загоняли лошадей.

Друзья приехали в Петербург ночью.

Несмотря на утомительный переезд, Можайский долго не мог заснуть. Ехать к Маруцци было нельзя. А завтра утром он должен был сперва явиться к императрице. Он приказал Анкудину чуть свет отправиться в дом княжны, разбудить ее, если будет нужно, и сообщить о приезде.

Был август месяц, и императрица жила в Царском Селе.

Рано утром Можайский с Толбузиным выехали в резиденцию императрицы. Несмотря на обычную сдержанность, князь сильно волновался. Его волновала мысль увидеть сейчас императрицу, говорить с нею. Во время своего пребывания в Крыму он уже отвык от придворных нравов и дворцового этикета. Кроме того, предстояло, наверное, много говорить и надо было быть готовым ответить на всякий неожиданный вопрос.

Яркое солнце горело на крышах дворца, на куполах церкви. Во дворце уже кипела жизнь; императрица только что совершила обычную утреннюю недолгую прогулку по парку и работала в своем кабинете. На счастье друзей дежурным в этот день во дворце оказался Батурин. Они радостно встретились

— О, от светлейшего! — воскликнул он, — да мне отрубят голову, если я тотчас не доложу о вас. У нас всюду тень светлейшего. Его имя открывает все двери, как в арабской сказке слова: «сезам двери...»

И он поспешно вышел из приемной.

Не прошло и двух минут, как он вернулся.

— Идите, идите, — сказал он, — вас ждут.

С чувством глубокого волнения Можайский, а за ним Толбузин переступили порог светлого кабинета; императрица сидела за маленьким столиком. Потоки света лились в открытое окно. Императрица была в белом молдаване, с тюлевым чепчиком на голове.

Ласково и внимательно она взглянула на молодых офицеров и кивнула головой.

— Толбузин и князь Можайский? — произнесла она.

Молодые люди поклонились.

— Вы от фельдмаршала? — продолжала Екатерина; — вы дорогие гости.

— По повелению вашего величества, — начал Толбузин, — я имел счастье отвезти его светлости высочайший рескрипт. Всподданнейшее донесение его светлости у адъютанта фельдмаршала, князя Можайского.

Можайский сделал шаг вперед и, опустившись на одно колено, наклонив голову, подал императрице объемистый конверт.

Императрица взяла его и милостиво протянула Можайскому руку.

Он благоговейно поцеловал ее.

Потом встал и отошел.

Императрица разорвала конверт и взяла очки. Надевая их, она с улыбкой взглянула на молодых офицеров и произнесла:

— А вы еще не нуждаетесь в этом инструменте? — и добавила: — Вы еще так молоды, а я в долговременной службе отечеству уже притупила свое зрение.

С этими словами она развернула письмо и погрузилась в чтение.

Можайский и Толбузин затаили дыхание и не смели шевельнуться, но с жадным интересом следили за выражением лица государыни.

На выразительном лице Екатерины ясно отражались волнующие ее чувства. Оно удивительно меняла свое выражение. Мгновенно на нем вспыхивал яркий румянец, губы улыбались и что-то шептали. Потом это лицо темнело. Сдвигались брови и между ними прорезывалась глубокая морщина и тогда это лицо старело и казалось суровым, почти гневным.

Она кончила чтение и, казалось, забыв о присутствии людей, встала и нервно начала ходить из угла в угол.

Можайский и Толбузин почти прижались к самой двери.

Так прошло несколько минут.¹ Вдруг императрица остановилась, пристально взглянула на Можайского и отрывисто спросила:

— Что порты Ахтиар, Херсон? как туземцы? что армия?

Можайский заранее приготовился к ответу:

— В бухте Ахтиар стоят сейчас три пятидесятипушечных фрегата, — ответил он, — в портах Херсона день и ночь идут работы. Через два месяца будет спущен в Херсоне самый большой, стопушечный фрегат, названный его светлостью «Слава Екатерины», кроме того, сооружается легкая быстроходная флотилия из тридцати судов, пяти и десятипушечных. Через два года в распоряжении вашего величества будет черноморский флот из двадцати тяжелых фрегатов и тридцати легких судов.

Князь говорил, постепенно одушевляясь.

— А сколько времени пути от Ахтиара до Константинополя? — вдруг прервала его императрица, слушавшая его с загоревшимися глазами.

— Сорок восемь часов, быстро — ответил князь Можайский.

— Сорок восемь часов! — задумчиво произнесла Екатерина и добавила: — продолжайте!

— Туземные жители, — продолжал Можайский, — благоговоят перед именем русской императрицы. Они отдыхают под скипетром вашего величества от недавних угнетений Стамбула... Но в армии ропот... смело закончил Можайский.

Екатерина вдруг побледнела, глаза ее потемнели...

— Ропот? — тихим голосом спросила она, — ропот? Что это значит?

— Армия ропщет, что она еще не в Константинополе, — ответил Можайский, наклоня почтительно голову.

— А, — облегченно вздохнула императрица и ее лицо вспыхнуло, — но мы будем там! Будем! Я без этого не умру!

Она тихо торжествующе рассмеялась.

— Светлейший пишет, — обратилась она к Толбузину, — что он наградил вас чином капитана. Но это от него. А от меня, поздравляю вас подполковником.

Толбузин растерялся.

— Ваше величество!.. — смущенно пролепетал он.

— А вы, кажется, друзья, — продолжала императрица, — вы, князь, много потрудились там. Поздравляю и вас подполковником.

— Эта награда, ваше величество, выше моих заслуг, — дрогнувшим голосом произнес Можайский, — я заслужу ее.

— О, — весело прервала его Екатерина, — вы заслужите и генеральские эполеты... в войне с Турцией. Скажите же, переменила она разговор, — как чувствует себя светлейший? Часто хандрит? Скоро ли собирается к нам в северную Пальмиру? Правда ли, что там у вас настоящий парадиз?

Можайский подробно отвечал на все расспросы.

— Да, задумчиво произнесла императрица, — великий Петр мог бы порадоваться на нас.

В это время в соседней комнате слышались мелкие, торопливые, но твердые шаги.

Екатерина прислушалась. Дверь распахнулась... Но прежде чем дежурный флигель-адъютант успел раскрыть рот для доклада, в комнату быстрыми легкими шагами уже входил, маленького роста, очень худой генерал в обыкновенном генеральском мундире со звездой Александра Невского на груди.

Клок седых волос вился над его широким, перерезанным поперечными морщинами лбом. Худощавое лицо с орлиным носом и большими, необыкновенно яркими глазами казалось отлитым из бронзы.

Это некрасивое лицо поражало выражением железной и жестокой воли. Во всем облике старого генерала, в его легкой походке, в непринужденности движений чувствовалась привычка властвовать, что-то царственное, тот неизъяснимый отпечаток величия, который природа кладет на своих избранников. Можайскому и Толбузину было довольно одного взгляда, чтобы узнать в этом маленьком худом генерале того вождя, которого в русской армии знали все от последнего рядового до самого светлейшего, генерал-поручика Александра Васильевича Суворова — героя польской войны с конфедератами и турецкого похода 73–74 гг.

Славнейшие подвиги Суворова были еще впереди, но уже не было в русской армии имени более любимого. Служить под его знаменами считалось великой честью. Казалось, победа

была прикована к его знаменам. Молодые офицеры вытянулись еще больше. Императрица с улыбкой смотрела на генерала. Не обращая ни на кого внимания, Суворов отыскивал глазами образ и, быстрыми шагами подойдя к нему, перекрестился, стал на колени и отдал три земных поклона. Затем встал, подошел к императрице, опустился на колени и наклонил свой седой кок.

— Не стыдно ли, Александр Васильевич, — улыбаясь произнесла Екатерина, протягивая ему руку и делая движение помочь ему встать.

— Дому твоему подобает святыня Господня, — тихо ответил Суворов, целуя протянутую руку.

Потом легко поднялся с колен и вытянулся по-военному.

— Имею честь явиться к Вашему Величеству, — резким голосом сказал он.

Екатерина тихо покачала головой.

— Полно, Александр Васильевич, — сказала она, — какие между нами церемонии. Вот юноши приехали от Григория Александровича. Светлейший волнуется.

Суворов бросил быстрый, пронизательный взгляд на почтительно стоявших офицеров. Взгляд его больших ясных глаз производил странное впечатление. Он и обижал своей бесцеремонностью и ободрял, и, казалось, читал самые откровенные мысли. Под этим взглядом становилось как-то неловко.

Суворов сделал шаг к офицерам:

— Фамилии? — коротко произнес он.

Вообще надо заметить, что Суворов, несмотря на благоговейное выражение своих чувств перед императрицей, по-видимому, чувствовал себя совершенно свободно и не стеснялся этикетом.

— Толбузин, гвардии подполковник.

— Князь Можайский, гвардии подполковник, — ответили разом друзья. Суворов слегка прищурил глаза и произнес:

— Ты корнет, ты капитан...

— Это только сейчас они стали подполковниками, Александр Васильевич, — с улыбкой сказала государыня.

— А, — отозвался Суворов. — Ты не сын Василия Толбузина, спросил он, обращаясь к молодому подполковнику, — что убит под Сталовичами?

— Сын, — дрогнувшим голосом ответил Толбузин.

— Дай Бог пойти тебе в отца, — сказал Суворов. — Мы бились с ним рядом. Помилуй Бог, честный был воин.

Толбузин опустил голову. Слова Суворова вызвали в его душе тяжелые воспоминания о том времени, когда он пятнадцать лет тому назад еще мальчиком получил известие о смерти своего любимого отца в битве с конфедератами в Польше под Сталовичами.

Суворов, заметя тяжелое впечатление, произведенное его словами, отрывисто добавил:

— Он погиб, как герой. Дай Бог всем нам умереть такой славной смертью... Ты будешь мой, когда...

Он не кончил и обратился к Можайскому.

— Я не знал твоего отца, но слышал о нем. Следуй его примеру. Твое имя — порука твоей доблести.

В обыкновенных словах, произносимых Суворовым, было какое-то особое очарование. Быть-может оно заключалось в самой интонации или в сопровождающем их взгляде больших серых глаз или в его популярности...

Он, казалось, забыл о присутствии императрицы. Она терпеливо ждала.

— О, с такими молодцами можно покорить мир! — закончил Суворов, пристально глядя на вспыхнувшие, красивые и смелые лица молодых офицеров.

Императрица ласково кивнула головой:

— Вы свободны, господа офицеры, — произнесла она, — отдыхайте. В свое время вы получите мои инструкции.

С глубоким почтительным поклоном, пятась спиной к дверям, молодые офицеры вышли.

— А нам с вами разговор длинный, Александр Васильевич, — услышали они уходя голос Екатерины.

VI.

Граф Герц в последнее время чувствовал себя очень беспокойно. Канцлер Безбородко уклонялся от свиданий. Граф Кобенцель несколько раз приглашался в Царское Село. Из своего поместья во Владимирской губернии спешно был вызван генерал Суворов, уже хорошо известный в Европе по своим подвигам в Польше и Турции.

Герц совершенно растерялся и не знал, что предпринять и что доносить своему королю.

А его великий король уже угасал. Годы давали себя чувствовать. Еще его ум сохранил всю свою ясность, но характер становился раздражительнее и нетерпеливее. Он явно уже выказывал неудовольствие Герцу за его бездеятельность при Русском дворе. Герц жаловался на безденежье, король, несмотря на свою скупость, открыл ему широкий кредит у Сутерленда, и только все настойчивее и настойчивее требовал подробных донесений.

Герц ходил по своему кабинету, нервно сжимая руки, с тоской взглядывая иногда на портрет короля.

«Проклятый шпион, думал он, — бросить меня теперь, в такую трудную минуту. Или он дважды предатель. Нет, продолжал он свои размышления, — я не ошибся, или это двойник. Но неужели я прав — ужели это граф Армфельд? Голос... рост... все это может быть обманчиво... сходство»...

Со времени встречи в приемной Потемкина странное подозрение овладело графом. Ему казалось, что он узнал в Армфельде своего таинственного шпиона... Все говорило за это. Объяснялась чрезвычайная осведомленность шпиона в австрийских делах, доставляемые им

документы...

Но все же, секретарь австрийского посольства! Герц брезгливо передернул плечами.

«Я бы удушил своими руками Розенберга, если бы считал его способным на подобную низость», подумал он про своего секретаря. За это время таинственный шпион был у него не больше двух раз. Он сообщил о составе австрийских войск, назначенных в помощь русским в войне с Турцией. О некоторых мобилизационных планах... Получил за это крупные деньги и снова скрылся. Герц не решался при встрече со шпионом высказать свои подозрения. Во-первых, потому, что он боялся лишиться хорошо осведомленного шпиона, а во-вторых, потому что в равной мере боялся ошибки... Его раздумье прервал вошедший Розенберг, который со своим спокойным бесстрастным видом доложил, что пришел «случайный гость» — это был последний псевдоним шпиона. Герц оживился.

— Скорее зовите его, — сказал он.

Розенберг вышел.

Через несколько минут перед Герцем появилась хорошо знакомая ему высокая стройная фигура. На лице была неизбежная маска. Как всегда, шпион сбросил на оттоманку плащ и шляпу.

— Я давно ждал вас, — произнес Герц.

— Не стоило приходить, — небрежно ответил шпион.

— Что вы принесли? — отрывисто спросил Герц.

Этот шпион, как всякий шпион, возбуждал в нем органическое отвращение, которое достигало размеров ненависти при мысли, что это быть может граф Армфельд, секретарь и близкий к графу Кобенцелю человек. Человек аристократического происхождения, принятый при самом гордом дворе в Европе и так позорно продающий свою родину.

Герц хотел и должен был использовать этого человека, но все же презирал его от глубины души.

— Что я принес? — насмешливо отозвался шпион, — я вам сейчас скажу...

«Он, положительно он, подумал Герц, — не может быть двух так схожих голосов...»

— Прежде, чем я отдам вам документы, — сказал шпион, — мы установим их ценность. Мне надо две тысячи золотых, и, заметя негодующий жест Герца, он добавил, — ведь для того, чтобы соперничать с Гаррисом и новым послом Франции, графом Сегюром, вам даны аккредитивы у Сутерленда. Эти люди очень щедрые, но к вам я побежал по знакомой дорожке.

— Вы очень хорошо осведомлены, шпион, — пренебрежительно ответил Герц, — вы можете идти, куда вам будет угодно, но согласиться на ваше требование такой огромной суммы, не зная, что вы принесли, я не могу. Вы свободны, г. шпион.

— Напрасно вы стараетесь оскорбить меня, г. министр прусского короля, ответил дрогнувшим голо сом незнакомец, — я покончил счеты со своей честью. Мне нужны только деньги. Чтобы не тратить лишних слов, я скажу вам, что принес копию письма Потемкина к императрице, письма чрезвычайной важности, и приписки к этому письму, отправленному императрицей к

графу Кобенцелю. Вам, может-быть, известно, что вчера у императрицы были офицеры от князя Потемкина и был приглашен Суворов. Теперь решайте. Мне нужны деньги, резко закончил свои слова шпион, — я продал душу дьяволу и хочу получить свою цену.

Незнакомец говорил отрывистым, резким тоном.

Герц в волнении ходил по комнате.

«Две тысячи золотых! — думал он, — это чудовищная сумма. Но разве Гаррис не заплатил на днях одному сановнику пяти тысяч фунтов стерлингов? Разве граф Сегюр не дал пятидесяти тысяч франков, как говорили, одному из секретарей канцлера? Король нервен, раздражен... Кредит у Сутерленда велик. Этот шпион всегда стоил своих денег... Ведь не нищая же Пруссия! Надо поддержать, наконец, ее достоинство, если король желает видеть ее в числе первоклассных держав». Эти мысли быстро промелькнули в голове Герца, и остановясь перед шпионом, он резко проговорил тоном человека, сознающего силу денег и низость продающегося шпиона:

— Я согласен, давайте документы. Вы много спросили, но надеюсь, что как и раньше, ваши сведения заслужат свою цену.

— Надеюсь, — насмешливо отозвался шпион, вынимая из кармана бумаги.

Герц сел к столу и написал чек на предъявителя.

— Вот, — произнес он, протягивая чек шпиону.

— Получите, граф, — ответил шпион, беря одной рукой чек, а другой кладя на стол документ.
— Вы увидите, что это стоит денег.

С этими словами он взял свой плащ, надвинул на глаза шляпу и, слегка поклонившись, вышел.

Граф Герц подождал несколько мгновений, и с невольным трепетом развернул бумагу.

По мере того, как он читал, он становился все бледнее. На его лице отразился почти ужас.

Со свойственной ему страстью и увлекательным красноречием Потемкин писал императрице о назревшем политическом решении. В фанатическом увлечении греческим проектом он создал гениальный план — одним ударом разгромить Турцию и приобрести гегемонию в Европе. Он уже даже отдал соответственные распоряжения, не дожидаясь согласия императрицы. Он привык действовать самостоятельно. Огромные силы были стянуты им к границам Пруссии «этого вечного врага славянства», как писал он. Он советовал восстановить Польшу в ее границах до 1772 года, сделать ее вассальным государством и при помощи Австрии и Польши уничтожить Пруссию. «Король умирает, писал он, — русские и польские войска вторгнутся в Пруссию с запада. Австрийцы двинут армию со своей стороны, и зажата в железных тисках, Пруссия будет раздавлена...»

И все это было правдой. Герц отлично понимал, что Прусское королевство, еще не окрепшее после стольких бурь, при своем умирающем великом короле, не вынесет этого удара.. Разве русские не были уже в Берлине? Дело всей жизни великого Фридриха было в опасности. Молодое королевство легко могло обратиться в ничтожное курфюршество. Энтузиазм поляков, личные отношения императрицы с польским королем и с австрийским императором ручались за успех.

Восстановленная в своих границах Польша забудет свои обиды и пойдет под русскими знаменами. «Нет у славянства врага, злее немца, заканчивал свое письмо Потемкин, — решите теперь же, ваше величество этот роковой вопрос истории, и потомство благословит вас... Не знаю, добавлял он, — кто страшнее славянам — турки или немцы?..»

К этому письму была приписка Екатерины графу Кобенцелю на французском языке такого содержания:

«Его светлость не совсем прав. Ваш августейший повелитель и мой друг — император Иосиф, хотя и немец, но друг славян. Что же касается короля Прусского — то конечно он враг и вам и нам. Князь прав и медлить не надо. Бедный Фриц плох. Я не прочь напомнить ему времена моей царственной тетушки; о моих намерениях действовать согласно плану его светлости поставляю вас в известность и пишу об этом императору. Интриги прусского короля в Константинополе нам хорошо известны. Он хочет войны — она будет." Герц уже забыл о двух тысячах золотых.

Пруссия стоит дороже!

Долго сидел он, опустив голову, потрясенный, обдумывая положение.

К кому обратиться, у кого искать поддержки? У великого князя? Да, он, как и его отец, император Петр III, ценит и любит прусского короля, его супруга племянница короля, но великий князь имеет так мало значения в глазах своей матери!

Но все же отчего не попробовать? У великого князя было не мало скрытых доброжелателей при дворе, ненавидевших, как и сам Павел Петрович, князя Потемкина.

Императрице почти шестьдесят лет. Она страдает коликами и очень полнокровна. Ей часто пускают кровь. Предусмотрительные люди заранее готовят себе положение. Все же Павел Петрович — наследник престола.

Эти мысли несколько успокоили Герца и он решил даже повременить день-другой с донесением своему королю, пока не сможет хоть чем-нибудь смягчить тревожные известия.

«Да, думал Герц, — это стоит двух тысяч золотых. Но кто же этот проклятый шпион? граф Армфельд?»

VII.

Можайский был счастлив. Счастлива была и Маруцци. Встреча после долгой разлуки, радость свидания отодвинули на задний план тревоги будущего. Но когда прошла эта первая радость, София энергично заявила о своем желании ехать на родину.

— Нет, нет, — упрямо твердила она на все возражения жениха, — я должна. Меня зовет Бог!

Юный Георг смотрел на нее восторженными глазами, а Александр одобрительно кивал головой.

Напрасно Можайский и Толбузин указывали ей опасности пути, она ничего не хотела слушать.

— Еду, еду, еду, — только и твердила она, — и чего ты боишься? говорила она князю, — мы получим лист от самой императрицы. Никто не осмелится тронуть нас. Ведь мы под ее покровительством.

— Но там дикие люди, — говорил Можайский, целуя ее руки, — там разбойники. Ты поедешь по глухим и диким местам. Зачем я не могу ехать с тобой?

— О князь, — возражал Александр, — я и Георгий будем хранить княжну не хуже вас.

У Георгия загорелись глаза, и он сжимал рукоять ятагана.

— Клянусь, я не позволю обидеть княжну. Она наша надежда...

Так прошло несколько дней; Можайский не получал никакого извещения от двора, но каждую минуту ждал его.

Все дни он проводил со своей невестой и только ночью возвращался к себе на Васильевский остров. По его просьбе с ним жили Толбузин и Батулин.

София рассказала Никите Ивановичу про домогательство графа Армфельда, и Можайский, слушая ее, бледнел от негодованья.

— Пора это покончить, — сказал он, — когда я буду представляться императрице — я скажу ей, что ты моя невеста, и она избавит тебя от этого графа...

Про себя князь решил еще просить у императрицы милости, как-нибудь помешать Софии ехать. Императрица поймет его, сумеет задержать Софию и выяснит ей всю бесполезность ее поездки.

Эта мысль сильно поддерживала его.

Но все же минутами, когда он возвращался домой и оставался один, им нередко овладевала гнетущая тоска. Он от всей души молил Бога, чтобы началась наконец война. Тогда он мог бы сейчас же жениться на Маруцци.

А слухи о войне уже распространились по всему городу. О ней говорили в офицерских собраниях, в ресторациях, в частных домах... Командиры отдельных частей уже получили некоторые инструкции, говорящие о возможности войны. Суворов несколько раз уже был в Царском. Такой оборот дела приписывали письму Потемкина, имевшему, как передавали, особо важное значение.

Одно удивляло Можайского. Почему его до сих пор не зовут к императрице? Помня наказ Потемкина по возможности узнать дворцовые настроения, он усердно расспрашивал о придворных интригах и сплетнях Толбузина и Батурина. Те, часто бывая по обязанностям службы во дворце и постоянно вращаясь в аристократических офицерских кругах, вообще близких ко двору, добросовестно передавали Можайскому все, что видели и слышали.

Письмо Потемкина вызвало целую бурю. Ходили слухи, что составила сильная партия против Потемкина.

Цесаревич несколько раз приезжал из Гатчины, где жил; теперь Безбородко несколько раз ездил в Царское. В городе его осаждали послы Пруссии, Англии и Франции. Граф Герц тщетно добивался аудиенции у императрицы. Раза два он ездил в Павловск. Говорили, что на этот раз, благодаря отсутствию светлейшего, его враги действовали особенно энергично, что во главе противников войны стоял сам канцлер, не считая цесаревича, не пользовавшегося в глазах матери авторитетом. Но мнением Безбородко она очень дорожила. Были пущены в ход и новые тайные влияния.

Любимец Екатерины, молодой Ланской, умер, и при дворе появилась новая звезда, молодой Ермолов. Екатерина обратила внимание на способного энергичного офицера и приблизила его к себе. В письме к Гримму она назвала его «своим другом, очень способным и очень достойным».

Честолюбивый Ермолов примкнул к партии противников светлейшего.

Но Можайскому, как и его друзьям, положение Потемкина казалось несокрушимым, а его слово непреложным.

Наконец, наступил долгожданный день. Князь Можайский был вызван во дворец.

По дороге он заехал к Софии. София была взволнована не менее его. Что скажет императрица? Война или мир? Если императрица решит войну — их свадьба состоится в ближайшем будущем, но если планы Потемкина не встретят в настоящее время сочувствия государыни, — то предстоит опять разлука.

София тогда твердо решила не оставаться больше в России.

С тяжелым чувством приехал князь в царскосельский дворец. На этот раз ему долго пришлось ждать.

У государыни был канцлер.

Но вот, наконец, аудиенция кончилась.

Тяжело ступая мимо князя, прошел Безбородко. По обыкновению на его толстом сонном лице ничего нельзя было прочесть.

Через несколько минут позвали князя. Его поразило озабоченное, словно даже опечаленное лицо императрицы.

Она милостиво, но без улыбки, кивнула князю головой и быстро заговорила.

— Вы получите наш рескрипт его светлости. Положение очень тревожно. Не надо принимать опрометчивых решений. Лучше заняться пока устройством этого пустынного края, уже потребовавшего от России таких тяжких жертв.

Императрица словно забыла, что перед ней стоит простой офицер, и говорила как бы про себя.

— Надо ждать. Все приходит во время к тому, кто умеет ждать.

«Что же это? — думал князь, — государыня говорит, словно недовольна светлейшим».

— Вам надо торопиться, — сухим повелительным тоном продолжала императрица, — чтобы...

Она замолчала.

— Счастливого пути, — закончила она, — вы сегодня же получите рескрипт.

И очевидно, желая смягчить впечатление, она протянула руку князю.

Он склонился на одно колено и поцеловал руку. Когда он вышел от государыни, его голова кружилась. Все его планы разлетелись прахом. Нечего было и думать о чем-нибудь просить

императрицу и говорить о своих личных делах.

— Что же происходит, что это все значит? — императрица видимо недовольна... Ужели враги светлейшего восторжествовали?

Не успел он доехать до Петербурга, как его догнал курьер и вручил ему пакет на имя светлейшего и ордер на получение из казначейства ста золотых.

Императрица приказала торопиться, значит он должен выехать сегодня же.

Он прямо проехал к себе, сделал нужные распоряжения и отправился к княжне, куда скоро приехал Толбузин с Батуриным.

Настроение у всех было подавленное.

Маруцци не плакала, но было видно, что она страдает.

Было решено, что она подождет подробных известий от князя и тогда решит, что ей делать. Про себя князь решил, что если война не будет объявлена, — просить у светлейшего долгосрочный отпуск и вернуться в Петербург.

В тот же вечер княжна и друзья князя проводили его до заставы... и в тот же вечер канцлер Безбородко, принимая в своем роскошном доме на Почтамтской улице графа Герца, лениво говорил:

— Ваш король может умирать спокойно. Мы не грозим Пруссии и войны не будет...

«Положительно мой шпион незаменимый человек», — думал граф Герц.

VIII.

Да, по-видимому, враги светлейшего на этот раз одержали победу.

Хотя Безбородко и не был его врагом, но все же часто являлся противником его стремительных и как говорил канцлер, фантастических планов. Он был противником быстрых решений и действий. Его политика была политикой выжидания. Но один он, конечно, не мог бы повлиять на императрицу. Наследник Павел Петрович с своей стороны говорил, что Крым еще нуждается в устроении, что флот не готов, Новороссия требует огромных денег и что он слышал от верных людей будто вся эта страна — дикая и бесплодная пустыня. А денег нет.

Это знала и сама императрица. Еще так недавно амстердамские банкиры отказали ей в займе. Ближайшие ее придворные, вроде Нарышкина, не смея открыто вмешиваться в политику, не упускали случая вернуть словечко о безумных тратах Потемкина на этот новый край, о плохом состоянии армии. Все пружины были пущены в ход и несмотря на свой светлый ум Екатерина не поняла, что всеми этими людьми руководили не столько любовь к родине, сколько ненависть и зависть к светлейшему. Она уже колебалась. Последнее слово сказал Шагин-гирей, последний Крымский хан. Лишенный власти, высланный в Россию, живший в Калуге, он питал глубочайшую ненависть к Потемкину, несмотря на то, что только благодаря Потемкину ему была назначена чудовищная пенсия по 200.000 руб. в год. Он написал императрице длинное послание, в котором жаловался на поборы, которыми Потемкин разорял его бывших подданных и говорил, что в случае объявления войны Турции, Россия будет иметь в тылу враждебное татарское население, что Крым сейчас же отторгнется от России. Потемкин был далеко. Он не мог опровергнуть всех этих толков. Один только Суворов всеми силами

поддерживал Потемкина, хотя и не любил его.

Но ведь Суворов был известный чудака! Он храбрый воин и искусный вождь, но разве можно считаться с мнением человека, который говорил: дайте мне 50000 войска и полную свободу действий, и я уничтожу Турцию! Так внушали Екатерине... И под влиянием всех этих усилий врагов светлейшего, она решила — подождать, и в ее сердце закралось недоверие к деятельности Потемкина в этих «диких» странах.

«Увлекается своими мечтами, мой милый князь, думала она, — надо поддержать его».

И она написала ему письмо, отправленное с Можайским, в котором советовала ему повременить, сократить расходы и заняться исключительно мирным устройством края.

Но таково было влияние этого удивительного человека на императрицу, что даже в письме ее проявлялась некоторая робость, и оно сопровождалось оговорками вроде того, — что тебе, Григорий Александрович, там виднее, а все же мы полагали бы и проч. Кроме того, письмо было переполнено советами беречь себя и кончалось фразой: «все придет в свое время и все будет хорошо — был бы только здоров мой князюшка»...

Но, отправляя это письмо, императрица не была вполне спокойна. Почти пятнадцать лет Потемкин был ближайшим исполнителем ее планов, часто вдохновителем и создателем ее величия. Они до такой степени отвечали друг другу, что Екатерина не могла решить, где кончается она и начинается он; часто одни и те же мысли приходили им одновременно в голову. Часто она загоралась его мыслями и в свою очередь он являлся исполнителем ее идей...

А враги светлейшего при дворе праздновали свою победу, хотя и не без тайной тревоги. Они видели, что императрица мрачна и задумчива.

День шел за днем, а от светлейшего не было никакого известия. Что это могло значить?

Императрица нервничала. Канцлер чувствовал себя неловко.

Императрица несколько раз говорила ему:

— Я склонилась на ваше мнение... но права ли я? Я еще не имею вестей от Григория Александровича.

Маруцци тоже была в большом волнении, ожидая известий от князя. Под влиянием пылких речей юного Георга и Александра, тоже охваченного патриотическим порывом, она горела нетерпением ехать на родину. Она уже твердо решила даже в случае объявления войны и, значит, замужества — все же ехать после свадьбы. По ночам ей все снились сестры и брат. Она видела их плачущими, они простирали к ней руки и умоляли спасти их... Эти сны стали ее кошмаром.

Но не прошло и двух недель, как в столице с быстротой молнии распространилась весть, что светлейший едет сюда. И это была правда.

Получив письмо императрицы, Потемкин несколько дней не выходил из своего кабинета. Потом призвал Попова, поручил ему ведение за себя местных текущих дел и приказал готовиться к отъезду.

В тот же час полетели вперед адъютанты с приказами готовить свежие подставы и выбирать места остановок и ночлега.

И на утро Потемкин выехал. Он ехал с царственной роскошью, даже большей, чем обычно. В его свите были четыре генерала, восемь старших офицеров и масса младших адъютантов, секретарей, заведующих поездом, несколько поваров русских и французов, австрийские и французские офицеры, прикомандированные к армии. Коляски, кареты, фургоны с челядью и провизией, конные длинной пестрой лентой тянулись по дороге.

В селах и деревнях светлейшего встречали хлебом-солью и колокольным звоном. В городах устраивали триумфальные арки, и духовенство и местные власти выходили далеко навстречу блестящему поезду.

Редко окружающие видели князя в таком хорошем настроении. Он был необыкновенно ласков и доступен. словно нарочно желая показать свое могущество, он сыпал милости направо и налево. Награждал местные власти чинами и орденами и землями, прощал колодников, избавлял от плетей приговоренных арестантов... Можно было подумать, что это путешествует неограниченный самодержец...

В Царском Селе, куда были отправлены срочные эстафеты от местных властей, известие о близком приезде князя произвело страшный переполох. Враги Потемкина напрягали все силы, чтобы восстановить против него императрицу. Ей указывали на его ненасытное властолюбие, на его поведение, как он, словно самодержец, прощает преступников и награждает, кого хочет и чем хочет. Решительный Ермолов советовал поступить с ним так, как в свое время государыня поступила с князем Орловым, когда он летел в Петербург из Фокшан, куда был послан для заключения мира с Турцией. Тогда императрица просто запретила ему въезд в столицу.

Императрица холодно выслушивала эти советы и, когда однажды ей особенно докучали она выразилась:

— Потемкин незаменим для России и для меня...

Эти слова недоброжелатели объяснили так, что императрица, во имя заслуг Потемкина, не хочет слишком резко выразить ему свое неудовольствие.

Что все эти наговоры и интриги имели влияние на императрицу, — в этом никто не сомневался. Да это и было на самом деле. Екатерина слишком ревниво относилась к своей власти, а ей все нашептывали, что собственно Россией управляет не она, а светлейший. И чувство горечи накапливалось в ее сердце.

Засуетились и иностранные представители. Герц забегал к Безбородко, граф Сегюр зачастил во дворец, английский посол имел продолжительный тайный разговор с графом Кобенцелем...

Императрица никого не принимала.

Наконец, настал так тревожно ожидаемый день.

Императрице донесли, что рано утром светлейший прибыл в Петербург и остановился в своем Таврическом дворце.

Этот дворец сперва представлял небольшой дом, приобретенный Потемкиным, но после присоединения Крыма, императрица приказала архитектору Старову воздвигнуть на его месте роскошный дворец, в виде Пантеона, назвала его Таврическим и подарила князю.

Выслушав донесение, она только воскликнула:

— Ах, Боже мой, почему же не в Зимнем!...

Императрица почувствовала, что князь обижен. В Зимнем дворце уже почти пятнадцать лет всегда были наготове покои светлейшего.

Свершилось то, чего боялись враги Потемкина. Одно его прибытие уже возвращало ему его обычное влияние. Но все же императрица, по-видимому, не изменила своего взгляда на деятельность Потемкина, и партия Безбородко и Ермолова еще не считала себя побежденной.

Прошел день, а светлейший не торопился в Царское Село.

На этот раз императрица почувствовала уже себя обиженной. Придворные растерялись. Обыкновенно во время приездов светлейшего они толпами осаждали его приемные, а теперь не знали, как поступить...

С Потемкиным приехал, и Можайский и конечно первым долгом полетел к Маруцци...

Он застал ее в слезах, расстроенную.

— Погоди, — говорил он, — князь победит. Я попрошу его, он прикажет Булгакову (русскому послу в Константинополе) отыскать твоего брата и сестер...

— Нет, я поеду сама... Меня зовет родина, меня зовут они, плача и ломая руки, говорила София.

Князь уехал от нее в отчаянии. Что бы он ни говорил, а в душе боялся за положение светлейшего.

IX.

Рано утром Потемкин призвал дежурного адъютанта.

Можайский вошел. Князь уже был в полной парадной форме, со звездами Андрея Первозванного, Александра Невского и Владимира, и портретом Императрицы на груди. Бриллиантовые пуговицы сверкали на его зашитом золотом камзоле. Эфес его шпаги с алмазным темляком был усыпан брильянтами. Его величественная фигура, гордо поднятая голова, обычная надменная полуулыбка нисколько не выражали ни тревог, ни опасений.

— Кто там? — спросил он, указывая глазами на дверь.

Князь Можайский смутился. Приемные были пусты. Но сейчас же оправился и спокойно ответил:

— Никого, Ваша светлость, кроме вашей свиты.

Потемкин поднял брови, и презрительная улыбка скользнула по его полным губам.

— Распорядись, — сказал он, — мы сейчас едем в Царское Село.

Можайский вышел.

А князь, оставшись один, угрюмо зашагал по комнате, кусая ногти. Лицо его принимало то странное выражение, когда он словно отрекался от мира, недовольный и словно презирующий.

Он подошел к столу, на котором стояли цветы в великолепной вазе саксонского фарфора — подарок императрицы, и вдруг с злой улыбкой поднял эту вазу и изо всей силы швырнул ее на пол.

— Как это легко! — уже с грустью проговорил он.

Императрицу едва успели предупредить о приезде Потемкина. В эту минуту она занималась с канцлером и Ермоловым.

Они заметно взволновались. Ермолов побледнел и, наклонившись к ней, что-то прошептал. Она только досадливо отмахнулась рукой. Безбородко встал.

В эту минуту распахнулась дверь и на пороге показалась высокая фигура светлейшего. Ему уже давно было даровано право входить к императрице без доклада и, пользуясь этим правом, он вошел с такой непринужденностью, как будто был здесь только накануне.

Едва взглянув на Безбородко и Ермолова, он в два шага подошел к императрице и, низко склонясь, прильнул к ее руке.

— Вы можете идти, — повелительно сказал он, обращаясь к канцлеру и Ермолову.

Канцлер и Ермолов растерянно смотрели на императрицу.

— Оставьте нас, — тихо сказала Екатерина

Те удалились с глубокими поклонами; Ермолов бросил на князя злобный взгляд, а Безбородко почтительно поклонился ему...

Можайский, сопровождавший Потемкина, оставался в соседней комнате, держа в руках шляпу светлейшего, до такой степени тяжелую от покрывавших ее брильянтов, что носить ее на голове не было возможности, и светлейший всегда передавал ее адъютанту.

Можайский видел, как мимо него прошли канцлер и Ермолов. Первый с лукавой улыбкой на губах, второй бледный и взбешенный...

Прошло несколько мгновений в молчании... Но вот послышались голоса. Голоса все повышались. Можайский слышал, словно оправдывающийся, голос императрицы и заглушающий его гневный голос Потемкина.

Голос Потемкина звучал все громче. Из-за плотно запертой двери доносились отрывочные слова.

— Это позор!.. бесславие!.. Император австрийский!.. Отступить нельзя!..

Можайскому стало жутко.

А голос Потемкина уже перешел в крик.

— Вы можете уничтожить меня, но слава России и моей государыни мне дороже жизни!..

«Слушать такие слова опасно: кто говорит их и кому их говорят никогда не простят тому, кто их подслушал», мелькнуло в душе Можайского.

Он тихо вышел в соседнюю комнату и закрыл за собою дверь.

Слов уже не было слышно, но звук гневного голоса доносился до него.

Он стоял, как оцепенелый. Сколько времени он ожидал светлейшего, он не мог бы сказать...

Но вот раскрылась дверь и показался Потемкин. Он был очень бледен. На лбу виднелись капли пота. Он как-то особенно тяжело ступал.

Не глядя на Можайского, он прошел дальше. Князь последовал за ним. Увидя в приемной дежурного офицера, светлейший коротко приказал: — «лошадей!»

Офицер стремглав бросился вниз. Через несколько минут Можайский и Потемкин уже неслись в Петербург. Коляску с императорскими гербами (это право было предоставлено светлейшему), запряженную цугом в шесть лошадей, сопровождали два конных адъютанта, впереди скакали офицеры...

В этот день императрица не выходила из своих апартаментов, она никого не приняла и никого не хотела видеть. Приближенные терялись в догадках. Тучи нависли над двором.

Что-то будет?

Едва вернувшись домой, Потемкин призвал к себе Можайского, исполнявшего при нем теперь обязанности секретаря, и велел приготовиться...

Можайский расположился за отдельным столом. Князь долго ходил по комнате и наконец проговорил:

— Теперь пиши.

И он стал диктовать:

«Ея Императорскому Величеству, Государыне Императрице и Самодержице Всероссийской».

«Григорий, сын Александров Потемкин-Таврический, светлейший князь Римской империи, граф Российской империи, генерал-фельдмаршал Российских войск, сенатор, президент Военной Коллегии; Таврической области, Кавказского наместничества, Новороссийский, Азовский, Екатеринославский, Харьковский и Саратовский — генерал-губернатор и наместник; войск поселенных, Днепровской и Моздокской линии командир, главнокомандующий действующею армией и всею легкою конницею, флотами на Азовском, Черном, Каспийском и Средиземном морях и Донским войском, великий гетман казацких Екатеринославских и Черноморских войск, генерал-адъютант...»

Можайский едва поспевал записывать, пораженный необыкновенной памятью светлейшего и еще больше его безграничными полномочиями.

«...Действительный камергер, продолжал диктовать Потемкин, — Преображенского полка подполковник, Ново-Троицкого и своего имени — кирасирских Кавалергардского полка, С.-Петербургского драгунского и Екатеринославского гренадерского шеф, генерал-инспектор всех сухопутных войск, Мастерской Оружейной Палаты верховный начальник, всех народов магометанского закона, под Российскою державою состоящих, опекун, и орденов Российских, св. апостола Андрея, св. Александра Невского и св. Владимира I ст., польского Белого Орла и св. Станислава, Шведского — Серафима, Далекого — Слона и Голштинского — св. Анны кавалер». Потемкин остановился и провел рукой по лбу.

— Кажется ничего не упустил, — сказал он, — да тяжело, слишком много или слишком мало, с горькой улыбкой добавил он. — Горе быть вторым!..

— Пиши же, — закончил он.

«...Всеподданнейше просит Ея Императорское Величество всемилостивейше дать полный абшид от всех вышеуказанных должностей и дозволить, вернув казне все имущество, щедротами Вашего Императорского Величества дарованное мне, обратиться в частную жизнь, зане верный слуга не оправдал Высочайшего доверия.

Вашего Императорского Величества верноподданный...»

Перо чуть не вывалилось из рук Можайского.

«Что же это? — думал он, — значит все погибло! Что же будет без него?..»

— Теперь дай, я подпишу, — как сквозь сон услышал он голос светлейшего.

Машинально он встал и подал князю перо.

— Завтра утром ты свезешь это императрице, — сказал он. — А теперь, приятель, проси, чего хочешь. Сегодня я еще все могу... Денег? Но ты богат. Что же дать тебе, говори?..

Но Можайский так был потрясен, он так любил князя, что мог только ответить:

— Ваша светлость, без вас мне ничего не надо.

— Ну, ну, — ласково произнес князь, — подумай. А теперь иди с Богом. Цидулу оставь здесь. Я еще прочту ее. Возьмешь завтра утром.

В голове Можайского перепутались все мысли... Иногда ему казалось, что все это сон, что он сейчас проснется и, уловив удобную минуту, расскажет этот сон светлейшему....

Он чувствовал потребность остаться наедине с собою.

Х.

Князь Никита был очень молод. Едва он начал что-либо сознавать, он уже слышал о Потемкине. Он слышал о нем разговоры в семье, потом в полку. Имя светлейшего в его представлении было неразрывно связано с именем великой императрицы, которую он привык боготворить с детства и отождествлять со славой и блеском России И дико и странно казалось ему, что теперь не будет в России Потемкина. Не будет! Но куда уйдет он? Он слишком велик и для него нет места!..

И что теперь будет с ним, с князем Можайским, так тесно соединившим свою судьбу с судьбой светлейшего? Он чувствовал себя оторванным от берега...

Не смотря на страстное желанье поделиться новостью и посоветоваться со своими друзьями, он не смел решиться на это. В эти часы он не думал о своем личном счастье. Это было неожиданным поворотом в его судьбе. Он провел бессонную ночь.

Должно быть, не спал и светлейший, так как когда Можайский пришел к нему за «цидулой», Потемкин встретил его уже готовым, выбритый и причесанный, бодрый, веселый и свежий.

— Ну что ж, не надумал? — спросил он, напоминая свое обещание.

— Мне ничего не надо, — ответил упавшим голосом Можайский.

— Ну и спасибо за любовь, — весело произнес Потемкин.

— Теперь скажи, ответа мне не надобно...

Можайский поклонился и, взяв прошение, вышел. Он не был робок, но когда он подъезжал к Царскому Селу, его сердце упало. Словно он вез смертный приговор кому-то близкому и любимому.

Гонец от Потемкина! В былые дни эти слова действительно, как говорит Батурин, были волшебными словами сказки: сезам, двери отворись!

Теперь же гонец светлейшего был встречен довольно небрежно дежурным офицером:

— Императрица занята, — сказали ему, — вам надо подождать.

Во время разговора с офицером, гремя шпорами, прошел с гордо поднятой головой генерал Ермолов.

— Откуда? — коротко спросил он.

— От его светлости с письмом к ее величеству, — ответил Можайский.

— Дай письмо, — коротко приказал Ермолов. Непонятное бешенство овладело Можайским.

— Это письмо мне приказано отдать в собственные руки императрицы, — ответил он, дерзко глядя в суровое лицо Ермолова.

Ермолов приостановился и с удивлением и гневом взглянул на Можайского.

— Императрица не примет тебя, — высокомерно заметил он.

— Тогда я увезу письмо назад, твердо ответил князь Никита.

Это было слишком опасно даже для Ермолова. Он нетерпеливо передернул плечами и прошел дальше.

Ждать Можайскому пришлось не долго. Дежурный кавалергард прибежал за ним:

— Императрица требует.

С замираньем сердца Можайский переступил заветный порог.

Императрица сидела за своим рабочим столом.

Около нее стоял Ермолов.

Можайскому показалось, что государыня осунулась и побледнела.

— От его светлости, — произнес, низко кланяясь, Можайский, подавая письмо.

Ермолов сделал движение, но Екатерина остановила его.

— Дайте, — слабым голосом сказала она. Можайский подал ей письмо.

— Вы можете идти, — сказала императрица.

Ермолов с жадным любопытством смотрел на запечатанный конверт.

Можайский откланялся.

— Оставьте меня одну, — услышал он, уходя, голос императрицы. Скрывая свое раздражение и тревогу, вслед за ним вышел и Ермолов.

Гром с безоблачного неба не поразил бы Екатерину сильнее, чем это прошение о полном абшиде Потемкина.

Не один раз перечитала она это письмо. Ея воображению мгновенно представилась вся колоссальная работа, которую совершил светлейший, начиная с трудных минут Пугачевского бунта. Вся его деятельность, страстная, непрерывная, его мечты, его гениальные планы. Кто может взять на себя это чудовищное наследство павшего титана? Вспомнила она и долгую дружбу, связывающую ее с Потемкиным, единым безраздельно преданным ей человеком, от которого не было у нее тайн даже в ее частной интимной жизни. И было ли затруднение политическое, внутреннее или внешнее, была ли печаль ее сердца или дворцовые неприятности, около нее не было никого, кроме этого необузданного, но бесконечно преданного ей человека, отдавшего ей себя целиком.

Только теперь, лишаясь его, поняла она, что теряла в нем и она и Россия, и во весь рост встал «полудержавный властелин».

Вспомнила она и его желание уйти в монастырь. От этого странного человека всего можно было ожидать. Вспомнила она, как тогда она сама поехала в Александро-Невскую лавру, где он хотел постричься, и сказала ему:

— Архиреев у меня много, а Потемкин один...

Да, он один...

Императрица низко склонилась над столом и крупные слезы закапали на лежавшее перед ней прошение ее верного друга. Она плакала не только от тоски и сознания утраты, она была еще обижена.

Разве не мог он написать ей еще несколько слов, кроме этого сухого и короткого прошения об абшиде... И разве не было для нее обидой его желание возратить в казну все, что она жаловала ему за его заслуги!..

И опять императрица затворилась в своих покоях, не желая никого видеть.

И опять растерялись придворные, не зная, в чем дело.

Исполнив свое дело, Можайский поспешил назад. Потемкин встретил его совершенно равнодушно.

— Передал? — только спросил он.

— Так точно, ваша светлость, в собственные руки...

— А, — отозвался Потемкин, не обнаруживая ни малейшего желания узнать подробности, — ты теперь свободен.

Можайский сейчас же воспользовался данным ему разрешением и полетел к Маруцци. Там он рассказал все, что произошло.

— Вот видишь, — сказала ему София, — все прекрасные планы светлейшего рушились!.. Наша родина потеряла теперь последнюю надежду, и ваши братья славяне обречены на полную гибель... Не удерживай меня. Мне больше нечего делать в России. Ваша императрица погубила свою славу, славу России и будущность великой славянской семьи и единоверных греков! Бог взыщет с нее за это...

Что мог ответить князь Можайский? Он чувствовал тоже.

— София, сказал он, — если в России не будет больше Потемкина, я поеду с тобой, и клянусь, с загоревшимися глазами добавил он, — я отдам всю жизнь, все свое имущество на освобождение братьев славян и твоей прекрасной родины! Я клянусь посвятить этому всю свою жизнь!..

XI.

Прошло несколько дней. Потемкин не выходил из своего дворца. Обширные приемные были пусты по-прежнему. Князь проводил время или за игрой в шахматы или за чтением жития святых отцов. По обязанности к нему являлись с докладами генералы из военной коллегии, из инспекции войск, командиры полков с рапортами, но он не принимал докладов и отсылал их обратно. К себе он не допускал никого, кроме ближайших лиц своей свиты. О прежней роскоши его обедов не было и помину. Стол держался по-прежнему, но лишь для его свиты. Сам он почти ничего не ел, довольствуясь кашей на постном масле да пустыми щами. Но неизменно сохранял хорошее настроение духа без обычных причуд и хандры. Иностранные послы зорко следили за настроением придворных сфер и за возникшим конфликтом.

Проницательнее или осведомленнее других оказался граф Кобенцель. Он посетил Потемкина, с целью убедить его сделать шаг к примирению с двором. По его сведениям, действительно точным, императрица только ждала этого шага Потемкина, чтобы вернуть ему прежнее благоволение.

Но напрасно Кобенцель убеждал Потемкина просить аудиенции у императрицы, указывая на опасность положения, на возможную гибель союза с Австрией и торжество Пруссии.

— Дорогой граф, — ответил светлейший, — я довольно поработал и теперь хочу отдохнуть. Едва ли я могу принести теперь какую либо пользу. Я только и мечтаю о том, чтобы моя августейшая повелительница сняла с меня непосильное бремя. У нее довольно верных слуг.

Граф Кобенцель уехал смущенный и недоумевающий.

Почти тотчас вслед за австрийским послом явился граф Сегюр, а пока о нем докладывали, приехал и Герц.

Но к их обиде светлейший не принял их. Он даже не потрудился объяснить причины. Дежурный офицер коротко объявил им, вернувшись от князя:

— Его светлость никого не принимает.

Они уехали, глубоко возмущенные.

— Этот сатрап окончательно обезумел, — сказал граф Герц.

— За его шансы я не дал бы и сантима, — отозвался Сегюр.

А светлейший призвал к себе тем временем Можайского и зевая сказал ему:

— Ну, братец, вижу, от них не будет мне покоя. Распорядись, завтра мы поедем отдыхать в Нарву.

«Не сошел ли светлейший с ума? думал Можайский, идя распорядиться. — Уезжать в такое время!..»

Но на другой день Потемкин с обычной пышностью выехал в Нарву.

Это было уже полным разрывом со двором. Ермолов торжествовал.

«Перехватила его светлость» — злорадно думал он. И действительно, казалось, что светлейший перехватил. Как, не дожидаться ответа императрицы, не сделав попытки явиться на аудиенцию — все бросить, всем пренебречь и уехать!

Но иначе поняла это Екатерина. Она хорошо знала своего «князюшку». Она знала, что чтобы ни было — Потемкин всегда был искренен с ней, и глубоко в душе она чувствовала, что этому странному и сильному человеку не дороги ни почести, ни богатство. Что всего дороже ему то дело, на которое он вдохновил ее и мысль о котором много лет заставляла биться ее сердце, что дороже всего ему ее доверие, ее душа, до сих пор открытая ему...

И вдруг ей ясно представилась вся ложность ее положения. Не она ли по письму князя, привезенному Можайским, написала графу Кобенцелю, что согласна с планом князя, и обещала известить об этом императора Франца. И вдруг словно туман застлал ее светлый ум; под влиянием интриг окружающих она отказалась от своего мнения, поставила себя в ложное положение. Что скажет теперь австрийский император, которого она так высоко ставила и называла «орлом»?

Но больше всего болело ее сердце при мысли о потере своего гениального друга.

И в одну бессонную ночь, когда весь двор покоился глубоким сном, она написала Потемкину письмо. В этом письме со свойственной ей прямоотой она высказала Потемкину все, что томило ее душу...

И рано утром она позвала дежурного кавалергарда и приказала немедленно отвезти письмо светлейшему. Она выразила желание, чтобы письмо было доставлено возможно скорее, и чтобы это поручение сохранилось в тайне.

Она лично дала из своей шкатулки деньги офицеру и приказала не щадить ни денег ни лошадей. Офицеры обожали императрицу и юный корнет князь, Щербатый, чувствовал себя на седьмом небе.

Не теряя ни минуты, он никому, не говоря ни слова, велел оседлать своего кровного коня, взял одного вестового, и через полчаса уже мчался, как ветер, вслед за светлейшим. Он ехал, останавливаясь только для перемены лошадей.

Он нагнал светлейшего в 30 верстах от Нарвы, сделав 120 верст. Светлейший расположился для обеда в скромном станционном помещении. Можайский первый встретил гонца, прискакавшего на взмыленной лошади.

Узнав, в чем дело, он первым долгом велел подать вина и еды Щербатому, но тот, хотя и едва держался на ногах категорически отказался, заявив, что прежде всего должен исполнить поручение императрицы. Тогда Можайский, не считаясь ни с каким этикетом, прямо ввел его в комнату, где обедал Потемкин, и, остановясь на пороге, громко произнес:

— К вашей светлости курьер от императрицы!

По лицу Потемкина словно пробежала судорога.

Мгновенно в его уме воскресли воспоминания о князе Орлове, когда также неожиданно явился к нему курьер с приказом остановиться и не въезжать в столицу...

Князь Щербатый держал в руках письмо.

— Дай, — коротко сказал Потемкин.

Щербатый подал письмо. Присутствовавшие на обеде лица свиты молча встали и вышли, вышли и Можайский со Щербатым.

Потемкин остался один.

Дрожащими руками разорвал он конверт и прочел письмо императрицы; как всегда, императрица писала по-французски, перемешивая его с русским и вставляя русские фразы именно в тех местах, где ее письмо принимало сердечный интимный характер...

«Стыдно, Григорий Александрович, писала она, между прочим; — если я ошиблась, — тебе следовало бы не стращать меня абшидом, а приехать и поговорить со старым другом. Того требовало мое к тебе особое отношение. Ты был и есть всегда ближайшая персона ко мне.... Нечего дуться, милый мой князюшка, ты один у меня такой есть. Перестаньте же дуться, ваша светлость, а то ей-ей я кушать перестану," с обычным юмором заканчивала императрица.

Лицо Потемкина дрогнуло. Он почувствовал, как слезы наполняют его глаза, и он не сдерживал их...

С благоговеньем поднес он к губам письмо императрицы.

— Она зовет меня, моя матушка, моя царица!..

Он встал, спрятал письмо на груди и, выпрямившись во весь рост, горделивый и сияющий крикнул громким голосом:

— Сюда!

Мгновенно комната наполнилась людьми.

— Кто привез письмо? — спросил он.

Щербатый выступил вперед.

— Я, ваша светлость!

— Тысяча душ в Белоруссии и следующий чин, сказал Потемкин. — С сегодняшнего дня ты мой адъютант.

Щербатый весь вспыхнул от неожиданного счастья.

Он был беден, несмотря на свой знатный род, и с трудом поддерживал дорогую жизнь петербургского гвардейского офицера.

— Ваша светлость!..

Но Потемкин уже не слушал его благодарности.

— Сейчас назад, мы едем в Петербург! — распорядился он. Его свита сразу повеселела.

Всем было ясно, что светлейший и на этот раз победил.

На другой же день рано утром Потемкин уже был в Царском Селе. Он провел наедине с императрицей около трех часов. Никому не было известно, о чем говорила великая государыня со своим верным другом. Но после аудиенции императрица с князем в сопровождении многочисленной, блестящей свиты долго гуляла по парку, при чем императрица была необыкновенно оживлена, а Потемкин все время шутил и смеялся с молодыми фрейлинами. Всем бросалось в глаза холодное отношение императрицы к Ермолову. Потемкин был оставлен обедать, а к вечеру уже во дворце шепотом передавали друг другу необыкновенную новость. Ермолов получил позволение, т.е. иначе говоря, приказание отправиться путешествовать за границу. При этом он был щедро награжден деньгами и поместьями...

Бывший крымский хан, Шагин-гирей, был лишен пенсии. И снова приемные Таврического дворца с утра наполнялись толпами знати и высших чинов. Снова иностранные представители соперничали в любезностях перед князем Потемкиным.

Выбрав удобную минуту, Можайский решился, наконец, обратиться к светлейшему с просьбой. Он рассказал, что он жених Маруцци, рассказал всю ее печальную судьбу и просил потребовать от турецкого правительства освобождения сестер и брата Маруцци. Потемкин очень сочувственно выслушал его, поздравил и сказал:

— Ну что ж? Пиши Булгакову. Пусть требует понастойчивее. Пусть скажет, что это личное желание императрицы и она обращается к любезности его величества султана.

В этот же день Можайский составил соответственную бумагу Булгакову, князь подписал, и она была отправлена эстафетой.

Маруцци оживилась, хотя и не оставила своей мысли ехать самой. Но под влиянием нового поворота в событиях вопрос этот был отложен.

Устроив свои дела, укрепив свое положение, как никогда, уничтожив своих врагов и обеспечив будущее своим планам, Потемкин опять возвращался на юг.

Сделалось известно, что императрица выразила желание посетить Новороссию и Крым, на чем настаивал Потемкин, чтобы рассеять тень сомнения, если таковое еще оставалось в императрице. Поэтому он и поторопился уехать, чтобы сделать возможные приготовления.

И опять Можайский расставался с Маруцци. На этот раз расставанье было еще тяжелее. Непонятное, мрачное предчувствие овладело ими. Им казалось, что они прощаются навсегда...

Толбузин и Батури́н опять дали слово охранять покой княжны. А Батури́н добавил:

— Поверь слову, графу Армфельду скоро придет конец.

И опять потянулись дни лихорадочной деятельности, непрерывных переездов с места на место, срочных поручений.

Престарелый герой, гроза Турции, граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, получил назначение командовать Украинской армией, над Екатеринославской принял начальствование сам Потемкин. Суворов получил орден Владимира I степени, был произведен в генерал-аншефы и назначен командиром корпуса под Кременчугом. Это было сделано по желанию Потемкина. Несмотря на то, что он чувствовал неприязненное отношение к себе со стороны Суворова, — он видел в нем гения войны и говорил, что старик Суворов стоит целой армии.

Суворов, как прирожденный воин, не считал Потемкина полководцем, но Потемкин имел слабость считать себя великим полководцем. Это порождало между ними рознь.

Последующие события оправдали мнение Суворова. Потемкин был гением в своем кабинете, но на театре военных действий был слаб, нерешителен и боялся крови. Он слишком жалел солдат в противоположность Суворову, который, как и все великие полководцы, отличался неумолимой жестокостью, в достижении поставленной на поле сражения задачи. Преследуя свои планы, Потемкин предложил Польше союз, обещая вернуть ей земли, захваченные Пруссией при первом разделе Польши. Сейм в Варшаве должен был решить этот вопрос. Пруссия трепетала, Франция колебалась, Англия принимала угрожающее положение...

Но ничто не могло уже остановить рокового хода истории.

Тяжелый удар поразил Пруссию. Умер ее великий король, Фридрих II, и на престол вступил Фридрих — Вильгельм II, грубый и тупой, к кому Екатерина питала глубокую антипатию, пренебрежительно называя его «толстый, глупый Gu» (сокращенно от имени).

XII.

В виду участвовавших в столице разбоев, Екатерина распорядилась, чтобы были увеличены патрули на улицах. И ежедневно от каждого полка отряжались конные и пешие патрули наблюдать за порядком и тишиной. Наиболее значительными командовали офицеры.

Наступила зима. Императрица давно переехала в Зимний дворец. В ночь, когда вьюга слепила глаза, наметая целые сугробы снега по берегу Фонтанки, за заставой, которая в то время помещалась у Аничкова моста, двигался отряд солдат человек в десять.

Большинство вельмож уже давно покинули свои «загородные» виллы за Аничкиным мостом и перебрались в город, только немногие продолжали жить в этой пустынной местности.

К числу их принадлежал и прусский министр, граф Герц, городской новый дом которого еще не был отделан.

Во главе отряда был Батури́н.

Алеша Батури́н медленно подвигался по дороге, проклиная службу. Его дозор уже кончился. К двенадцати часам ночи он должен был смениться у Аничковской заставы и с удовольствием мечтал о том, как сменившись он поедет в Содом, где уже подобралась теплая компания товарищей и можно будет поесть, выпить и перекинуться в карты или кости.

Внезапно из темноты словно вынырнула перед ним высокая фигура в теплом плаще, с нахлобученной на глаза шляпой.

Незнакомец шел быстро, низко опустив голову.

Батурин ускорил шаги, незнакомец оглянулся и тоже ускорил шаги.

— Стой! Кто идет? — крикнул Батурин.

Но незнакомец вместо того, чтобы остановиться, почти побежал.

— Стой! — повторил Батурин.

По его приказанию солдаты бросились за незнакомцем.

Они почти настигли его у дома графа Герца, когда незнакомец что-то шепнул привратнику, сидевшему у калитки, и скрылся в ней.

Батурин был от него в нескольких шагах и когда незнакомец переступил порог калитки, он заметил на его лице маску...

«Что за черт, подумал он, — какая знакомая фигура!..» Он подошел к привратнику и строго спросил его, кого он впустил? Привратник оказался русским и сообщил, что всем слугам в доме отдан приказ немедленно впускать человека, который назовет себя «случайный гость». А кто он — того никто не знает.

«Шпион, решил Батурин, — если бы поймать эту бестию. Ужели он русский?»

Батурин ничего не сказал, но решил покараулить.

Но когда он расположил своих солдат у калитки, привратник заметил ему:

— Напрасно, барин, сторожить будешь.

— Почему? — спросил Батурин.

— А потому, — ответил привратник, — что мы видели, как он входил, но никто никогда его не видел, когда он выходит...

Батурин задумался. Окружить весь огромный сад, в котором стоял дом Герца, не представлялось возможным. А если бы у него было и достаточное количество людей, — он все же не мог бы решиться на это. Ведь, этот дом принадлежал представителю иностранной державы.

Простояв еще для собственного успокоения минут двадцать, он повел свой дозор к заставе.

У старого Шлемки уже дым стоял коромыслом, когда появился Батурин. Первый, кого он встретил, был Платоша Зубов, возмужавший и еще больше похорошевший, но с тем же искательным выражением в прекрасных, темных глазах.

— Какая игра! Алексей Иванович! — захлебываясь, начал он. — Граф Армфельд уже проиграл тысячу золотых...

— А ты? — спросил Батурин.

— Уж какая у меня игра, грустно махнув рукой, произнес Зубов.

Граф Армфельд действительно проигрался. Он метал банк, по-видимому, спокойно, как всегда, но был очень бледен.

Батурин остановился около его стула, пристально и подозрительно осматривая его фигуру,

— Бита! — раздались кругом голоса.

Граф опять проиграл.

— Ставки не хватает, — крикнул Зубов, за неимением своих денег любивший пересчитывать чужие.

— Сейчас, — холодно произнес граф, опуская руку в карман. Он вытащил длинный шелковый кошелек, наполненный золотыми. Но, когда он вынимал из кармана кошелек, на пол упала бархатная полумаска.

— А! — произнес Батурин, быстро наклоняясь и поднимая ее. — Вы потеряли, граф...

Граф быстро обернулся и увидел маску в руках Батурина. Глаза Алеши глядели на него тем пристальным, злобещим взглядом, который в былые дни внушал страх самым отважным. Лицо графа из бледного стало синеватым. Он порывисто протянул руку, но Батурин спокойно спрятал полумаску в карман и, наклоняясь к самому уху графа, проговорил:

— Я покажу ее сперва графу Герцу, а потом австрийскому послу.

Армфельд стремительно встал с места.

— Я больше не играю, — произнес он, — вот сделайте расчет, я сейчас вернусь.

Никто не придавал большого значения его словам.

— Должно быть какая-нибудь интрига...

— Я готов, — проговорил Армфельд.

Батурин вышел с ним из общей залы. Они остановились в маленькой комнате, далеко от гостей.

— Теперь, милостивый государь, — высокомерно начал граф, — я попрошу вас объяснить ваши слова.

Положив руку на эфес шпаги, не спуская с графа презрительного взгляда, Батурин медленно произнес:

— Не вы, а я должен у вас спросить объяснения. Почему граф Армфельд, доверенный секретарь посла его величества римского императора посещает тайно в маске посла прусского короля, враждебного Австрии, и ее союзнице России? Вы шпион, милостивый государь, закончил Батурин, дрожа от бешенства. — Вы продаете интересы своей родины, — это ваше дело, но вместе с тем вы продаете и интересы России, что уже дело мое, как русского офицера. Вы подлец, граф Армфельд!

Граф даже пошатнулся от неожиданности оскорбления.

— О! — только и мог воскликнуть он и движеньем быстрым, как мысль, он выхватил из ножен шпагу...

— Это твои последние слова, — хрипло крикнул он, бросаясь на Батурина. Но Батурин предвидел его движение.

Он сделал прыжок назад, обнажил шпагу и отбил удар.

— У вас дрожит рука, г. шпион, — насмешливо произнес он, — успокойтесь.

Граф Армфельд тяжело дышал.

— Это все ложь, — сказал он, наконец, — вы ничего не знаете и знать не можете...

Два часа тому назад, спокойно ответил Батурин, — я видел, как вы входили к графу Герцу.

— Это неправда, — упавшим голосом сказал Армфельд... — Эта маска — любовная интрига...

— Которая началась у цесарского посла и кончилась у графа Герца, — насмешливо прервал Батурин.

Граф Армфельд овладел собою.

— Хорошо, — сказал он, и голос его зазвучал уверенно и твердо, — можете делать из вашего предполагаемого открытия все, что вам угодно. Но за оскорбление вы должны дать мне удовлетворение.

— Со шпионами не дерутся, — холодно возразил Батурин.

Граф Армфельд стоял бледный, неподвижный.

— Подождем, — произнес он наконец хриплым голосом, — или вы возьмете назад ваши слова, или...

— Или? — переспросил Батурин.

— Или я убью вас, — ответил граф.

— Прекрасно, — произнес Батурин, — но надеюсь, вы теперь оставите ваши притязания на княжну Маруцци.

Граф бросил на него злобный взгляд.

— Теперь прощайте, — произнес он, — ваша клевета не будет иметь успеха... Никто не поверит вашей лживой выдумке... И если бы даже вы были правы, шепотом добавил он, — и то — не граф Герц предаст меня и не граф Кобенцель выдаст на всеобщий позор последнего из рода Армфельдов, в чьих жилах течет кровь Вительсбахов, та же, что в жилах Габсбургов!

Он гордо прошел мимо Батурина.

«Прав ли я, — думал Батурин, — ужели это роковое сходство? Он прав! Доказательств у меня нет. Он любимец Кобенцеля и принят при дворе... Я поступил, как желторотый мальчишка и дурак, дав волю своей антипатии к графу из-за Маруцци. Эх! Алеша, Алеша, закончил он свои размышления. — Дурак, ты дурак! То бы ты слово, да не так бы молвил...»

Когда Батурин вернулся в общую залу, граф спокойный и уверенный, как всегда, снова метал и около него уже высилась целая груда золота и ассигнаций. Услужливый Зубов заботливо сортировал и пересчитывал их.

Батурину было не по себе. У него пропало всякое желание играть в карты, болтать и пить.

Пробыв несколько минут в игровой комнате, он вышел в соседнюю залу, где под наблюдением самого Шлемки слуги готовили ужин убирали столы.

Батурин дружески кивнул головой Шлемке.

Шлемка почтительно ответил на поклон и подошел к Батурину.

— Здравствуйте, Алексей Иванович, — сказал он, и давно вы не бывали у нас. Без вас скучно.

— Да, брат, — ответил Батурин, — прошло мое время. Да и без меня у тебя много гостей. Скажи, вдруг добавил он, — часто бывает у тебя граф Армфельд?

— О, — ответил Шлемка, качая головой, — г. граф любят поиграть... И денег у г. графа много... а нет наличных — дает расписки на Сутерленда...

Батурина это поразило. Все напротив думали, что граф Армфельд разорен.

— Кому же он давал расписки? — спросил Батурин.

— И мне, Алексей Иванович, — ответил Шлемка, — ну известно проиграется, а потом просит. Ну и даешь ему, а он расписку... Важный господин, закончил Шлемка.

«Ишь как, — думал Батурин, — как бы вывести молодца на чистую воду?» В его душе крепла уверенность, что граф Армфельд действительно шпион.

XIII.

Когда Батурин вернулся домой, т.е. не домой, а в дом Можайского, где, по просьбе князя, он продолжал жить вместе с Толбузиным, Толбузин еще не спал. Батурин рассказал ему все происшедшее.

— Шпион, несомненный шпион, — сказал Толбузин, выслушав его рассказ, — но он прав, бестия, — его не возьмешь голыми руками. Надо подумать. Постой, вдруг произнес Толбузин, — а что, если прямо отправиться к канцлеру и все рассказать ему? Он может вызвать Сутерленда или проверить его книги. Вед если он шпион, — то он получает из денег графа Герца...

— Знаешь, что? я пойду завтра к Александру Андреевичу. Он меня знает. Вместе кутили. Да притом мы в дальнем родстве.

На том друзья и порешили.

На следующий же день Толбузин, нарядившись в парадный мундир, отправился к канцлеру. Батурин же с утра отправился в полк. Друзья встретились только за обедом.

— Ну брат, — начал Толбузин, оживленный и взволнованный, — уж и выдержал я баню. Едва заикнулся я, куда и лень слетела с Александра Андреевича. Как набросится на меня! «Да ты, кричит — с ума сошел! Да императрица меня за такой скандал в Сибирь отправит соболей

ловить. Да граф Кобенцель!.. «Тут и про австрийского императора помянул! Словом, беда... Однако, как я все до конца рассказал, призадумался и говорит: «Скажи твоему Батуру, уж ты извини, брат, — что он сумасшедший дурак. Такие дела надо вести тайно, без шума и скандала».

Батурин весело расхохотался.

— И впрямь дурак, — сказал он, — сам чую.

— Велел молчать, — закончил Толбузин, — и ждать. Да сказал, чтобы мы не смели больше вмешиваться в это дело и старались избегать встречи с графом.

— Попался голубчик, — весело сказал Батурин, — ежели теперь канцлер поприжмет Сутерленда — ему крышка.

Сообщение Толбузина встревожило Безбородко больше, чем он хотел показать. Его давно удивляла странная осведомленность прусского двора. Сколько неприятностей имел он, когда вдруг прусскому королю делались известны частные письма императрицы к ее другу, императору австрийскому. Да что письма. Самые тайные переговоры с графом Кобенцелем! Сколько раз приходилось изворачиваться, объясняться, тревожить императрицу.

Канцлер принял решительные меры. Он вызвал Сутерленда и потребовал от него подробных сведений, когда и кому он выдавал деньги из кредитов прусского посла.

Сутерленд охотно дал все сведения. Он слишком дорожил своим положением в России, чтобы отказать канцлеру. По его словам, кроме членов посольства по чекам получал только один человек, чеки были на предъявителя и этого человека он не знает.

На вопрос о графе Армфельде он ответил, что у графа действительно был текущий счет, но что эти деньги приносил сам Армфельд, а получал их чаще всего Соломон Розен, содержатель известной ресторации. Из дальнейших расспросов выяснилось, что человек, получавший по чекам на предъявителя, и граф Армфельд лицом не были похожи друг на друга. У одного была борода — другой был бритый. Но голос, фигура и манеры, как вспомнил Сутерленд, имели много общего. Этого было довольно хитрому и проницательному Безбородко, и он решил поговорить с Кобенцелем.

В тот же день он поехал к австрийскому послу и очень долго беседовал с ним.

Согласно своему обещанию охранять и заботиться о княжне, Батурин и Толбузин частенько заходили к Маруцци, где их принимали не только, как желанных гостей, но почти как братьев. И в этот вечер они решили навестить княжну, тем более, что у них были новости, касающиеся графа Армфельда, так отравлявшего жизнь княжне своими притязаниями на ее руку.

Они подошли к знакомым воротам и ударили тяжелым молотком по металлическому щиту. Им долго не открывали. Наконец раскрылась калитка и показался старый привратник.

— Здравствуй, Силантий, — сказал Батурин, — что, заспался? Ну что, дома твоя княжна? — продолжал он, заранее уверенный в утвердительном ответе.

Но каково же было удивление друзей, когда старик грустно покачал головой и тихо ответил:

— Никого нет. Уехала.

— Уехала? Как? Куда? — в один голос воскликнули друзья.

— Совсем уехала, — грустно повторил старик, — а вам оставила — вот.

Он вынул из-за пазухи два письма. Одно было на имя Толбузина, другое на имя Можайского.

— Сегодня, чем свет, — продолжал старик. — Всю ночь собиралась, Раненько выехала. Все приказала оставить, как есть. Хозяину за год отдала. И ключ мне дали...

— Проводи нас в дом, — сказал Толбузин. Старик, кряхтя пошел отпирать двери.

Все в квартире оставалось нетронутым, как будто хозяева вышли только на прогулку. Старик зажег свечи и ушел. Толбузин разорвал конверт и начал читать письмо княжны.

«Дорогие друзья, — писала она, — простите. Я уезжаю, не попрощавшись с вами, из боязни, что ваши увещания поколеблют мое решение. А жить так больше я не могу. Я приехала в Россию с единственной целью — помочь моей родине. Любовь удержала меня. Но за эти годы из девочки я стала женщиной. Прошла моя робость. Я поняла свой долг, и хочу исполнить его и стать достойной моей прекрасной отчизны, — родины богов и героев. Не грустите, если я не вернусь. Радуйтесь тогда — значит я погибла геройской смертью, искупительной жертвой за родину... Мне душно здесь, я задыхаюсь... и я увяла бы здесь. Простите же, дорогие друзья. Если мне не суждено обнять вас снова здесь — мы увидимся и узнаем друг друга на небе, Отдайте письмо князю. Скажите, что Маруцци навсегда отдана ему, но что родина зовет ее и она приносит ей в радостную жертву свое личное счастье...

Прощайте. София Маруцци».

Толбузин прочел письмо и влажными глазами взглянул на Батурина. Батурин сидел, опустив голову, закрывая глаза рукою.

XIV.

Граф Кобенцель взволновано ходил по кабинету. На его красивом лице лежала печать мучительной мысли.

— Боже мой, Боже мой! — изредка вырывалось у него... — Кто бы мог ждать этого!

Стук в дверь заставил его вздрогнуть.

— Можно войти? — послышался хорошо знакомый, уверенный голос.

Граф быстро подошел к столу, сел в кресло и обычным голосом отозвался:

— Войдите, Армфельд.

— Армфельд вошел.

— Не будет никаких поручений? — спросил он подходя. — Но Боже мой! воскликнул он, взглянув на лицо посланника, — что случилось? Вы видимо расстроены... Дурные вести?... Пруссия?..

— Да, да, — отозвался Кобенцель, — это все Пруссия, наш вечный враг... Вы правы, сядьте, Армфельд. Нам надо поговорить.

Кобенцель встал, подошел к двери и запер ее на ключ.

Армфельд со смутной тревогой следил за его движениями.

— Скажите, Армфельд, — начал Кобенцель, поворачивая к нему бледное лицо, — вам никогда не казалось странной осведомленность Пруссии в наших делах?

Краска сбежала с лица Армфельда.

— Я не замечал их большой осведомленности, — ответил он, — их политика всегда запаздывала...

— Что бы мы здесь ни предпринимали, — продолжал Кобенцель, — почти тотчас становилось известно прусскому министру. Из разговора с канцлером, которого на днях навестил Герц, я узнал, что Герцу известно письмо Потемкина императрице, пересланное ею мне с собственноручной ее припиской.

Армфельд бледнел все больше и больше.

— Скажите, Армфельд, — закончил Кобенцель, останавливаясь перед ним и в упор глядя на него, — скажите, кто кроме вас и меня мог сообщить это Герцу?

Армфельд встал.

— Я не понимаю вас, граф, — дрогнувшим голосом ответил он.

— Ах, вы не понимаете! — воскликнул Кобенцель, — ну так я вам скажу: из этих двух лиц, не я торговал родиной!

Наступила минута тяжелого молчания. Его прервал Армфельд.

— Так значит обвиняют меня, — глухим голосом начал он, — кто же меня обвиняет и где доказательства?

— Сбросьте свою маску, граф Армфельд, — холодно произнес Кобенцель, — вы уже и потеряли ее...

— А! — воскликнул Армфельд, — это пьяный офицер!..

— Молчите, — строго прервал его Кобенцель, — если в вас сохранилась хоть капля рыцарской крови графов Армфельдов, не прибавляйте нового позора трусости к вашему бесславию. Хотите, я покажу вам справку банкира Сутерленда, сколько получено неизвестным из сумм прусского короля. Вы умеете гримироваться, граф! добавил он. — Я видел расписки неизвестного в получении этих позорных денег, и я узнал вашу руку, несмотря на ваше изменить свой почерк. Посмей старины отречься, что это писали не вы!

С этими словами Кобенцель вытащил из кармана несколько бумажек и швырнул их почти в лицо Армфельду.

— Чтобы избавиться от этого позора, — дрожащим голосом продолжал Кобенцель, — я бы заплатил вам вдвое дороже!..

Армфельд понял, что погиб.

Он поднял голову.

— Хорошо, — сказал он, — вы правы, я конченный человек. Но не один соблазн денег руководил мною.

Кобенцель презрительно слушал.

— Нет, — с вспыхнувшим лицом продолжал он, — мною руководила и ненависть. Я не думал о родине, я хотел зла одному человеку... Вы, может быть, слышали, что у меня была красавица сестра?.. Вы даже знали ее... и вот он, ваш повелитель...

— Молчите, — закричал Кобенцель, — я не хочу знать, что довело вас до этого позора! Я не хочу разговаривать с вами...

Он быстро подошел к столу, открыл его, вынул из него пистолет, с богато украшенной рукояткой слоновой кости, убедился что он заряжен и положил его на стол.

— Граф Армфельд, — сказал он, пристально глядя на шпиона. — Вспомните честь своего рода, незапятнанное имя графов Армфельдов. Ведь вы последний Армфельд. Все, что вы хотели сказать мне, вы можете написать. Я вас оставлю одного, словно с трудом добавил он, отворачиваясь...

Потом бросил быстрый взгляд на бледное лицо Армфельда, на лежащий на столе пистолет, и вышел из комнаты.

Он остановился в соседней комнате и словно обессиленный опустился на диван. Сжимая голову обеими руками, он сидел неподвижно и слышал только биение своего сердца.

«Палач! Палач!» — шептал в глубине его души какой-то голос. Он зажал уши и закрыл глаза... Словно полубезумие охватило его. Скоро ли? Не лучше ли войти?

Томительно тянулись секунды, минуты, быть может часы... Кто скажет?

Короткий, но оглушительный звук вызвал его из оцепенения...

Он вскочил и несколько мгновений смотрел перед собой безумными глазами. Потом стремительно бросился в кабинет.

Синеватый дым спиралью поднимался к потолку. Струя холодного ветра охватила Кобенцеля. Он с ужасом оглянул комнату, но через мгновение ужас сменился удивлением...

Комната была пуста; окно, выходившее в огромный сад, раскрыто... На полу валялся пистолет... Подняв случайно глаза, граф увидел, что на висевшем над столом поясным портрете императора прострелено лицо,

— О подлец, подлец!.. — задыхаясь произнес Кобенцель...

На звук выстрела уже бежали слуги. Слышались торопливые шаги.

— Ничего не случилось, спокойно заметил граф вбежавшему камердинеру, — я просто разрядил пистолет.

Когда лакей удалился, граф закрыл окно, снял со стены портрет, спрятал его в шкаф и сел к столу писать донесение в Вену о происшедшем.

XV.

Потемкин лихорадочно работал над устройством нового края и все настойчивее приглашал императрицу посмотреть лично плоды его трудов.

Можайский был его деятельным помощником. Потемкин, уверенный в своем могуществе, не жалел ни денег, ни трудов. Можайский то и дело получал спешные поручения. Работа кипела. В этих непрерывных разъездах Можайский не мог, как прежде, часто получать письма от своей невесты. Поэтому он не скоро получил письмо Толбузина, сообщавшее ему об ее отъезде, и ее письмо. Это было для него страшным ударом.

Княжна писала ему, что потеряла надежду на Россию, что она едет на Балканы, где все готово к восстанию, и куда зовут ее. Она выражала уверенность, что вспыхнувшее восстание заставит Россию скорее решиться на войну. — «Я люблю тебя, заканчивала она свое письмо, — но я не была бы достойна ни тебя, ни своей, родины, если бы ради своего личного счастья отреклась от нее... Ты поймешь меня. Ты сам счел бы для себя позором наслаждаться счастьем, когда погибали бы твои братья»...

Маруцци обещала дать ему о себе известие, когда только это будет возможно, просила верить ей, любить ее и надеяться на Бога.

Это удар поразил Можайского. Он почувствовал себя бесконечно одиноким, и у него мелькала мысль все бросить и помчаться за нею. Но он не решился на этот шаг. Добровольно его бы не отпустили, а бежать теперь из рядов армии, накануне войны, он считал для себя позором. Им овладело мрачное отчаянье. Жизнь потеряла для него смысл. Он считал безумным поступок Маруцци и все же в глубине души оправдывал ее и гордился ею. Чтобы как-нибудь забыться, он бросался на всякое дело, находя в постоянной работе, в непрерывном движении, некоторое облегчение.

А забот было много. Императрица наконец изъявила желание осмотреть новоприобретенный край, чего так добивался Потемкин.

Надо было подготовиться к ее посещению. Надо было подготовить и даже почти создать для императрицы двухтысячеверстный путь. По пути следования спешно воздвигались станции для перемены лошадей, легкие деревянные дворцы, но комфортабельно отделанные для отдыха императрицы и ее сопровождающих,

В пустынных местах спешно строились ряды жилых построек, целые деревни переводились на новые места из Малороссии со своих насиженных гнезд, сгонялись лошади и рабочий скот. Потемкин сделал много, но чтобы это оценили, он прибег и к этим мерам. Деньги текли рекой, но Потемкин с этим не считался. По его настоянию, императрица известила своего друга, австрийского императора, о своем намерении посетить «Тавриду», как она называла Крым, и император Иосиф изъявил желание сопровождать ее. Польский король хотел встретить ее в Каневе.

Решение императрицы возбудило тревожное любопытство в Европе. Пруссия истолковала его, как прямую угрозу Турции и себе. Турция так и поняла это. Как будто русская императрица хотела произвести смотр своим военным силам перед решительным ударом. И это было близко к истине.

Никогда императрица не считала осуществление «греческого» проекта возможным и доступнее. Граф Герц тщетно ждал своего шпиона, чтобы узнать, какие переговоры ведутся в настоящее время между русским и австрийским дворами. Шпион не приходил... Скоро Герц

узнал, что граф Армфельд уехал в Австрию, как всем говорил австрийский посол. Тогда Герц окончательно убедился, кто был его шпион. При дворе ожидаемый отъезд императрицы тоже возбудил большое волнение. Всем хотелось сопровождать императрицу.

И с той и с другой стороны приготовления были закончены и 2 января 1787 г. в морозный день, в 11 часов утра, императрица выехала из Зимнего Дворца, при пушечной пальбе. Отслушав молебен у Казанской Божьей Матери, императрица направилась в Царское Село. Там она провела пять дней и двинулась дальше.

Путешествие государыни было обставлено с необыкновенной роскошью. Ея карета, которую везли тридцать лошадей, представляла из себя целую квартиру. В ней был кабинет, зала на восемь человек, — маленькая библиотека. С императрицей ехали ее любимец, генерал-адъютант, граф Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов, ближайшая ее фрейлина Анна Степановна Протасова и неизменный ее партнер в карты, обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин.

За каретой императрицы следовали еще 14 карет и 134 разных экипажа, не считая 40 запасных с лицами свиты. На каждой станции было заготовлено 560 лошадей. В числе сопровождавших лиц были австрийский посол граф Кобенцель, французский — граф Сегюр и английский Фитц-Герберт.

В первый раз императрица предпринимала такое большое путешествие, и все ее радовало и привлекало ее внимание.

Императрица была в очень хорошем настроении. По ее приказанию на время путешествия был отменен всякий этикет. По возможности императрица не изменила своего обычного распределения времени. Как всегда, она вставала в шесть часов утра и занималась делами, после завтрака принимала иностранных послов. В два обедала, в кругу избранных придворных; в числе приглашенных всегда были иностранные послы; в 7 часов останавливалась для ночлега, и в 9 часов утра выезжала. По вечерам императрица обыкновенно играла в карты.

По вечерам по обеим сторонам дороги на небольшом расстоянии друг от друга пылали огромные костры. Граф Сегюр говорит: «мы ехали по огненному пути, которого свет был солнечных лучей».

Везде императрицу торжественно встречали дворянские представители и местные власти. В больших городах были сооружены триумфальные арки. Генерал-губернаторы встречали императрицу на границе своих наместничеств. Императрица ехала на Великие Луки и Смоленск. В местечке Чечерске, где императрица остановилась у вдовы генерал-фельдмаршала, графа Чернышева, ей представился фельдмаршал, граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, как генерал-губернатор трех малороссийских областей и командующий Украинской армией, назначенный действовать в предполагаемой войне против турок.

Старый герой чувствовал себя обиженным. Он думал, что ему будет вверено главное командование всей армией, чего он, безусловно, заслуживал, а между тем, главными силами командовал Потемкин. Императрица почувствовала это и, чтобы утешить старого фельдмаршала, посетила его в селе Вишенках.

29 января императрица была уже в Киеве. Везде, где бы ни была императрица, она подробно расспрашивала чиновников, духовенство, торговцев об их положении и нуждах.

В Киеве надо было сделать большую остановку, чтобы выждать очищения рек от льда и потом ехать по Днепру водою. Наконец 22 апреля императрица тронулась в дальнейший путь. К ее

свите уже присоединился и сам светлейший, при котором неотлучно находился в числе других и князь Можайский.

При колокольном звоне и пушечной пальбе, императрица проследовала на яхту «Десна», откуда после обеда перешла на свою яхту «Днепр».

На остальных роскошно убранных 80 яхтах разместились сопровождавшие ее лица, в числе которых были граф Чернышев, вице-президент военной коллегии, канцлер Безбородко, министры при дворах польском и неаполитанском, — граф Штакельберг и Скавронский, камергеры, камер-юнкеры и проч.

Со светлейшим приехали две его племянницы, графиня Браницкая и Скавронская.

Общий экипаж флотилии достигал 3000 человек. Впереди шли галеры «Днепр» с императрицей, почти рядом с ней «Буг» со светлейшим, затем «Десна», «Сков» с графом Безбородко, «Сейм» с иностранными послами, «Импет», «Орел», «Еж» с придворными и канцеляриями, «Самара» и «Кубань» с кухнями и провизией и так далее.

25 апреля государыня приехала к польскому местечку Каневу. На польском берегу загремел пушечный салют, русские галеры ответили девятью выстрелами.

В тот же день прибыл на императорскую яхту последний польский король, Станислав Понятовский.

Вечером был сожжен ослепительный фейерверк. Среди всех этих развлечений и сказочной роскоши, только один князь Можайский оставался по-прежнему удрученным. Он невольно думал, что Маруцци, как фрейлина, тоже была бы здесь. И при этой мысли ему становилось еще тяжелее от всех этих празднеств и торжеств.

В Кременчуге снова роскошные празднества, иллюминация. Но тут же императрица принимала Суворова и имела с ним долгий разговор.

Выехав из Кременчуга, императрица узнала, что ей навстречу едет австрийский император Иосиф II, под именем графа Фалькенштейна.

Получив это известие, императрица из Херсона отправилась в Новые Кайдаки и в трех верстах от этого местечка встретила императора. 9 мая состоялась торжественная закладка города Екатеринослава, и 12-го императрица, с «графом Фалькенштейном», вернулась в Херсон.

Наконец-то она приблизилась к тем полуденным краям, куда так увлекало ее воображение.

Встреча в Херсоне была торжественная. Восемь пехотных полков стояли по обеим сторонам улиц, где проезжала императрица. В Херсоне представились ей наш посланник в Константинополе Булгаков и уполномоченный неаполитанского короля Маркиз де-Галло, для поздравления «с благополучным прибытием к полуденным границам Империи, орошаемым водами, простирающимися до королевства Неаполитанского».

Милости императрицы рассыпались щедрой рукой. Императрица помиловала 48 человек, приговоренных к каторжным работам. А лиц, перенесших телесное наказание, приказала при особой церемонии прикрыть знаменами, чтобы снять с них бесчестие.

В Херсоне же, в присутствии ее и австрийского императора, были спущены два военных корабля и один фрегат. Восьмидесяти пушечный корабль был наименован «Иосиф».

Но вот началась волшебная сказка.

Императрица вступила на священную землю Тавриды.

Невольный трепет овладел ею, когда она переступила порог ханского дворца в Бахчисарае. Величие Востока дохнуло на нее. И когда там, где столько веков жили дикие завоеватели и слышались однообразные напевы муедзинов с ажурных минаретов, — раздались торжественные напевы православной литургии и загремели русские пушки, она не могла удержать умиленных слез.

— Князь, дорогой князь, сказала она дрогнувшим голосом, протягивая Потемкину руку, — вы великий человек!

— Вы правы, ваше величество, серьезно заметил стоявший с ней рядом граф Фалькенштейн и добавил: — счастлива страна, имеющая императрицей Екатерину и первым министром князя Потемкина.

Императрица бросила на него благодарный взгляд.

Она была поражена красотой и богатством окружающей природы.

Не менее был поражен и австрийский император.

Через день, в роскошном дворце, воздвигнутом для нее в Аккермане, после обеда на закрытой террасе, вдруг раздвинулись стены, и ее обворуженному взгляду представилась бухта, покрытая кораблями, галерами, шлюпками, расцвеченными флагами. 15 военных кораблей и фрегатов приветствовали ее громовым салютом своих орудий. Им ответили купеческие суда и четыре батареи Севастопольского порта.

— Боже! воскликнула императрица, — и отсюда только сорок восемь часов до Константинополя!

И в эту минуту окончательно и бесповоротно была ею решена война с Турцией. Иосиф II был увлечен не меньше ее.

Конец владычеству турок в Европе! Потемкин торжествовал. Он поднялся теперь на головокружительную высоту. Никто не смел возвысить голоса против него. В присутствии самой императрицы ему отдавались императорские почести, и он распоряжался, как самодержец, часто только сообщая ей о своих уже исполненных приказаниях. Императрице уже нечем было награждать его, этого чудесного баловня судьбы.

Ему не хватало только одного, — воинской славы. Но предстоящая война сулила ему и эту славу, и тот единственный орден, которого он не имел, но страстно желал — орден Георгия I класса...

Императрица возвращалась, гордая, счастливая, довольная, словно после выигранной кампании. Желая еще больше возвысить Потемкина и придать больше блеска его свите, она приказала сформировать в личное его распоряжение, как почетный эскорт и военную свиту, отряд из избранных офицеров гвардейских полков.

К своей несказанной радости в эту свиту попали и Толбузин с Батуриным.

XVI.

Путешествие Екатерины в Крым было дерзким вызовом Турции и Пруссии. Последнее татарское царство подпало под власть русских; в их руках оказался северный берег Черного моря, откуда флот грозит самому Константинополю. Русские войска собирались. Кабинеты лондонский и берлинский еще более увеличивали опасения Турции. Турция видела себя в отчаянном положении. Ей оставалось одно. Пока еще Россия не вполне готова, не закончен флот, — предупредить страшную опасность и кинуться на врага, когда он не ожидает нападения.

Но Турция упустила из виду, что вся политика Потемкина была направлена к тому, чтобы вынудить ее на этот отчаянный шаг.

И Турция, закрыв глаза, сделала этот шаг. Едва императрица вернулась из своего триумфального путешествия — Порты предъявила России через посла в Константинополе неслыханный ультиматум. Она требовала выдачи молдавского господаря Маврокордато, удалившегося в Россию, отзыва русских консулов из Ясс, Бухареста и Александрии, допущения турецких консулов во все русские торговые города и гавани, признания грузинского царя Ираклия, поддавшегося России, турецким подданным и осмотр всех судов выходящих из Черного моря.

Булгаков отказался принять такой ультиматум и был, вопреки всем международным обычаям, заключен в тюрьму, так называемый Семибашенный замок, и Турция объявила войну России.

В ответ на это Потемкин решил двинуть Екатеринославскую армию к Очакову, но турки предупредили его. Они начали войну с энергией отчаяния. Их армия успела занять и укрепить Очаков. На помощь ей явился и турецкий флот, а Юс-паша атаковал русский гарнизон, находившийся, под начальством Суворова, на Кинбурнской косе.

При первом известии о войне, князь Можайский бросился умолять светлейшего отпустить его в действующую армию. Он просился к Суворову, зная, что отряд Суворова будет всегда в самых жарких местах.

Тревожные вести доходили с Балкан. Озлобленные Россией турки вымещали свою злобу на своих подданных христианах. Их зверства дошли до апогея.

Известий от Маруцци не было никаких, и с каждым днем князь терял надежды...

Война началась, и Маруцци, как обещалась, должна была бы вернуться, тем более, что о решении Турции она должна была узнать раньше, чем он, Светлейший, хотя и неохотно, но все же согласился на его просьбу. Батурин и Толбузин тоже отпросились из свиты, но были назначены в Екатеринославскую армию, двинувшуюся на осаду Очакова.

Можайский поспел во время, чтобы принять участие в геройском Кинбурнском бою, нашей первой победе в эту кампанию, где Суворов, хотя тяжело раненый, уничтожил отчаянно сопротивлявшийся отряд Юс-паши, павшего в сражении...

Потянулись тревожные дни походной жизни... В отряде Суворова торжествовали, узнав об уничтожении флота Гассан бея принцем Нассау-Зиген.

Все обещало блестящий успех. Только старый вождь Суворов хмурился и шептал:

— Помилуй Бог! Чего он медлит! Чего он медлит! Раз, два три! — и нет Очакова! Не хорошо, не

хорошо...

Действительно, была странна и непонятна медлительность и нерешительность Потемкина. Турки укреплялись в Очакове, а армия Потемкина едва двигалась, к досаде и почти негодованию солдат и офицеров...

Бесплодно шло время. Наконец князь Потемкин словно внезапно почувствовал прилив решимости, ускорил движение армии и явился под стенами Очакова.

Все торжествовали, надеясь на близкую победу. Все рвались на штурм, во главе с Суворовым, корпус которого присоединился к армии, осаждавшей Очаков. Но Потемкин решил иначе. Он заявил, что дорожит кровью своих воинов, и предпочитает вынудить турок к сдаче тесной блокадой.

Это возбудило всеобщее недовольство. Очаков хорошо был снабжен и провиантом, и воинскими запасами, и воинами. Гарнизон делал отчаянные вылазки, и русская армия бесплодно губила время и силы под стенами этой крепости.

Отдельные отряды Потемкина рыскали за Кубанью, неся с собой ужас и опустошение, но дело не подвигалось вперед. Армия роптала. Бездействие порождало неповиновение, нарушения дисциплины становились все чаще и чаще.

Напрасно Суворов указывал светлейшему на опасность положения. Потемкин хмурился и кусал ногти.

— Я не хочу потерять в безумном штурме, — говорил он, — треть своей армии. Бог взыщет с меня за это. Время сделает свое.

В армии начались болезни.

Но Потемкин верил в свою звезду. И, действительно, судьба благоприятствовала ему.

Турецкий флот, вышедший в очаковский лиман, был разбит.

Вечный любимец счастья, светлейший с полной уверенностью в дальнейших успехах ждал событий.

Но не того мнения был нетерпеливый Кинбурнский победитель, Суворов. Томимый бездействием, негодуя на нерешительность Потемкина, он искусными маневрами вызвал в поле на вылазку большой турецкий отряд и атаковал его с несколькими гренадерскими батальонами. Турки были разбиты, и неутомимый Суворов по их пятам ворвался в неприятельские ретрашементы. Турок охватила паника. Суворов требовал подкрепления, но Потемкин пришел в бешенство от самовольного поступка старого генерала, отказал в подкреплении и приказал отступить.

С отчаянием в душе Суворов отступил, и получил тяжелую рану в шею.

Серьезная болезнь, последовавшая за раной, гнев Потемкина заставили Суворова проситься от армии в Малороссию.

Ему было разрешено уехать. С его отъездом в армии потеряли надежду на скорое взятие Очакова.

XVII.

Наступила лютая, морозная зима. Солдаты замерзали на постах с винтовками в руках. Смертность усиливалась. В холодных землянках солдаты жались друг к другу и шепотом обсуждали положение. Офицеры открыто требовали штурма. Лиман замерз и образовался удобный путь для нападения на слабейшую часть укреплений.

Но князь медлил и ждал.

Была глухая ночь. Мороз достиг 17 градусов. В холодной землянке ютился князь Можайский с Батуриным. Толбузин находился в отряде князя Репнина.

— Он всех сведет с ума, — угрюмо говорил Батурин, — эх, если бы вернули Суворова да дали бы ему власть. Разве можно так морить людей!..

Можайский молчал. Ему было решительно все равно, победа или поражение. Смерть казалась ему желанной. Он осунулся, стал раздражительным и нелюдимым.

Нет Маруцци! Она, наверное, погибла, быть-может, страшной смертью, а то, если не погибла, попала в руки турок.

Напрасно удерживал его Батурин. Он был всегда в самых опасных местах, вызывался на самые отчаянные предприятия... Он искал смерти, но видно его час еще не пробил.

Ничто не могло отвлечь его от мрачных мыслей. В бездействии осады офицеры пили, играли в карты, ссорились. Можайский не отставал от других. Он молча пил и не пьянел. С равнодушным видом он выигрывал и проигрывал огромные суммы. Он всегда был одинаков, равнодушен ко всему, погружен в свои мрачные мысли. Батурин сидел, курил и согревался крепким вином, в котором в лагере не было недостатка, благодаря евреям-маркитантам, хотя и дравшим за это огромные деньги.

Можайский тоже пил, словно машинально, что подливал ему Батурин. Сальная свеча тускло освещала внутренность землянки.

Батурин, зевая, встал.

— Пора идти проверять посты, — лениво сказал он. — Эх, жизнь! То ли дело настоящий бой.

— Я пойду за тебя, — отозвался Можайский, — я все равно не засну всю ночь...

Батурин колебался.

— Ведь, очередь моя...

Можайский только махнул рукой.

— Потом сосчитаемся. Спи, Алеша.

Алеша не очень настаивал! Ему, действительно, очень хотелось спать. Можайский оделся, крикнул солдата и вышел из землянки.

Небо было ясно. При свете луны чернели грозные очаковские окопы, казавшиеся неприступными.

Потемкин упустил время, и французские инженеры, находившиеся в турецкой армии, успели укрепить Очаков. В легких шинелях стояли солдаты на своих постах. Они коченели от холода, подпрыгивая с ноги на ногу и держа под мышкой винтовки.

Закутавшись в теплый плащ, нахлобучив шляпу, проходил Можайский линию постов.

Все было спокойно. Но вот он услышал крики, брань и увидел патруль. Патруль вел какого-то человека.

— Это что? Стой! — крикнул Можайский.

Унтер-офицер, узнавший князя, так как оказался из его батальона, подошел и доложил, что они поймали, по-видимому, шпиона, кажется, еврея, пробиравшегося с передовых линий неприятельской армии от Очакова.

— Ведите ко мне, — приказал Можайский, — я скоро вернусь.

Это был обычный случай. Чаще всего евреи не были шпионами, а просто маркитантами и контрабандистами, доставлявшими всякую мелочь в осажденный Очаков, преимущественно табак, материи, вино, для высших чинов очаковского гарнизона, не особенно следовавших заповедям Магомета. Они наживали на этом чудовищные деньги, но зато рисковали жизнью, так как русские безжалостно вешали их, как шпионов.

Совершив обход своего участка, Можайский возвратился к себе в землянку, с отвращением представляя себе, как этот «жид» будет валяться в его ногах, прося о пощаде, и как его поволокут к командиру корпуса, а тот просто скажет:

— Повесить каналью!

Но каково было его удивление, когда, войдя в землянку, он увидел при тусклом свете одинокой свечи что Батулин дружески держит руки пленного в своих и что-то спрашивает его взволнованным прерывающимся голосом,

— Алеша, что это? — крикнул Можайский.

— Никита, да ведь это Георгий Варваца! — ответил Батулин, — смотри!

— Георгий, Георгий! — крикнул Можайский. Он чуть не упал от неожиданного волнения.

Действительно, перед ним стоял Георгий, возмужавший, но измученный, истощенный, дрожащий от холода, в каких-то жалких лохмотьях.

Можайский поспешил накинуть на него свой теплый плащ, а Батулин налил ему вина и приказал солдату подать есть.

Солдат с удивлением смотрел, как господа ухаживали за «нехристом».

Несмотря на жгучее любопытство, Можайский и Батулин удерживались от расспросов. Они видели, что от этого почти умирающего человека нельзя пока ничего добиться.

Действительно, глаза Георгия были мутны, он весь дрожал и только жалкой улыбкой да жестами, прижимая руки к сердцу, высказывал радость неожиданной встречи.

Но однако, мало-по-малу он согрелся и отошел. Он перестал дрожать, успокоился и ломанным

русским языком рассказал печальную повесть приключений Маруцци.

Первоначально их путешествие проходило благополучно. Маруцци без особых приключений сумела добраться до Салоник, где действовал центральный соединенный комитет гетерии и славян.

София приняла в нем деятельное участие. Не ограничиваясь жертвами денег, она остригла свои великолепные волосы, надела мужской костюм и участвовала в опасных разведках. Александр и Георгий никогда не оставляли ее. При помощи огромной суммы ей удалось через доверенных лиц освободить брата. Петр бежал на купленной разбойничьей фелуке и благополучно прибыл в Салоники.

С его приездом дело сразу приняло решительный оборот. В одну бурную ночь вспыхнуло восстание, заранее в тайне хорошо организованное. Запылали дома богатых турок, разграблен был арсенал, неожиданно окружены были турецкие казармы...

Повстанцы никому не давали пощады. Застигнутые врасплох янычары погибали под бешеными ударами врагов. Едва несколько человек спаслось из значительного турецкого гарнизона.

Христиане в ужасе бежали в горы, опасаясь мести со стороны турок. Потом повстанцы несколькими отрядами бросились опустошать окрестные турецкие деревни. София была неразлучна с братом, принимая участие в всех его нападениях. Весь салоникийский округ был охвачен ужасом. Деревни пылали. Напрасно вожди отрядов запрещали трогать женщин и детей. Ни приказы, ни расстрелы не помогали. Века угнетения отозвались кровавой местью... Восстание вспыхнуло и в соседних округах... Тогда из Одрина и Демотики двинули многочисленные войска для умирения восставших. Долго продолжалась партизанская война, ознаменованная невероятными зверствами с обеих сторон.

Наконец отряд юного князя Петра Маруцци был загнан в горы. Началось последнее скитание. Горными тропинками, глубокой ночью, над пропастями и безднами, спасался отряд от преследовавших его башибузуков. Но с каждым днем им становилось труднее. София показывала всем пример мужества и терпения.

Припасы истощались. Железное кольцо турок сжималось все теснее. Наконец наступил последний день.

Князь Петр собрал всех. Спасенья нет. Осталась смерть. И все, подняв руки, поклялись умереть, но не сдаться... «Когда был расстрелян последний патрон, продолжал Георгий, — мы взяли в руки ятаганы, поместили посреди нас княжну, и двинулись на турок.

Княжна умоляла заколоть ее в последнюю минуту, но не отдавать живой в руки турок, если она сама не сможет покончить с собой».

— Князь Петр, я и Александр поклялись в этом, — глухим голосом прибавил Георгий.

Бледный, как полотно, Можайский закрыл лицо руками.

Произошла последняя схватка. Александр был убит одним из первых. Потом упал князь Петр. Видя, что нет надежды, Георгий хотел исполнить свою клятву. Он бросился к Софии, но был сбит с ног.

Из всего отряда турки пощадили только несколько юношей и то потому, что юноши были в хорошей цене на рынке в Стамбуле.

Так спаслись от смерти Петр, Георгий и София.

Их гнали в Стамбул, как животных. Но когда открылось, что София женщина, с ней стали обращаться осторожнее, в виду ее молодости и необыкновенной красоты. За нее могли дать целое состояние...

— Потом? Потом? дрожащим голосом спрашивал князь, не отрывая рук от бледного лица.

Но рассказ Георгия близился к концу. Он говорил о тех мученьях, которым подвергали его и князя Петра. «Лучше было бы ей умереть, говорил он, — чем быть выставленной на базаре в Стамбуле»... Она стояла бледная, прекрасная и немая, как статуя... И ее купили, — кто? он не знает. В тот же день купили и его и Петра.

Ему посчастливилось. Его господин не был жесток. Напротив, он любил игру на цитре, греческие песни и пляски.

Но когда началась война, его господин, Гассан-паша, получил назначение в Очаков и взял его с собой. В Очакове ему посчастливилось встретиться со старшей сестрой Софии — Еленой, женой важного пашы. Она имеет уже двоих детей, и примирилась со своей судьбой. Она помогла ему бежать, переряженному убогим маркитантом. Трое суток он без хлеба и воды полз змеею среди врагов, и наконец он здесь. Больше он ничего не знает и сказать не может...

Можайский встал.

— Все кончено, хриплым голосом начал он, — она погибла. Клянусь же, Господи, не щадить врагов святого имени Христа, не знать им пощады и посвятить всю жизнь мою борьбе с ними...

— Аминь! произнес взволнованный Батурин.

XVIII.

Потемкин чувствовал, что надо на что-нибудь решиться. Армия роптала. Императрица в высшей степени осторожно, чтобы не обидеть своего друга, писала о желательности решительных действий, Иосиф II открыто выражал свое неудовольствие.

Потемкин словно проснулся.

— Ты приехал во время, — сказал он, — пора взять Очаков. Все готово. Вот моя диспозиция; свези ее князю Репнину. Передай ему сведения лазутчика, а я не забуду вас. Жаль, мы опоздали к Екатеринину дню. Бог даст справимся к Николе. Езжай с Богом!

Отпустив Можайского, князь заперся в своей комнате, с ужасом ожидая кровопролитного штурма. Уныло и страшно медленно текли часы.

Очаков пал.

Эта победа привела в восторг Екатерину после томительных месяцев бездействия, неудач и новых осложнений. За это время австрийская армия ничего не сделала, занимаясь только бесплодными передвижениями по берегу Дуная и в конце концов потерпела значительное поражение при Платине. Шведский король, побуждаемый Пруссией, Англией и Портой, и на их деньги, вероломно начал войну, благодаря чему был задержан в Балтийском море флот, предназначенный действовать против турок в Архипелаге.

При таких условиях падение Очакова естественно подняло дух Екатерины и вернуло ей былую уверенность.

Но несмотря на все награды и упоение победой, Потемкин, чтобы еще больше укрепить решимость императрицы продолжать войну, счел нужным отправиться лично в Петербург. Кстати до него дошли вести, что при дворе пользуется теперь большой силой какой-то неизвестный доныне молодой кавалергард Платон Зубов.

Перед своим отъездом Потемкин написал теплое письмо Суворову, прося его вернуться в армию, а до тех пор побывать с ним вместе в Петербурге.

Можайский и Толубузин ехали с князем; Можайский испросил позволение взять с собою в Петербург сестру своей невесты с детьми. Муж Елены, Гассан-паша, был убит во время штурма.

Елена производила странное впечатление. Она радовалась своему избавлению из рук турок, но и не печалилась о смерти мужа. Она была все время тиха, молчалива и сосредоточена.

— Моя жизнь кончилась с той минуты, как в страшную ночь я попала в руки турок, — сказала она Можайскому, — и единственно, что привязывает меня к жизни — это дети.

И, действительно, она относилась к своим детям со страстной нежностью. Мальчику Али было пять лет, а девочке Фатиме — три года. По желанию матери их тотчас окрестили, причем Али назвали Александром, а Фатиму — Софией.

Елена не любила рассказывать о своей жизни, и после двух, трех вопросов Можайский не расспрашивал больше. Но сама Елена очень интересовалась судьбой своих сестер и брата, и часто и горячо молилась.

Вместе с ними ехал и Георгий, отличившийся при штурме Очакова и получивший от Потемкина чин корнета. Батулин остался при армии.

Елена была поражена той роскошью, тем почетом, каким сопровождалось путешествие светлейшего.

— Разве он император? — с изумлением спрашивала она. — Ведь у вас есть царица!

Триумфальные арки, колокольный звон, пушечная пальба, торжественные встречи... Но Потемкин ехал хмурый и недовольный. Его тревожили «петербургские» дела...

Между тем императрица с нетерпением ожидала своего друга. Ему готовились царские почести. За несколько дней до его приезда дороги на 20 верст от Петербурга были освещены каждую ночь.

Светлейший проехал прямо в свой Таврический дворец, где и переночевал.

Можайский поместил Елену с детьми в своем доме на Васильевском острове и поспешил вернуться к Потемкину.

На другой день рано утром без предупреждения, в сопровождении только Зубова и небольшого эскорта, неожиданно для всех, приехала к светлейшему сама императрица,

Можайский, бывший дежурным в этот день, бросился к Потемкину, лишь только увидел в окно выходящую из кареты императрицу.

Светлейший с обычной леностью, не выражая ни поспешности, ни нетерпения, позвал камердинера и с его помощью надел на себя парадный мундир.

Императрица была уже в приемной.

Можайский и второй адъютант, каким был Толбузин, успели встретить императрицу.

Она сразу узнала их.

— А, радостные вестники, — сказала она, — в своей реляции его светлость помянул вас. Я говорила вам (императрица отличалась удивительной памятью), что вы заработаете себе генеральские эполеты в войне с турками... Ну, что ж, я пророк. Поздравляю вас...

Никогда ни Можайскому ни Толбузину не грезилась такая быстрая карьера, хотя они отлично знали подобные примеры среди лиц, близких к светлейшему...

За императрицей стоял молодой полковник, флигель — адъютант. Взглянув на него, Толбузин окаменел.

Да ведь это Платоша Зубов, которому он так часто давал деньги, который был почти на побегушках у всей гвардейской молодежи!..

Этот двадцатидвухлетний юноша — полковник, флигель-адъютант, первое лицо при императрице...

Зубов тоже узнал приятелей; на одно мгновение краска покрыла его красивое лицо.

Можайский тоже узнал его. Но Зубов смотрел в сторону, и приятели в присутствии самой императрицы не могли обратиться к нему.

Из внутренних покоев торопливо вышел Потемкин. На его лице было видимо волнение. С радостным восклицанием: «Ваше величество!» он подошел к императрице и склонился на одно колено.

— Встань, Григорий Александрович, — произнесла Екатерина и обняла князя.

— А вот, — добавила она, указывая глазами на Зубова, — прошу любить и жаловать, мой флигель-адъютант Зубов.

Потемкин быстрым, чуть пренебрежительным, взглядом окинул Зубова с ног до головы.

Невысокий и тщедушный Зубов, несмотря на свою красоту, казался жалким и ничтожным перед князем Таврическим. Он точно весь съежился, почтительно наклонив голову. Потемкин протянул ему руку и сказал:

— Ну, Платон Александрович, много слышал о вас. И кажется у вас только один недостаток,... Зубов вспыхнул, а Екатерина насторожилась...

— Это ваша молодость, — продолжал с легкой насмешливой улыбкой Потемкин, — но, добавил он, — от этого недостатка вы избавляетесь с каждым днем. Императрица засмеялась.

Затем она изъявила желание поговорить со светлейшим, и ушла с ним во внутренние покои.

Одно другим сменялись блестящие торжества в честь Потемкина, но он видимо был недоволен.

Да, он достиг теперь такой высоты, что даже если бы сама императрица, возведшая его на эту высоту, решила бы свергнуть его, то и она не могла бы этого сделать, не потряся до основания все величавое строение своего долгого царствования и не рискуя пасть под его развалинами. С именем Потемкина были связаны все дела внутренней политики, и в его руках были нити политики внешней, и во всех соглашениях внешней политики иностранные державы считались только с ним, даже в минуты колебания самой императрицы...

Едва ли когда — либо, при самодержавном государе, подданный достигал такой высоты...

Но Потемкин видел, что прежний энтузиазм Екатерины остывал, что существуют новые враждебные влияния. А награды на него сыпались. Он получил фельдмаршальский жезл, украшенный бриллиантовыми лаврами.

После заутрени в Светлое Воскресенье императрица сама надела ему орден Александра Невского для ношения на груди, прикрепленный к драгоценному солитеру, стоимостью в сто тысяч рублей.

После трехмесячного отсутствия из армии, Потемкин оставил Петербург с тяжелым чувством. Императрица намекала на мир, австрийский император Иосиф был болен и заметно тяготился войной...

Одни скорые победы могли бы оживить недавние пылкие мечты русской императрицы и австрийского императора, зажженные гением князя Тавриды.

Суворов согласно приглашению Потемкина приехал в Петербург, был награжден бриллиантовым пером с буквой «К» (Кинбурн), но императрица заметно уклонялась от бесед со старым героем.

Можайский и Толбузин возвращались вместе со светлейшим. Георгий же, по просьбе Можайского, остался при Елене, несмотря на пламенное желание вернуться на войну.

Судьба опять улыбнулась своему неизменному любимцу. Победа следовала за победой. Турки, собравшиеся с силами, в виду долгого бездействия Потемкина под Очаковым, начали наступательную войну. Суворов, действуя совместно с австрийцами, разбил турок при Фокшанах, затем одержал блистательную победу при Рымнике и в тот же день князь Репнин разгромил их на Сальче.

Потемкин овладел крепостями Паланкой, Аккерманом, Гаджибеем (где потом была заложена Одесса).

Австрийский главнокомандующий Лаудон овладел Белградом.

Империя оттоманов рушилась со всех сторон.

Суворов получил звание графа Рымникского и орден Георгия I-го класса...

Но императрица под новыми влияниями хотела кончить войну. Потемкин расположил свою армию на зимних квартирах, и сам отправился в Яссы для мирных переговоров с Турцией. Это был только ловкий маневр с его стороны. Он не хотел мира и предъявлял Порте такие требования, на которые она не могла согласиться.

Враждебное настроение против Потемкина при дворе росло. Императрице, уже запуганной войной с Швецией, угрозами Пруссии и Англии, наговаривали, что пора заключить мир, что

Потемкин действует в видах своего личного честолюбия.

Она торопила с миром. Потемкин тянул. Но тут Потемкина поразила страшная удар в его горделивых мечтаниях о восстановлении греческой империи.

20 февраля 1790 года умер верный друг Екатерины, австрийский император Иосиф II и прусско-австрийский конгресс в Рейхенбахе объявил отделение Австрии от русских интересов.

Россия лишилась верного и могущественного союзника. Турция торжествовала.

Отныне Россия одна, окруженная со всех сторон врагами, не была уже так страшна ей...

Императрица настаивала на мире, но Потемкин даже перестал отвечать на ее письма.

Пораженный в первую минуту отказом Австрии, он решил, что Россия сама по себе достаточно сильна, чтобы нанести последний удар владычеству оттоманов.

Были томительные дни, когда русская армия изнывала под стенами Измаила. Гордо высилась неприступная крепость, и казалось, никакая человеческая сила не сломит ее сопротивления. 250 пушек и сорокатысячный гарнизон отборного турецкого войска защищали ее твердыни.

Потемкин хандрил. Окруженный царским великолепием, неограниченный распорядитель огромной армии, державший в руках своих нити всех переговоров с иностранными дворами, он был истинным царем юга и вице-императором Российской Империи.

Но его мучила нерешительность. Он чувствовал, что надо было на что-нибудь решиться. Возбудить снова чем-нибудь необыкновенным энтузиазм императрицы и довести до конца свои великие планы.

Таким подвигом могло быть взятие Измаила.

Сераскир даже не удостоил ответом.

В глубокой тьме, в 5 часов утра на 11 декабря 1790 года двинулись русские войска на приступ отвесных твердынь гордого Измаила.

Правым крылом командовал Павел Сергеевич Потемкин, двоюродный брат светлейшего, левым его племянник Самойлов, под начальством которого находился генерал-майор Кутузов, будущий герой двенадцатого года...

Турки заметили движение русских войск, и грянули пушки. Через рвы, наполненные водой, ринулись русские воины.

Можайский все время вместе с Толбузиным находился при Суворове, в самых опасных местах, исполняя его поручения.

Поражаемый огненным градом картечи и ядер отряд Кутузова поколебался.

— Лети к нему, задыхаясь, крикнул Суворов Можайскому, — скажи Кутузову, что я назначаю его комендантом Измаила!

Под градом снарядов и ружейных пуль Можайский поскакал к Кутузову. Холодно и спокойно выслушал его Кутузов и сказал:

— Благодарю графа. К вечеру я вступлю в свои обязанности.

С этими словами он пришпорил лошадь и с криком «ура» поскакал к валам. Солдаты бросились за ним...

Нельзя изобразить всего ужаса этого беспримерного в истории штурма. По грудам тел, русские ползли наверх, отвоевая каждую пядь земли. Небо горело от зарева пылающего фашичника и блеска выстрелов 250 орудий, изрыгавших смерть и ужас.

Люди становились друг другу на плечи, втыкали штыки и сабли в отвесные стены укреплений и лезли, лезли вверх.

Бешеное сопротивление турок не могло остановить их; ожесточение с обеих сторон дошло до безумия.

Отчаянный штурм продолжался десять часов, и наконец русское знамя взвилось на крутой горе.

Измаил пал.

Покрытый кровью и пороховой копотью, Можайский один из первых ворвался в город.

На главной улице отряд солдат атаковал дом, по-видимому, какого-то богатого турка, откуда непрерывно гремели выстрелы.

Можайский заметил в окнах женские лица и детские головки...

— Прочь! — крикнул он солдатам.

Но никто не слушал его. Несколько человек взломали двери, бросились внутрь дома. Желая предотвратить возможные зверства, Можайский бросился за ними.

На пороге с разрубленной головой лежал черный евнух и старая турчанка. Он бросился дальше и услышал отчаянный женский крик.

Солдаты ворвались на женскую половину. Высокий рослый гвардеец волочил за руку полубесчувственную, слабо стонавшую женщину.

В одну минуту князь очутился возле него, и вдруг окаменел: в женщине, которую тащил солдат, он узнал Маруцци... хотя короткие волосы, вместо пышных золотых кос, сильно изменили ее.

Еще мгновение, и он с невероятной силой схватил солдата за горло и грудь, поднял и швырнул...

— София, София! — воскликнул он, падая на колени около лишившейся чувств женщины.

Кругом кипел ад. Слышались стоны, вопли, проклятия и плач...

Но все же два-три солдата обратили внимание на офицера, и с их помощью Можайский вышел из дому с дорогой ношей... Он прямо направился в мечеть Селима, где временно расположился штаб.

А город уже пылал со всех сторон.

Суворов отдал его на три дня во власть своих солдат.

Почти в то же самое время, как Можайскому удалось спасти Маруцци, Толбузин на другом конце города с ротой grenадер отчаянно нападал на последний еще занятый турками люнет. Несмотря на то, что борьба была явно безнадежна, молодой офицер, командовавший турецким отрядом, не думал о сдаче. Над люнетом гордо развевалось зеленое знамя пророка.

Три раза бросался Толбузин на люнет и каждый раз принужден был отступить...

Но странно — что-то знакомое казалось ему в высокой фигуре офицера.

Дав солдатам несколько минут отдыха, Толбузин снял шапку, перекрестился и, обратясь к солдатам, сказал:

— Вперед! Ура! Да здравствует Суворов!

С криками «ура» ожесточенные солдаты бросились за ним... Толбузин первый вскочил на укрепление и очутился лицом к лицу с турецким офицером...

И вдруг мгновенно он узнал этого офицера.

— Граф Армфельд! Иуда! Христопродавец! — вне себя крикнул он...

Лицо офицера страшно исказилось...

— Это имя умерло! — прохрипел он, — будьте вы прокляты!

Он замахнулся ятаганом, но в ту же минуту один из солдат, спешивших к Толбузину, ударил его штыком в горло.

Граф Армфельд упал. Через несколько минут все было кончено. Защитники люнета легли до одного. Стычки прекратились, в городе началась кровавая оргия...

Из сорока тысяч турецкого гарнизона уцелело едва шесть тысяч человек.

«Гордый Измаил у ног Вашего Императорского Величества," донес Суворов императрице.

«Российские знамена на стенах Измаила», сообщил он Потемкину...

Густой снег валил хлопьями целый день, и когда Суворов устроил торжественный въезд в опустошенный город, толстая снежная пелена покрывала ужасы штурма — тысячи еще неубранных, обезображенных трупов русских и турок валялись на улицах...

— Помилуй Бог, как чисто! — повторял Суворов, следуя по тесным улицам...

Взятие Измаила, как громом поразило Турцию и всю Европу. Крепость, по мнению специалистов, была неприступна. Воскресли все опасения у побежденных, все надежды у победителей.

В главной квартире царил неопишемое торжество.

Потемкин бросил свою хандру, и веселый, радостный, как ребенок, целыми днями обсуждал вопрос, как достойнее встретить измаильского победителя, графа Рымникского, Суворова.

По его приказанию воздвигались триумфальные арки, по всем дорогам были выставлены дежурные сигнальщики, чтобы немедленно известить лишь только покажется победитель. У заряженных пушек и день и ночь стояли наготове бомбардиры, чтобы приветствовать измаильского героя императорским салютом...

Но измаильский герой не торопился. Он был недоволен. Он ясно видел, что вся тяжесть кампании легла на него, а слава достанется светлейшему.

Наконец настал минута, когда Суворов уже не мог дольше откладывать поездку к главнокомандующему... Но он обманул все его ожидания. Он избегал торжественной встречи и въехал в Яссы глубокой ночью, и на другой день, в длинной молдавской повозке, запряженной парой лошадей, отправился к фельдмаршалу.

Когда он въезжал во двор, его узнал адъютант светлейшего, Бауер — и бросился доложить об этом Потемкину.

Князь поспешил на крыльцо, но не успел сойти и трех ступеней, как Суворов уже вбежал к нему с юношескою живостью.

Потемкин горячо обнял его. Если иногда он и завидовал воинскому гению измаильского победителя, то в настоящую минуту он только видел в нем гордость и славу России — своего соратника, при помощи которого можно осуществить самые пылкие мечты.

Глубоко взволнованный он обратился к Суворову:

— Скажите, чем могу наградить я вас за ваши подвиги?..

Суворов вспыхнул. Как, этот баловень судьбы решается сам награждать его, совершившего беспримерный в истории подвиг! Подвиг, изумивший мир!.. Разве светлейший уже вззошел на российский престол? И, отступя на шаг, Суворов холодно ответил:

— Нет, ваша светлость, я не купец и не торговаться с вами приехал. Меня наградить, кроме Бога и всемилостивейшей государыни, никто не может!..

Потемкин побледнел. Его лицо словно погасло, осунулось и сразу постарело. Он молча повернулся и вошел в большую залу. Суворов последовал за ним и подал ему рапорт.

Нервным движением Потемкин, не смотря, смял его и сунул в карман своего золотого камзола.

Разыгралась немая, но полная трагизма сцена.

Суворов и Потемкин, молча, рядом ходили взад и вперед по большой зале. Их шаги глухо отдавались, и только этот шум нарушал тишину.

Доходя до одного конца залы, Потемкин и Суворов круто поворачивались и опять шли рядом, безмолвные, мрачные, охваченные какими-то тайными, странными думами.

Несколько раз губы Потемкина шевелились, но ни один звук не вылетал из них.

О чем думали в эти минуты эти два величайших человека своего времени?..

И что разделило их великие души? Какая суетность, какие тайные причины?..

Эта странная сцена продолжалась минут двадцать. Наконец Потемкин остановился. Он хотел что-то сказать, но только глубоко вздохнул и молча протянул Суворову руку. Суворов молча же пожал ее и вышел...

Больше в жизни они не встречались...

Строптивость Суворова стоила ему фельдмаршальского жезла.

Все окружающие заметили резкую перемену в настроении светлейшего после его свидания с Суворовым. Было ли это простое совпадение, но мрачное и угнетенное настроение не проходило у Потемкина.

Все настойчивее императрица требовала мира. Она была утомлена только что оконченной войной со Швецией и, кроме того, находилась под влиянием своего любимца Зубова, понимавшего, что с окончанием войны, Потемкин перестанет быть центром всемирного внимания и решителем судеб России.

Странное чувство овладевало иногда Потемкиным. При мысли о заключении мира ему казалось, что из него уходит жизнь. И он суеверно связывал и свою жизнь и свое счастье с продолжением войны.

И он был прав. Он только и жил все эти годы горделивыми мечтами о восстановлении Византии! Без этой мечты — ему нечем жить... А время идет... Враги при дворе усиливаются... Императрица заметно стареет и слабеет... Его влияние не таково, как несколько лет тому назад.

Или теперь или никогда!

«Нет, пока я жив, мира с Турцией не будет!» думал светлейший.

Сама императрица чувствовала, что она бессильна перед железной волей этого человека.

Тогда по совету приближенных она прибегла к хитрости. Она вызвала Потемкина в Петербург, что как раз совпало с его желанием, и в тоже время князю Репнину, принявшему на себя главное командование за отъездом светлейшего, дано было тайное повеление от императрицы ускорить окончание войны, и предоставлена полная власть подписать предварительные статьи мира, если к тому откроется благоприятный случай...

Почти накануне отъезда из Ясс светлейшего, случилось событие, развлекшее его и на несколько дней разогнавшее его меланхолию.

В главную квартиру прибыла депутация от эпирских греков во главе с Ламбро-Качиони^[5].

Потемкин велел немедленно допустить депутатов. Их было пять человек, не считая сопровождавших их слуг. Особенное внимание после самого Ламбро-Качиони обращал на себя внимание необыкновенно красивый молодой человек, почти юноша. Остальные депутаты были пожилые, солидные люди, но было заметно, что они уступают первенство юноше и Качиони.

— Кто этот Ганимед? — спросил по-французски Потемкин, обращаясь к Качиони.

— Это князь Петр Маруцци, гордость и надежда патриотов, — ответил Качиони.

Юноша вспыхнул, но не опустил глаз под зорким взглядом светлейшего.

— Маруцци, Маруцци! — повторил светлейший, — не было ли у него сестры, которая жила в Петербурге, а потом бежала на Балканы?

— Да, монсеньор, ответил по-французски князь Петр, — у меня была сестра... Мы сражались с нею рядом за свободу и оба попали в плен... ее продали в Стамбуле на невольничьем рынке...

Голос юного князя прервался.

Потемкин обернулся к стоявшему за его спиной Бауеру и что-то довольно долго шептал ему.

Затем он обратился к Качиони.

Качиони сообщил ему, что все в Эпире готово к восстанию, что к Эпиру присоединятся и другие области и вся Греция восстанет, как один человек. Нужна только материальная и нравственная поддержка.

— Вот, ваше высочество, — закончил Качиони, вынимая из кармана бумаги, — вот пожертвования патриотов. Тут боны на венские банки на два миллиона пиастров.

Потемкин задумчиво слушал его. Он и раньше уже знал о готовящемся восстании, и его эмиссары тайно действовали везде, где возможно. Ему было известно и имя Качиони.

— Хорошо, — сказал он, наконец, — я подумаю, чем могу вам помочь. Война еще не кончена и, Бог даст, мы заключим мир не в Галаце или Яссах, а в Стамбуле...

Качиони почтительно склонил голову.

Потемкин сильно несколько раз хлопнул в ладоши.

Дверь растворилась, и на пороге показалась бледная Маруцци в сопровождении Бауера и Можайского.

— Не это ли ваша сестра, мой юный Ахиллес? — обратился Потемкин к Петру.

Маруцци остановилась, протянула вперед руки и зашаталась:

— Брат!

В один прыжок Петр уже был возле нее.

— София, София, — шептал он, покрывая поцелуями сестру.

— Ну, кажется, мы можем уйти, — вдруг с необыкновенно ласковой улыбкой произнес светлейший.

Он встал и вышел в боковую дверь...

Петр рассказал сестре, как ему удалось бежать, после того, как он был продан.

Ему опять помогли греческие патриоты. Потом он бежал в Эпир. София умоляла его остаться в России, но Петр твердо решил вернуться на родину.

Потемкин вспомнил о миллионе, пожертвованном в свое время княжной Маруцци, и, хотя эти деньги действительно были давно истрачены на нужды войны, все же распорядился выдать

князю и Качиони пол миллиона.

Впоследствии Качиони на эти и пожертвованные деньги купил в Италии двенадцать судов, вооружил их, и с безумной отвагой совершал в Архипелаге крейсерские набеги на турецкие суда. Он скоро стал грозой Архипелага и нанес страшное поражение янинскому паше.

XX.

Потемкин был встречен с величайшим почетом. Императрица не жалела наград для Потемкина, но уже награждать его было нечем. Тогда императрица купила у него Таврический дворец и вновь подарила ему. Потом прислала ему камзол, зашитый брильянтами и драгоценными камнями, стоимостью в 200. 000 рублей.

Она не противоречила ему, когда он настаивал на продолжении войны.

С утра его приемные уже были наполнены толпами вельмож. По-прежнему к нему заезжали иностранные послы. Но что-то словно оборвалось в сердце светлейшего. Как будто все было не то, как будто произошла какая-то неуловимая, но роковая перемена в обращении императрицы.

Потемкин не мог спокойно видеть нагло-красивого лица Зубова, несмотря на свою наглость заметно робевшего перед князем. Потемкин его третировал. Зубов бледнел и дрожал от бешенства, а императрица делала вид, что ничего не замечает, но при каждом удобном случае говорила Потемкину, что молодой Зубов удивляется его гению и благоговееет перед ним...

Но Потемкин не поддавался лести. Он видел и понимал все, что происходило вокруг. Но какие бы чувства ни владели душой Потемкина, он не высказывал их, чтобы не дать торжества врагам. Он являлся при дворе всегда высокомерный, блестящий, самоуверенный, едва замечая молодого любимца императрицы.

А жадный Зубов каждый день что-нибудь выпрашивал у государыни.

В последнее время его особенно прельщало одно из великолепных имений Потемкина с 13000 душ крестьян. Он намекнул об этом императрице, и она со своей обычной щедростью решила и утешить любимца и вновь наградить Потемкина.

Она навела справки и узнала, что Потемкин уже выражал желание продать это имение. Она тотчас же решила дать ему двойную цену.

На большом обеде, в кругу приближенных, она вдруг обратилась к светлейшему.

— Скажите, Григорий Александрович, что стоит ваше могилевское имение?

Потемкин бросил на нее острый взгляд, перевел его на Зубова и по вспыхнувшему лицу его сразу узнал, в чем дело.

— Извините, ваше величество, — спокойно ответил он, — оно уже продано.

Легкая краска покрыла лицо императрицы.

— Когда? — спросила она.

— Сегодня утром, — ответил Потемкин.

— Кому же?

Светлейший бросил вокруг рассеянный взгляд и затем, слегка повернувшись, произнес с легкой улыбкой:

— Да вот ему, и он указал рукой на стоявшего за его столом молодого адъютанта, князя Щербатого.

Тот растерялся от неожиданности.

Императрица поняла. Зубов побледнел.

— А-а, — недовольно протянула императрица, нахмуривая брови.

В тот же вечер Потемкин распорядился составить формальный акт о продаже имения князю Щербатому.

С разрешения императрицы и светлейшего князь Можайский женился на Маруцци. Сама государыня и Потемкин благословляли их к венцу. И тот и другой сделали молодой невесте драгоценные подарки.

Но свадьба была все же очень скромная.

Присутствовали Батурин и Толбузин и, конечно, Елена с Георгием; молодые чувствовали себя бесконечно счастливыми и их не пугало даже предстоящее возвращение в армию и война.

Чувствуя, что близится время, когда необходимо будет уехать в армию, и желая на прощание ослепить Петербург неслыханным праздником, Потемкин решил устроить торжество в честь императрицы!

По запискам современников, это празднество походило на волшебное воссоздание одной из сказок тысячи и одной ночи.

XXI.

Пока Потемкин бездействовал в Петербурге, наши войска под начальством князя Репнина начали военные действия. Кутузов обратил в бегство при Бабадаге 22 — тысячный турецкий корпус. Князь Репнин при Мачине разбил на голову стотысячную армию Юсуф-паши.

Вести об этих победах заставили императрицу снова спешно и тайно подтвердить Репнину свое желание скорейшего мира, благо есть удобный случай. Эти же вести заставили Потемкина бросить Петербург и помчаться к армии. Он ехал с решимостью продолжать войну, хотя императрице обещал заключить скорый мир.

Императрица приказала отпустить в его распоряжение шесть миллионов на продолжение войны, и тайно торопила Репнина заключить мир до приезда светлейшего...

Потемкин и Екатерина перестали понимать друг друга.

Окрыленный вновь горделивыми мечтами Потемкин примчался в Галац и был поражен, как громом, узнав, что накануне, 30 июня, Репнин подписал предварительные условия мира...

Он потребовал к себе Репнина и в бешенстве стал упрекать его.

Репнин спокойно ответил, что он исполнил свой долг перед императрицей, и подал ему тайный приказ государыни.

Потемкин долго смотрел на лежавшую перед ним роковую бумагу. Потом тихо опустил голову и закрыл рукою глаза.

Благородный Репнин с чувством глубокого уважения смотрел на гордого князя Тавриды, пораженного таким страшным ударом.

Наконец Потемкин поднял голову и открыл бледное лицо.

— Да, глухо сказал он, — ты прав, ты исполнил свой долг. Теперь оставь меня...

Потемкин не спал ночь. На утро он как ни в чем не бывало вышел в приемную к ожидавшему его генералитету.

Репнин явился к нему с докладом по поводу мирного трактата, — который он должен был скрепить еще своей подписью. Но Потемкин холодно посмотрел на него и сухо сказал:

— Под этим трактатом моей подписи не будет. Вы подписали его без меня. Я не признаю его значения. Война не кончена!

Репнин остолбенел.

— Но мне даны императрицей полномочия, — проговорил он.

— Я имею другие, — ответил князь, — говорю вам, что этот трактат не действителен...

Репнин, не помня себя, вышел от светлейшего и в тот же день отправил императрице донесение...

Но это было последней вспышкой энергии умирающего льва.

Непонятная тревога, какое-то беспокойство, словно предсмертная тоска, овладело князем. Он переехал из Галаца в Яссы, но и там его томила тоска. Всякие переговоры с Турцией были прекращены. Никто не смел заикнуться при нем о мире. Недоумение царило в армии.

Никто не знал, что теперь — мир или война?

Но тайная скорбь, гибель лучших надежд, сжигала Потемкина. Он худел, таял, терял силы. Его могучий организм еще боролся.

Душевное беспокойство не позволяло ему оставаться долго на одном месте.

— Если суждено умереть, то я умру в моем Николаеве, сказал он и 5 октября, с обычной пышностью, выехал из Ясс.

С ним ехал и Можайский с женой, находившейся при любимой племяннице светлейшего, графине Браницкой.

Но едва проехали тридцать восемь верст, как Потемкин приказал остановиться. Он вышел, взглянул словно с безмолвной мольбой на небо, велел разостлать плащ и лег на него под деревом.

Блаженная улыбка появилась на его лице, и с тихим вздохом облегчения он опустился на спину и затих.

В глубоком молчании стояла вокруг него свита...

Светлейшего не стало. Великое сердце перестало биться.

Подъехал запоздавший медик Потемкина, Массо. Он выехал из Ясс часом позднее. Ему оставалось только заявить, что помощь уже не нужна.

Вечерело, угасало небо.

Пустыня молчала вокруг. Короткие сумерки сменялись ночной тьмой...

Ночью, окруженная погребальными факелами, воротилась в Яссы карета Потемкина.

Печаль Екатерины была велика. Получив скорбную весть, она потеряла сознание, и ей пришлось пустить кровь.

— Кем заместить такого человека, — говорила она потом, — мы все теперь, как улитки, которые не смеют высунуть голов из раковин!...

Со смертью Потемкина Европа вздохнула свободно. Грозный призрак третьего Рима растаял и исчез, как марево. Померкла звезда Екатерины. Омрачалась слава ее царствования. Ничтожный Зубов с каждым днем становился могущественнее.

Императрица заметно слабела и физически и духовно...

Мир с Турцией был заключен. Россия немного выиграла от этой войны, — Очаков да земли между Бугом и Днестром...

По заключении мира Можайский с женой вернулись в Петербург. Попытка Ламбро-Качиони кончилась неудачей, и он поступил на русскую службу. С ним приехал и князь Петр. Судьба второй сестры Маруцци так и осталась неизвестной.

Прошли годы, умерла Екатерина.

Пронеслась новая война. Можайский со своими друзьями, Батуриным и Толбузиным, а также и князь Петр участвовали в итальянском походе Суворова и во всех последующих наполеоновских войнах, при чем с 12-го года с Можайским уже сражался и его сын Александр, а еще раньше, с 5-го года — племянник.

Дети Елены были определены: сын Александр в корпус, дочь в Смольный институт. Еще при Екатерине, по ходатайству Потемкина, им была предоставлена фамилия Маруцци.

София дожила до счастья видеть наконец свою родину независимой. В этой войне принимал участие и ее сын, уже командовавший полком и вместе с Дибичем вступивший в Адрианополь.

22 января 1830 года после победоносной русской войны Греция была провозглашена независимым королевством.

Конец.

[1] Теперь Полицейский мост.

[2] Знаменитый ученый френолог и физиономист XVIII века.

[3] Адрианополь.

[4] Теперь Севастополь.

[5] Впоследствии был офицером русской службы.